

Э . К . Д Ж О Н С Т О Н

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *



УБЕЖАТЬ ОТ ЗВЕРЯ



Гермиона Винтерс — капитан команды черлидеров, но для жителей небольшого городка Палермо Хейтс это означает совсем не то, что вы думаете. В школе Палермо Хейтс черлидеры — это не болельщики спортивных команд; они сами — спортивная команда — гордость и триумф маленького городка. Это лето в тренировочном лагере со своей командой для Гермионы Винтерс последнее, так сказать, начало конца... только вот конца чего именно, она не уверена. Она знает, что этот сезон может сделать ее легендой. Но затем на вечеринке кто-то подсыпает какую-то дрянь в ее напиток. И все идет наперекосяк.

На каждом курсе есть звезда-черлидер и беременная девушка-изгой. И никогда раньше такого не было, чтобы это был один и тот же человек. Гермиона борется за возвращение контроля, которым всегда обладала, и сталкивается с необходимостью принятия мучительного решения, как ей жить дальше. Надругательство не было началом истории Гермионы Винтерс, и она не позволит ему стать завершением. Она не намерена быть поучительной историей для кого бы то ни было.

УБЕЖАТЬ ОТ ЗВЕРЯ

Автор: Э.К. Джонстон

Рейтинг: 16+

Серия: Вне серий

Главы: Пролог+32 главы

Переводчик: Екатерина Б.

Редактор: Екатерина Л.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

После школы я иду на пробежку. Обычно мне хватает тренировки между занятиями и уроками физкультуры, и я не тренируюсь дополнительно. Но на этой неделе я чувствую, что взорвусь, если не буду двигаться. Поэтому я бегаю. Пробегая вверх и вниз по улицам Палермо, рассматривая дома и разноцветные листья на деревьях, я напоминаю себе, что мое тело — это моя собственность, без ограничений. Я бегу по проселочной дороге, под ногами скрипит гравий — пока от запаха сосны меня не начинает тошнить, тогда я мчусь обратно, к безопасности бетонного тротуара. Я бегу и бегу, и когда вечером наконец-то засыпаю, я настолько уставшая, что не помню свои сны

Как-то вечером я пробегала мимо церкви, которую мы с отцом посещаем каждое воскресное утро, когда оба бываем дома (ну... это примерно раз в месяц, в удачный месяц). На протяжении всей следующей недели я каждый вечер пробегала мимо этой церкви, но сегодня свет в кабинете пастора включен. Когда-то давно церкви были открыты постоянно, как пристанище для нуждающихся. Но, полагаю, мир меняется. До происшествия у меня никогда не возникало мыслей о церкви, но когда я вижу включенный свет, ноги сами замедляются около нее, и я стучу в дверь еще до того, как осознаю свои действия. Сильный удар моего кулака отдается по деревянной двери. Я уже готова передумать, но сбежать было бы грубо. Дверь открывается в тот момент, когда я уже решаю, что свет оставили включенным случайно. Появляется одетый в обычную одежду пастор, выглядя при этом слегка сконфуженно. На мгновение, когда он узнает меня, его глаза распахиваются, а затем он придает лицу нейтральное выражение.

— Здравствуй, Гермiona, — говорит он. Интересно, он помнит мое имя потому, что хорош в своей работе, или потому, что меня показывали в новостях. Он не спрашивает, в порядке ли я. Вместо этого жестом приглашает меня войти и закрывает за мной дверь. Возможно, потому, что я нахожусь в церкви. Возможно, потому, что этот мужчина крестил меня. Но я не боюсь его.

— Здравствуйте, преподобный Роб, — говорю я, и звук закрывшейся двери эхом разносится по коридору. — Надеюсь, я не отрываю вас от дел?

— Нет. Нет. Просто готовлюсь к воскресенью. Столько лет, а я все еще немного побаиваюсь выступать, вплоть до начала проповеди.

Я иду следом за Робом обратно в освещенный кабинет, заполненный старыми книгами. Пастор указывает мне на один из стульев. Только сейчас я понимаю, что именно хочу сказать, о чем хочу попросить.

— Не хочешь выпить воды или чая? — спрашивает он. — Это все, что у меня здесь есть.

— Я в порядке. Спасибо, — чувствую себя чрезвычайно неловко. Я все еще ищу в себе силы сделать это. — Я не часто прихожу сюда.

— Все нормально, — пастор комфортно располагается в своем кресле. Люди больше не чувствуют себя комфортно рядом со мной. — Я знаю, как пролетает жизнь. Церковь и графики работы не всегда совпадают, так что я придерживаюсь политики открытых дверей.

— Точно, — говорю я. — У меня к вам две просьбы. Одна немного самонадеянная. А вторая... тоже самонадеянная.

— Пожалуйста, говори, не стесняйся.

— Спасибо, — на мгновение я замолкаю, собираясь с мыслями. Я думаю о взглядах,

обращенных на меня в магазине, и делаю глубокий вдох. — Пожалуйста, не просите людей молиться за меня.

Часть 1

А летняя аренда дарует слишком короткое свидание.

— Клянусь Богом, Лео, если ты бросишь еще хоть один носок, то я лично сброшу тебя в озеро, — кричу я, мои колени прилипают к виниловой обшивке сиденья, пока я поворачиваюсь к задним рядам. Когда мы загрузились в автобус, парни заняли задние места, и поскольку оттуда доносился странный запах (ну очень странный запах), мы были только счастливы позволить им занять их. Однако я не ожидала постоянного обстрела носками.

— Как будто ты смогла бы, Винтерс, — кричит он в ответ. Остальные парни начинают улюлюкать.

— Возможно, я и маленькая, — отвечаю я, — но я ловкая.

— Мне ли этого не знать, — Лео кидает хитрый взгляд, и улюлюканья переходят в недвусмысленные свистки.

Я снова начинаю заводиться из-за свернутых носков, едва слушая Лео, но обращаю внимание на Кларенс, которая выглядит так, будто жаждет расплаты. Я смотрю на остальных, а затем резко отворачиваюсь, глядя вперед, но к тому времени, как снова сажусь на свое место, я улыбаюсь. Остальные девушки наклоняются ко мне, их заплетенные лентами косички свисают по плечам не менее угрожающе, чем мировое скопление змей. Конечно, вполне возможно, змеи хотят, чтобы мы именно так и думали.

Я чувствую, как под колесами автобуса меняется дорога. Всего лишь миг до гравия. Мы уже близко.

— Seriously, Гермiona, — шепчет Полли достаточно громко, чтобы услышали остальные девушки. Мой помощник капитана команды и лучшая подруга тоже чувствует наше приближение. — В этом году мы точно скинем задницу Лео в озеро.

— Да ладно. Нам надо придумать что-то получше этого!

— Точно, — взвизгивает Астрид, ей пятнадцать, и она соглашается со всем, о чем говорим мы с Полли. Власть опасна, или она может быть такой. Но это однозначно весело.

— Это будет самая лучшая кричалка в лагере, — говорит другая новенькая, перегнувшись через спинку сиденья. Она все еще настолько низкого роста, что я уверена, пока она пытается подобраться еще ближе к нам с Полли, ей приходится приподнимать колени над своим сиденьем. Я не могу вспомнить ее имя. И этому нет оправданий. Я должна быть лучшей.

— Девочки, — говорю я таким голосом, будто раскрываю им тайну Вселенной, — это будет самая лучшая кричалка года.

— Вперед, «Медведи»! — кричит Полли, вскидывая в воздух руки с идеальным маникюром и трясая воображаемыми помпонами. Парни со своих мест топают ногами в ответ. Даже водитель автобуса попадает под ее чары, и я ловлю его на том, что он смотрит на нас через зеркало заднего вида и улыбается. Я единственная, кто знает ее достаточно хорошо, чтобы понимать, насколько она невыносимо саркастична. Это и есть суперсила Полли. Не имея других вариантов, она стала черлидером, но хотя она и выглядит как образец совершенства, под этой пластиковой ширмой скрываются ростки презрения и пренебрежения, поэтому я рада, что она на моей стороне. Как бы там ни было, если Полли поддерживает тебя, ты должна считаться с этой силой.

Как всегда, тщательно просчитанный и культивированный энтузиазм Полли заразителен, поэтому, как мы и планировали, когда автобус проезжает мимо огромной

деревянной таблички «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛАГЕРЬ MANITOUWABING», они опускаются, и большинство из нас выкрикивают в окна, насколько сильно мы любим нашу школу и как мы гордимся быть «Боевыми Золотыми Медведями». Наверное, Полли это кажется нелепым — и, вероятно, она права — но мне все равно. Мы — команда. От новобранцев, отчаянно старающихся приспособиться к нам, до моего парня, который все еще не выходит из моей головы со своими бросками носков. Мы — команда, и мы въезжаем в лагерь — самые громкие и самые гордые из всех. Я бы ни на что на свете не променяла это.

* * *

Автобус сворачивает к стоянке, покрышки скрипят на грунтовой дороге, поскольку около нас останавливается минивэн, мы остаемся на своих местах. Тренер Кэлдон выползает из машины. Мгновенье она растягивается, при этом ее идеальные прямые угольно-черные волосы практически касаются земли. Ей около сорока, но у нее гладкое лицо с таким цветом кожи, за который мы все смогли бы убить. Она до сих пор обладает атлетическим телом — тонкое, мускулистое и чрезвычайно скоординированное — но я знаю, что в университете она порвала связки, и ей тяжело переносить долгие поездки на машине. Когда она разминается настолько, чтобы идти без заметной хромоты, то сразу направляется в офис. Тем временем ее дочь вылетает из машины со стороны пассажирского сиденья, и через мгновенье, когда водитель открывает для нее дверь, одним внушительным скачком запрыгивает на ступеньки автобуса.

— Всем привет! — кричит она. Флори всего десять, но мы все от нее без ума. Мне немного грустно, что меня не будет рядом, когда она начнет заниматься черлидингом в средней школе. — Мама ушла, чтобы зарегистрироваться и получить наши хижины. Она хочет, чтобы вы все сидели смирно, пока она не вернется.

Это кое-что говорит о силе Александры Кэлдон, потому что ее указания переданы десятилеткой, и эффективнее этого ничего нет. Мы остаемся на своих местах, как нам и приказали, пока Кэлдон наконец-то не поднимается по ступенькам.

— Итак, леди и джентльмены, как вы успели заметить, мы прибыли в лагерь Manitouwabing, — говорит она. Тренер произносит эту фразу каждый год. Это обнадеживает и снова напоминает мне, как я взволнована. — Гермiona, Полли, Лео и Тиг знают все правила, так что, если у вас есть вопросы, задайте их сначала им, прежде чем идти ко мне. Сейчас я распределю вас по хижинам, — она делает паузу, пока удерживает несколько листов бумаги так, чтобы мы могли их увидеть. — Заметьте, одни хижины для мальчиков, а другие для девочек.

— Пусть так будет и в дальнейшем! — скандируют некоторые из нас, кто уже знает продолжение этой фразы. Я замечаю, что Лео и Тиг давятся от смеха.

— Вот именно, — Кэлдон говорит это с легкостью, но намек на угрозу более чем достаточно, чтобы мы обратили на это внимание. Закончив речь, она отдает мне листок со списком. — Также вы должны постараться не получать травмы, потому что мы находимся в часе от Пэрри Саунд и от возможной воздушной перевозки в Торонто. *(Примеч. Пэрри Саунд — город, расположенный в восточной части Онтарио, Канада)*. И это куча бумажной работы для меня. Так что, если возможно, воздержитесь от этого. Через полчаса прозвенит

звонок на вводное представление. Пожалуйста, соберитесь оперативно. А пока что вы можете заселяться.

Я смотрю вниз на список. Поскольку у нас с Полли в руках отдельные списки, я понимаю, что этот год смешанный. В одни годы лагерь распределяет каждую школу в отдельные хижины, а в другие — смешивает всех вместе. Если бы Кэлдон не стояла сейчас прямо около меня, я бы разразилась проклятиями. Будет тяжело планировать месть и бодрствовать с Полли допоздна, когда она будет жить в другой хижине. Полли выглядит невыносимо веселой. Должно быть, она тоже чересчур раздражена.

— Астрид, Дженни, Алексис, Кармен и Мэлори, — выкрикиваю я имена. — Вы все со мной.

— Следовательно, со мной идут Челси, Бренда, Карен и обе Сары, — заканчивает без единой паузы Полли.

Обе Сары вздыхают. Можно подумать, администраторы лагеря воспользовались бы возможностью разделить их.

— Леди, не переживайте! — говорит Тиг, в руках у него собственный список. — Будем надеяться, что к концу лагеря у каждой из вас появится прозвище, и мы сможем отделить вас друг от друга.

— Ага, — говорит Астрид, выглядя более харизматично, чем я ожидала от нее изначально. — Такое потрясающее прозвище, как Тиг.

Тиг, которого на самом деле зовут Эндрю, становится ярко-красным. Он считает, что иметь прозвище — унижительно, однако, он так и не смог изменить свое. Я думаю, ему немного досадно, что к Лео никогда не приклеивалась ни одна лагерная кличка.

Мы по одному выходим из автобуса. Здесь прохладнее и пахнет лучше, чем воздух от автобусного кондиционера. А еще ощущается неповторимая смесь летнего зноя и прохладной сосны. Мэлори, которая также в лагере в последний раз, делает быстрое сальто вперед. Если бы капитану не приходилось соблюдать приличия, я бы присоединилась к ней. Я так долго ждала этого.

В задней части автобуса Тиг и Дион — который непонятно как потерял свою футболку — раздают нам наши сумки. У парней по одной упакованной сумке на каждого, что приводит в ярость. Если бы у меня был выбор, это была бы небольшая сумка, но две недели в лагере означают две недели абсолютно идеальной внешности все то время, пока я живу в хижине. Это одна из вещей в черлидинге, которую я реально ненавижу. Я люблю прыжки, кричалки и гимнастику, но мне на самом деле не нравится на рассвете по двадцать минут тратить на макияж и придумывать четырнадцать различных видов причесок для моих волос.

Парни довольно быстро выпутываются из этого, оставив нас разбираться, в какой из сумок находится кейс с косметикой. Согласно традиции, которая настолько стара, что я даже не знаю, когда она появилась, у каждого из нас есть свои согласованные обязанности. Когда мы упаковывали вещи, то завязали на ручках сумок опознавательные ленточки, но, как оказалось, прежде чем начать сражение на носках, парни проделали довольно серьезную работу с ленточками. Я мысленно дорабатываю свой начальный план по утоплению Лео, включив в него всех шестерых парней.

Пятнадцатью минутами позже я веду свою пятерку девушек к хижине, в которой мы вместе будем жить, и если мне не изменяет память, этот развивающийся флаг на ней принадлежит школе Святого Игнатия в Миссиссоге (*Примеч. Mississauga — город в провинции Онтарио, Канада*). Их фиолетовый и оранжевый цвета не будут сочетаться с

нашими золотым, черным и белым, и фотографии будут не такими хорошими, как в прошлом году, но с этим ничего не поделаешь. Я только надеюсь, что они не сделают ничего раздражающего, например, займут все нижние койки.

Полли стоит рядом со мной, ее девушки, как утята, выстроились в ряд за ее спиной. Ее прикрепили к хижине с развивающимся бело-зеленым флагом, значит, это либо школа Kincardine Knights (*Примеч. Kincardine — город в провинции Онтарио, Канада*) или частная школа Тандер Бей, талисман которой я никогда не смогу вспомнить, потому что он абстрактный.

— Встряхнись, — говорит она, разгадав выражение моего лица. — Это лагерь черлидеров. Что может быть хуже этого?

Я ждала этого момента или чего-то похожего всю свою жизнь. Справлюсь и с верхней койкой. Я распрямляю плечи и поднимаю свой рюкзак, показывая Полли, что для меня ее вопрос не стоит даже воздуха, не то что ответа, и иду вперед.

Полли смеется, сворачивая к своей хижине.

Веранда нашего нового дома находится в тени, а значит, там будет немного прохладнее. Конечно, это также означает миллион moskitov, но если здесь будет новая сетка, тогда, возможно, я поменяю свое первое впечатление. Но это я забегаю вперед.

Мэлори передает мне наш школьный флаг. Я делаю глубокий вдох, затем очищаю ограду и привязываю его рядом с флагом школы Святого Игнатия. Как и ожидалось, они полностью дисгармонируют, но после того, как поднимается ветер, мне на самом деле уже все равно. Я смотрю вниз на свою команду, все они подпрыгивают, как пружинки, точно так же, как делала я, когда мой капитан вешала наш флаг. Я ощущаю их волнение. Этот год, на самом деле, будет лучшим.

— Девочки, — кричу я неожиданно четким голосом, которым никогда больше не скажу такие слова, — давайте сделаем это!

Лагерь Manitouwabing один из тех летних лагерей, которые существуют уже целую вечность. Wabing раньше был лагерем Kiwanis, а до этого он был тренировочным лагерем ВВС, а до этого он был убежищем для короля Норвегии. Или типа того. И не важно, каким это место было раньше, сейчас здесь сохранилось двадцать студенческих хижин с облезлыми коричневыми стенами, обшитыми деревом, и перекошенными крышами, шесть немного лучше сохранившихся хижин для персонала, широкое зеленое поле с расчерченными футбольными линиями, старая пристань и огромный обеденный зал.

— Привет, — говорит мне девушка, когда я открываю дверь хижины. Полагаю, она капитан команды школы Святого Игнатия. Вероятно, я виделась с ней прежде, но, хотя моя память хороша в запоминании расцветок флагов, лица быстро становятся размытыми пятнами. Она протягивает мне руку, ногти на которой покрашены в оранжевый и фиолетовый цвета. — Я Эйми.

Я представляюсь, пока за моей спиной в хижину втекают остальные девушки. Руки Мэлори заняты, и она не может придержать входную дверь, когда та начинает закрываться. Те из нас, кто уже бывал здесь прежде, готовы к грохоту, который раздастся, когда она закроется, но Эйми ловит ее прежде, чем это произойдет. Улыбаясь, она бесшумно закрывает дверь.

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что они все заселились на одну сторону хижины. Я не переживаю по поводу доставшейся нам стороны. Я знаю, что, в отличие от той стороны, где мы останавливались в мой первый год, на этой стороне крыша не протекает. В итоге, в тот год нам с Полли пришлось спать вместе на одной нижней койке.

— Хороший захват, — говорю я, улыбаясь своим воспоминаниям и быстрой реакции Эйми по захвату входной двери.

Мы с Мэлори в паре, и она без слов отдает мне капитанское право на нижнюю койку. Мы все начинаем распаковываться, по большей части это ограничивается закидыванием чемоданов под кровати и раскатыванием спальных мешков, но звонок звенит гораздо раньше, чем мы успеваем закончить.

— Не волнуйся ты так, — Мэлори, за плечами у которой так же много поездок в лагерь, как и у меня, успокаивает Астрид, которая верхом на своей койке пытается распрямить свой спальный мешок так, будто от этого зависит ее жизнь.

— Ага, — подтверждаю я во всеуслышание, при этом пиная свой все еще не раскатанный спальный мешок к подножию кровати. — И поверь мне, ты на самом деле не захочешь опоздать.

Эйми понимающе кивает всем в хижине и марширует к своей команде. Похоже, ей надо разобраться со своими собственными новичками. Мы вместе выходим наружу, с осторожностью смешиваясь между собой, знакомясь и прощупывая почву. Все собираются на поле, и в течение всего вступления мы сидим под палящим августовским солнцем.

Это вступление я слышала неоднократно, так что, пока сотрудники представляются, мои мысли блуждают. Я помню, как мы с Полли были здесь в первый раз, перед нашим девятым классом. Мы усердно тренировались, чтобы попасть в команду. Кэлдон меня пугала, даже несмотря на то, что я находилась в ее развивающем лагере с самого начала лета, и стала первой, кто подошел им. Тогда с ней было нелегко, но потом стало еще страшнее.

Мы с Полли обе старались, как могли, но нагрузки были интенсивными, а ставки были не в нашу пользу. Девятиклассники редко проходили отборочные. Большинство новичков были десятиклассниками. Но Кэлдон всегда безупречно справедлива. С конца июня она, как правило, посещает начальные школы и предлагает ребятам, у которых, как она считает, есть потенциал, пройти особые отборочные у действующей команды. Обычно они практически всех отсеивают, но мы с Полли пробилась, хоть и с трудом.

Я помню свой страх в тот момент, когда вывесили списки. Линдси, капитан команды, стояла рядом со списком, и, в зависимости от ситуации, поздравляла или утешала людей. Я уверена, ее присутствие должно было успокаивать, но вместо этого было ощущение, что мы должны быть готовы к худшему. Что, если я смогла пройти отбор, а Полли нет? Что, если Полли смогла, а я нет? Я хотела быть частью команды потому, что любила это. С Полли было немного по-другому. Палермо Хейтс — маленький городок, и если быть правдивой, наши маленькие спортивные команды не самые лучшие. Сколько каждый помнит, если хочешь, чтобы тебя заметили, если хочешь быть первым в чем-то в Палермо Хейтс, ты должен быть черлидером, а Полли хотела победить больше, чем кто-либо из тех, кого я знаю.

Увидев в списке оба наших имени, я едва поверила в это. Это все казалось совершенно нереальным до тех пор, пока мы обе не оказались сидящими на этом поле с царапающими наши спины золотыми ленточками, сияющими на солнце в наших заплетенных на французский манер косах.

Два месяца назад утешать расстроенных несостоявшихся новичков, совмещая с поздравлениями успешно прошедших в команду, стало моей обязанностью, как черлидерши-двенадцатиклассницы. К счастью, я в этом хороша.

Я возвращаюсь в настоящее только в тот момент, когда директор лагеря рассказывает о тесте по плаванию, который мы должны будем сдать после обеда, если хотим плавать в течение всего времени пребывания в лагере. Я знаю из личного опыта, что в озере будет очень холодная вода, но намного быстрее будет искупаться в нем после тренировки, чем ждать своей очереди в душ.

Лео ловит через поле мой взгляд и подмигивает мне, и у меня такое чувство, что он наблюдал за мной все время, пока я парила в своих воспоминаниях. Он часто так делает — наблюдает за мной. Наверное, это нормально, когда твой парень делает такие вещи, но, кажется, я никогда сама не делала этого. Обычно я просто обрываю этот обмен взглядами, и такое ощущение, будто я что-то упускаю. Похоже, у Лео есть вопросы, но я не уверена, что у меня есть на них ответы.

— А вечером, после плавания и ужина, — как всегда напоминает нам директор, — у нас будет костер у озера. Каждый капитан должен рассказать историю о своей команде, что-то, чем его команда не гордится. Это должна быть история о неудачах или недостатках, с которыми сталкивалась ваша команда. Вашей задачей на следующие две недели будет собраться и разрешить эти проблемы вместе как команда и как отдыхающие. Еще раз, добро пожаловать в лагерь Manitowabing. Я надеюсь, вы все хорошо проведете время, и увидимся с вами на озере!

На это мы немного аплодируем — в конце концов, мы черлидеры — затем все возвращаемся в наши хижины, чтобы переодеться. Несмотря ни на что, на прохождение теста соберется огромная очередь, так что я не слишком тороплюсь. Да, возможно, я должна быть примером для подражания, но я не собираюсь следующие два часа торчать на солнце. По крайней мере, если буду плавать, то смогу снимать с волос свои ленточки. В толпе Полли

потирает мое плечо, и я улыбаюсь ей, когда она направляется в свою хижину.

Мы никому не говорили об этом, даже Кэлдон, но этот вечерний костер является одной из причин, почему мы так сильно хотели быть со-капитанами в этом году. Каждый год мы сидим здесь и слушаем рассказы капитана о том, насколько малообеспечена наша школа и как тяжело нам соревноваться, так как нас мало. Капитаны из больших школ обычно стонут о том, что не получают никакого уважения, что их не воспринимают, как настоящих атлетов. Это все до смешного неважно. Выпускники Палермо Хейтс вкладывают в программу черлидинга больше денег, чем можно потратить (мы, к примеру, не потратили ничего со своего кармана на посещение этого лагеря, и мы единственная команда в школе, у которой появилась новая униформа в этой декаде). Только благодаря нам в газете Палермо есть спортивная колонка. Если бы в лагере была сотовая связь, каждый вернувшийся домой подписывался бы на нашу страничку в Инстаграм. Проще говоря, черлидинг в Палермо Хейтс на особом положении. Так что у нас с Полли есть планы на этот костер, планы, которые важнее, чем команда и две недели, которые мы проведем в лагере. Вполне вероятно, что ребятам с нашей команды это не понравится, но все то время, пока я переживаю из-за этого, Полли следит, чтобы мой позвоночник оставался несгибаемым.

— Я, правда, очень рада, что вы с Полли в этом году стали со-капитанами, — говорит Эйми, внезапно оказавшись рядом со мной. Я никак не могу научиться вовремя возвращаться в реальность.

— Мы тоже в восторге от этого, — говорю я. И это правда, но это больше, чем просто восторг. Думаю, Эйми тоже это понимает.

— Некоторые со-капитаны только создают беспорядок, — продолжает Эйми. Я припоминаю, откуда знаю ее. У Святого Игнатия в прошлом году были со-капитаны, и это стало катастрофой. Две девушки ни в чем не соглашались друг с другом, и вся команда распалась. Эйми была одной из флайеров, и в прошлом сезоне на финальном соревновании команда была настолько не синхронна, что они уронили ее. В этом году она будет амбициозной, но, по крайней мере, ей легко будет выбрать историю для костра. (*Примеч. Флайер — это самые худенькие и стройные девушки, их вес не должен превышать 47 килограммов. Задача флайеров заключается в том, чтобы стоять на самом верху пирамиды. Флайеры в принципе с поверхностью пола не контактируют*).

— Ага. Но мы с Полли дружим уже очень долгое время, и мы готовы работать вместе.

Правда в том, что мы с Полли практически идеально дополняем друг друга. Со стороны эстетики она безупречна. Каждый волосок в ее прическе всегда на своем месте, и если она распустит свои волосы, также будет выглядеть безупречно. Не было ни одного лица, которому она не смогла бы сделать идеальный макияж, ни одной порванной вещи, которую она не смогла бы залатать так, чтобы это было незаметно, и все это она делает с безупречной белозубой улыбкой. Я хореограф. Я в точности могу рассказать, как тяжело продвигать новеньких девушек. Я могу уговорить парней перестать дурачиться и быть внимательными. Могу собрать, на секундочку, восемнадцать подростков с гормонами в сплоченную группу, способную заставить обычного человека летать. Полли удостоверится, что ты выглядишь идеально, когда ты на земле, а я удостоверюсь, чтобы кто-нибудь находился в правильном месте, чтобы поймать тебя. Эйми не ошиблась. Мы отличная команда. Мы должны быть такой командой. Мы годами готовились к этому.

Когда мы с Эйми заходим в хижину, там повсюду раскидана одежда, а девушки, скромность которых исчезла в школьных раздевалках, переодеваются из маек и шортов в купальники. Новенькие девушки пытаются сделать вид, будто не хотят переодеться, укрывшись своими спальными мешками. Кармен подмигивает мне. Мы переодеваемся так настолько давно, что едва помним те дни, когда стеснялись этого. Здесь в равной степени смешались чрезмерно-сексуальные бикини и практически сплошные купальники (хотя большинство из них еще более ярких расцветок), полотенца и саронги таких расцветок, какие только можно вообразить. (*Примеч.: саронг — отрез цветной хлопковой ткани, которая обертывается вокруг середины груди и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток, индонезийская национальная одежда*).

— Мэлори, ты собралась? — кричу я сквозь всю эту массу людей.

— Ага, — говорит она.

— Отлично. Забирай с собой всех, кто уже готов. Мне надо найти свою обувь, а потом я приведу остальных.

Я осматриваю свою сумку, выискивая шлепанцы, пока толпа вокруг меня рассеивается. Шлепки оказываются в самом низу, под моей пижамой. Когда я кидаю свое полотенце на кровать, замечаю в своей сумке странный пакет, который, я совершенно уверена, не упаковывала. Он слабо завернут и заклеен скотчем, так что я сразу понимаю, что это от Лео. Мне приходится достать свои маникюрные ножницы, чтобы распаковать его, и к тому времени хижина оказывается практически пустой. Я напоминаю себе не сильно расстраиваться, потому что очередь будет длинной независимо от того, чем я занимаюсь, просто мне не нравится стоять в ней, когда все члены моей команды впереди меня. Все-таки мое любопытство убьет меня. Должно быть, он положил это в мою сумку, пока с остальными ребятами менял все наши ленточки на ручках.

Я разрезаю последний кусок скотча, и содержимое пакета высыпается мне в руки. Я тут же заворачиваю ярко-розовые пакетики обратно, и засовываю их в свою сумку. Лео, со своей исключительной мудростью, подарил мне упаковку презервативов.

Очевидно, для него мои планы на лагерь не были кристально ясными. Я убью его.

Я хватаю свою обувь и направляюсь к двери. Дженни стоит там, явно ожидая меня, и на мгновение я задумываюсь, видела ли она этот тупой подарок от Лео. Впрочем, она ничего не говорит, и ее лицо не выражает абсолютно никаких признаков подозрения или глумления.

— Готова? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я. — Спасибо, что подождала.

— В любое время, — говорит она, светясь. А я изо всех сил стараюсь забыть обо всем.

Мы все прошли тест на плавание, что не удивительно. Это не стало настоящим испытанием в первый день нахождения в лагере Manitouwabing. А вот способность попасть в обеденный зал — то, что на самом деле отделяет сильных от слабых.

Прежде всего, я не могу не отметить важность распределения. Оно имеет очень важное значение во время завтрака, потому что холодные яйца отвратительны, хотя то же самое относится и к ужину, потому что крайне важно попасть в первую или вторую кабинку. Распределение делали, основываясь на проверках порядка в хижинах, которые девушки постоянно проваливали, потому что невозможно содержать в порядке такое количество косметики и аксессуаров для волос. Сейчас распределение заключается в придумывании кричалок перед приемом пищи, импровизации, независимо от того, какая тема дня. Объем текста важен так же, как и энтузиазм и точность. Я люблю Полли. И Лео — хотя мы явно все еще работаем над тонкостями наших отношений — мой парень. Но когда дело доходит до еды, я с радостью размажу их обоих по полу, только ради того, чтобы моя хижина могла поесть первой.

Эйми улыбается, когда я рассказываю ей об этом, и толкает меня плечом, как сделала бы Полли, не стань она нашим общим врагом. Я уверена, Эйми более предана своему желудку, чем Святому Игнатию.

— Тема — «Начало», — задыхаясь, говорит Мэлори. Я ценю ее инициативу. Должно быть, она сбегала раньше всех, чтобы узнать.

— Построй всех в одну линию, — говорю я, и Мэлори вместе с Эйми уходят, чтобы привести девушек в порядок.

Приветствия не начнутся, пока все не соберутся и не встанут в линию около своих хижин. Обычно это означает, что у тебя есть три минуты, чтобы разработать план. Если честно, «Начало» — это часть софтбола. (*Примеч. Софтбол — спортивная командная игра с мячом, является разновидностью бейсбола, мяч меньше, биты легче, расстояние между базами короче*). К концу недели тематика станет гораздо сложнее.

Первый вопрос на повестке дня — представить активы хижины. На моей половине хижины три флаера и три базы. (*Примеч. База — это спортсмен, обеспечивающий основную поддержку маунтера или флаера*).

— Мы все флайеры, — извиняясь, говорит Эйми, предвидя мой вопрос.

Я вздыхаю, но на самом деле, я не удивлена. В команде Святого Игнатия множество парней, так что большинство их девушек — флаеры. Мы должны выиграть в этой кричалке.

— Хорошо, девочки, — говорю я, на моем лице лучшее выражение настоящего лидера. — Вот, что мы сделаем.

Это не лучший план, и это далековато от моих лучших рифм, но когда звучит сигнал, и мы все с идеальной синхронностью начинаем свою кричалку, я знаю, что мы сделали правильный выбор.

**ГЛАВНОЕ
В КРИЧАЛКЕ
ПОЙМАТЬ НАСТРОЙ
СНАЧАЛА**

Ребята с других хижин старались быть ярче, но, поскольку они познакомились друг с другом всего пять часов назад, их действия были не очень скоординированы. Мы же, наоборот, кричащий, хорошо отлаженный механизм. Каждое повторение кричалки наслаивается на предыдущее, пока это все не формируется в приличный ритм. Когда директор лагеря жестом показывает нам выйти вперед, Эйми перестает скандировать и визжит, обхватывая руками меня за шею. Не могу себя остановить от ответного жеста. Пока пробираемся вперед, пару раз экспромтом делаем колесо. Я встречаюсь взглядом с Полли, которая поняла, что не стоит недооценивать флаеров, и она корчит мне гримасу. Астрид берет меня под руку, а девушки из Святого Игнатия треплют меня по спине. Возможно, мы и не настоящая команда, но в данный момент мы выступили как команда и только что выиграла горячий ужин, а это очень хорошо.

* * *

Пока мы едим, остальные команды следуют за нами и забирают свою еду. Ты не обязан сидеть в своей кабинке, так что я приберегаю местечко для Полли, когда становится очевидным, что в моей кабинке мне не дадут ни малейшей возможности отсоединиться от них и сесть с кем-то другим. Я ем так медленно, как только могу, я не хочу закончить до того, как Полли сядет рядом, но толстый стейк Солсбери довольно горячий, так что я не слишком медлю. (*Примеч. Salisbury steak — блюдо американской кухни по английскому рецепту. Его изобрел врач, занимавшийся разработкой полезного питания, в честь которого стейк и был назван*).

— Не могу поверить, что ты выиграла с помощью кричалки, — говорит Полли, швырнув свой поднос на стол.

— Эй, там также были и танцы! — протестую я, но затем улыбаюсь, как и подобает благородному победителю. — Это больше никогда не повторится.

— Чертовски верно, — говорит Полли. — Я собираюсь надирать тебе задницу всю неделю.

— Ты находишься в кабинке флайеров, — напоминаю я.

— У нас есть Бренда, — отстреливается она. — Плюс, у нас есть мой впечатляющий интеллект.

— Это верно. А теперь ешь, пока все не остыло.

— Выкуси.

— Это моя работа, — говорит Лео, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в щеку. Я отталкиваю его. Мы обсуждали перед тем, как ехать сюда, что две недели в лагере мы усердно работаем, чтобы занять первые места. Мы не дурачимся. Но Лео, похоже, решил быть надоедливым, насколько только возможно. Презервативы, несомненно, всего лишь его первый ход.

Когда мы начали встречаться, все уверяли меня, что мы созданы друг для друга, но сейчас я желаю сформулировать основные правила поведения, и с самого начала соблюдать их. Он всегда смотрит на меня, будто мечтает, чтобы я никогда не встречала его так, словно не хочу видеть. Прямо как сейчас.

— Ты не заняла для меня место.

— Я необычайно популярна, — отвечаю я, стараясь сгладить неловкость. Это всего лишь ужин. — Это приходит вместе с черлидингом.

— Вы обижаете меня, мадам, — говорит он, театрально прижимая одну руку к сердцу, при этом его волосы искусно спадают на лоб. Половина девушек за столом пялится на него, а другая половина пытается этого не делать. Он идеально выглядит, и на мгновение я забываю о том, что злюсь на него.

— Все готовы к костру? — говорит Тиг со своего обычного места у локтя Лео. — Еще один год маленькой, угнетенной государственной школы.

— Что-то типа того, — отвечает Полли. — Но я ненавижу портить сюрпризы, так что идите, сядьте где-нибудь и оставьте нас одних.

Когда парни скрываются из виду, а девушки поворачиваются друг к другу, я наклоняюсь к Полли.

— Как думаешь, мы должны сказать об этом Кэлдон? — спрашиваю я. — Я имею в виду, думаешь, она рассердится?

— Ты хоть раз видела нашего тренера не свирепой? — парирует Полли. — Она может не прийти в восторг, но, думаю, она будет гордиться нами, даже если в соответствии с учительским статусом ей надлежит оставаться недовольной.

— Мне так нравится, когда ты используешь витиеватые фразы, — я замираю, воодушевленная ее лучшим произношением в стиле «Стальных Магнолий». *(Примеч. «Стальные магнолии» (англ. Steel Magnolias) — кинофильм режиссера Герберта Росса, вышедший на экраны в 1989 году. Гермиона в данном случае ссылается на главную героиню фильма Шелби, речь которой сочетала классическую грамотность, остроумие и изысканный завуалированный юмор).*

— Только не иди на попятную, — говорит она. — Тебе придется произнести всю речь.

Я об этом не забыла. И продолжаю не забывать об этом в процессе поедания быстро тающего Jell-O, которое у нас на десерт. *(Примеч.: Jell-O, на русском произносится как «Джелло» — товарный знак полуфабрикатов желе и муссов, выпускаемых в порошке, а также готовых желе. Принадлежит компании «Крафт фудс»).* Но потом над озером садится солнце, и мы возвращаемся в свои хижины за свитерами, которые, возможно, нам и не понадобятся, и спреем от насекомых, который однозначно пригодится. К тому времени, когда все собираются у костра, опускаются сумерки. Это мое любимое время суток в лагере. Для городских детишек, это, возможно, первый раз, когда они увидят так много звезд, и это мгновение тишины, которое они никогда ранее не испытывали, но для меня это — возвращение к моей цели, возвращение домой.

Костер на самом деле — миниатюрный стадион, подготовленный для приема около двух сотен людей. Сам костер находится на пляже, с двумя низкими скамейками у озера, где капитаны, тренеры и сотрудники лагеря сидят лицом ко всем остальным. Поскольку у озера Manitouwabing крутой берег, в лагере построили простую террасу на холме за пляжем, поэтому даже те, кто сидит на задних рядах, могут все видеть и слышать достаточно хорошо. Но никто не сможет поджарить зефир или что-то еще, этот огонь не для такого.

Полли садится рядом со мной и тянется, чтобы сжать мою руку. Даже сидеть на этом месте — уже достижение. Эйми с самого начала пути сюда держит меня под руку, и я могу чувствовать ее дрожь. После прошедшего года ее школе придется многое доказывать, и точно могу сказать, что она начинает осознавать это. Мы садимся рядом, Эйми занимает первое место, я следующие, а затем начинается час сомнений в своих силах и постановки целей, от

которых даже самого опытного психотерапевта бросило бы в дрожь. Некоторые команды рассказывают о боязни высоты или о слишком большом количестве новичков. О боязни быть высмеянными, слово безмозглые дураки, вместо того, чтобы получить заслуженное уважение, как настоящие атлеты. Об игре в поддавки при выполнении номеров, над которыми они горбатились перед опустевшими трибунами. К тому моменту, когда поднимаюсь со своего места, я удивлена, что половина ребят не сбросились с террасы в озеро от отчаяния. Полли еще раз сжимает мою руку, а затем я оказываюсь перед всеми с костром передо мной и озером за моей спиной.

— Средняя школа Палермо Хейтс знаменита двумя вещами, — говорю я. — Итак, первая знаменитая вещь печально известна всем. Для очень маленькой школы в небольшом городке это своего рода достижение. Зачастую, чтобы заслужить хоть какое-то внимание, вам необходимо четырехзначное количество школьников. Конечно, мы знамениты своим черлидингом. Потому мы и находимся в этом лагере. Большинство из вас соревновались с нами или видели нашу команду на показательных выступлениях. Вы знаете, мы на редкость серьезные. Грозные соперники, пусть и немногочисленные, — сквозь костер я могу видеть кивки участников других команд. Наша репутация опережает нас. Я продолжаю: — Чего вы не знаете, так это того, что мы прокляты.

Все глаза устремлены на меня. Я понижаю голос практически до шепота и чувствую, как весь лагерь подается в мою сторону.

— В Палермо жила девушка, которой сегодня вечером здесь нет. Ее звали Клара Эбби, она сидела рядом со мной с шестого класса вплоть до прошлых рождественских каникул.

Сквозь свет костра я вижу, как члены моей команды постепенно оправляются от шока. Они помнят Клару, лучше всего помнят двенадцатый класс. Они помнят Клару, потому что Клара — это легенда.

— В тот год я ездила во Флориду со своей семьей, и мы не смотрели новости, — продолжаю я. — Я не знала о том, что произошло, до тех пор, пока не вернулась после каникул в школу. Клара ехала домой на семейный рождественский ужин, когда в ее машину врезался пьяный водитель, и Клара умерла.

С другой стороны костра стоит мертвая тишина. Никто не знает продолжение этой истории. Я ощущаю, как рядом со мной ерзают от дискомфорта персонал и тренеры, думая о том, не следует ли им остановить меня. Я не оглядываюсь назад, даже чтобы увидеть лицо Полли. Мне это не нужно. После обеда учитель переставил столы, так что я села рядом с Полли. И так мы стали подругами. Нашей дружбой мы обязаны Кларе Эбби. Или отсутствию Клары Эбби. Вот почему мы хотели рассказать ее историю, сделать ее реальным человеком, а не просто легендой, о которой шептались в школьных коридорах.

— Это наше проклятье, — говорю я. — Каждый выпускной класс уменьшается на одного человека. Брайан Вин Дэвис, Шарлотта Арбакл, Адам Уимет, Джек Чайоран, Линдси Карлсон и Клара Эбби. И это только те, имена которых я могу вспомнить. Каждый выпускной класс, начиная с 2006 года, потерял, по крайней мере, одного учащегося из-за пьяного водителя.

С озера доносятся нестройные удары воды о камни на берегу, трещат поленья в костре. Я не сомневаюсь, что это лучшая история, рассказанная около этого костра. Никто не расскажет лучше, не в ближайшие миллионы летних лагерных костров черлидеров.

— Но это еще не все, — говорю я. — Мы — черлидеры. Мы понимаем духов. Мы знаем, как заставить людей почувствовать это. И духи Палермо Хейтс не позволяют нам забыть, что

учащиеся умирают, — я добила их полного внимания. И сейчас наступит непростая часть. — Наша задача больше, чем просто помнить об умерших одноклассниках. Потому что каждый год одна из девушек школы Палермо Хейтс беременеет. Никто не говорит об этой девушке, по крайней мере, не перед ней, не публично, — все нервозно смеются. Они не ожидали этого. — Я не говорю, что это наше наказание, — продолжаю я, — но мне кажется, что эти жизненные пути напоминают нам, что ничто не должно восприниматься, как должное, что случайность может заставить свернуть на путь несправедливый и бессмысленный, — хихиканье проносится по рядам, и теперь детишки раздумывают, к чему, черт возьми, я веду. Я наклоняюсь вперед. — Но вот вам еще один секрет, самый лучший, — говорю я. — Мы собираемся разрушить это проклятие. Клара Эбби умерла, это правда, однако, пока никто не родил. У нас есть десять месяцев до нашего выпускного. Десять месяцев быть умными. Вот наша задача и наша главная цель. Это не совсем обычно, признаюсь, но это наша цель.

За мгновение до того, как все осознают услышанное, я заканчиваю, а затем раздаются рассеянные аплодисменты. Я занимаю свое место и смотрю на своего тренера. Кэлдон выглядит удивленной, но она также и горда мной, а Полли снова хватает меня за руку.

— Ну, это было что-то новенькое, — шепчет Эйми. — Молодец.

— Спасибо, — отвечаю я.

Директор лагеря встает и весьма прохладно благодарит нас за наши истории. Мы просим помощи друг у друга в наших проблемах, будто направляемся к жерлу вулкана или типа того, а затем нас всех отправляют спать.

— Помните, подъем в 6:30, так что вы на самом деле хотите пойти спать, — говорит директор.

Я вздыхаю. Мы лучше встанем раньше 6:30. Полтора часа недостаточно, чтобы двенадцать девушек превратили себя в черлидеров. Я напоминаю себе спросить у Эйми, захочет ли она сделать график, или она просто надеется, что все скооперируются.

— Увидимся за завтраком, — говорит Полли, когда наши пути расходятся. Парни уже пересекли поле, Лео выглядит поникшим от того, что я не позволила ему поцеловать себя на глазах у всех парней из его хижины. — Который, к слову, вы будете есть холодным.

— После сегодняшнего дня, — отвечаю ей, — это фактически будет стоить того.

Мне снятся полеты. Если повезет, баскет-тосс даст мне примерно четыре метра высоты. (*Примеч. Баскет тосс — термин в черлидинге, означающий выброс одного из спортсменов вертикально вверх (без учета варианта спуска флаера)*). Публика любит быстрые, сложные, гироскопические трюки, но увидеть что-либо, делая их, сложно. Так что, когда мне снятся полеты, мне снится простой бланш назад. (*Прим: back layout или бланш назад — акробатический элемент, при котором положение тела вытянутое, прямое, допустимо немного согнуть или выгнуть спину*). Когда мне снятся полеты, все происходит невероятно медленно. Когда я распрямляю руки и откидываю голову назад, нет размытых пятен, нет головокружения, и когда я на середине исполнения элемента, моя голова направлена точно вниз, то могу видеть всю свою команду. У меня есть время улыбнуться им и увидеть их ответные улыбки до того, как вращение уносит меня, и я плыву назад в их руки. А потом они действуют как батуты, потому что я взлетаю обратно в воздух, на этот раз гораздо выше. Снова и снова. Надо мной только небо, а подо мной ликующая толпа. Снова и снова. Я никогда не перестану летать.

За исключением того, что надо мной грохот. Надо мной не небо. Надо мной фермерская девчушка, которая никогда не спит дольше первого утреннего шепотка, изъявившая желание будить всех обитателей хижины. Мэлори.

И я просыпаюсь. Прошлым вечером мы с Эйми решили, что 5:50 — крайнее время, до которого мы можем позволить себе спать, и при этом выглядеть презентабельно за завтраком. Я слышу движение Мэлори над собой и знакомый скрип койки. У меня от силы две минуты до того, чтобы проверить и убедиться, что новенькие девочки правильно соберутся в это первое утро. Им нужно позавтракать. У них будет, по крайней мере, один экстренный случай, связанный с волосами.

Еще две минуты.

Я держу глаза закрытыми, край моего спального мешка плотно прижат к подбородку. Будет ли мне когда-нибудь еще так хорошо? В следующем году в это же время я проснусь где-то в новом месте. У меня осталось только несколько подъемов в этом мире, в мире, который любит меня за то, что люблю я и в чем я хороша.

Еще одна минута. Еще одна.

* * *

— Как у Лео получилось достать фургон достаточно большой для всех нас? — спрашивает Мэлори, пока мы заправляем нашу двухъярусную кровать. Это настоящий талант — навык заправлять верхнюю и нижнюю койки одновременно, а мы с Мэлори не задумываясь делаем это. Мы торопимся, потому что у нескольких новеньких волосающей кризис, а мы обе задерживаемся.

— Я точно не знаю, но когда твоему отцу принадлежит автосалон, полагаю, ты можешь уладить дело с машиной, — говорю я, ухватившись за толстый край матраса. По правде, я не осведомлена обо всех планах Лео на субботний вечер Дня Труда кроме того, что ему удалось убедить Кэлдон, что было бы просто здорово объединить «командных лидеров», чтобы

провести немного дополнительного времени вместе перед началом занятий в школе, и убедить отца подобрать нам такой фургон, чтобы смогли поместиться девять членов команд, которые являются выпускниками.

— Ну, тем не менее, он справился. Я думаю, это здорово, что вы двое создали это командное мероприятие. Будет весело, — Мэлори садится на свою кровать и смотрит на меня сверху, пока я поправляю последний уголок матраца.

— Да. Будет здорово, — я улыбаюсь ей в ответ и не упоминаю, что я до последнего отказывалась ехать, пока это было командным мероприятием. Разбивать лагерь вместе с Лео — этот пункт находится в самом низу списка вещей, которые я хотела бы сделать сразу же по приезду, но я черлидер. Я могу найти позитив во всем.

* * *

Несмотря на все усилия, наша хижина выбрана восьмой по очереди на завтрак. Не так плохо, как могло бы, конечно, но это все еще означает, что мы проводим пятнадцать минут в шеренге, чтобы получить вознаграждение в виде быстро остывших яиц. Я бы выбрала засохшую кашу, которая обычно безопаснее, но мне пригодится весь протеин, который я только могу достать. Обеденный зал быстро заполняется, люди все пребывают даже после того, как первые приступили к еде. Вокруг тишина, хотя все и пялятся на меня. Вероятно, прошлым вечером я произвела неплохой эффект. Здесь достаточно места, чтобы мы могли сесть все вместе, если захотим, но мне машет Лео. После костра прошлым вечером, последнее, что я хочу делать, это сидеть с незнакомцами.

— Эй, Винтерс, — говорит он, когда я занимаю свое место и осторожно ставлю тарелку, приборы и кружку. — Ты рассказала байку.

— Это точно не байка, — отвечаю я. — Это правда.

— Ага. Но она все еще похожа на историю о призраках, — замечает Тиг. — И рассказать ее у костра посреди леса — не то, что поможет поверить.

— Вы злитесь на меня? — спрашиваю я и сыплю на яйца больше соли, чем обычно.

— О, да ладно, — говорит Тиг. — Мы выполняем свою часть про «не умирать», а девушки выполняют свою часть про «не беременеть». Насколько сложно это может быть?

Кармен, которая занимает место рядом со мной, стреляет в Тига уничтожающим взглядом.

— Что? — спрашивает он.

— Последний раз, когда я проверяла, для танго нужны были двое, — замечает Кармен.

Пока они продолжают перестрелку взглядами, Лео наклоняется ближе ко мне.

— Но серьезно, почему ты мне не сказала? — спрашивает он.

— Мы говорили об этом с Полли, — отвечаю я. — Это было делом капитанов. Я не думала, что для тебя это так важно.

Он выглядит оскорбленным, и я не уверена, это из-за Полли, из-за капитанских дел или потому, что я подумала, что ему было бы все равно. Лео всегда любит поговорить, похоже, обо всем кроме того, как упростить задачу быть его девушкой.

— Ты фактически сказала всем, что у девушек не должно быть секса, — говорит он.

— Я сказала всем быть осторожными. Кстати об этом, я на самом деле не оценила подарок, что ты подложил мне в чемодан.

— Эй. Это означает — быть осторожным, — растягивая слова говорит он, при этом все еще выглядя обиженным.

— Послушай, — говорю я, пытаюсь наладить наши отношения. Я думаю о том, чтобы положить свою руку в его или типа того, но мне нужны обе руки, чтобы поесть, и за нами наблюдают. — В некотором роде, Тиг прав. Часть про «не умирать» — это вопрос равенства. Могу поспорить, ты помнишь имена всех девушек, у которых есть дети. Можешь назвать хоть одного отца?

— Мне все еще не понятно, к чему было делать из этого секрет, — упорствует Лео.

Я закатываю глаза.

— Мы переживали, что если Кэлдон узнает, то запретит нам сделать это, — огрызаюсь я. Получилось громче, чем я предполагала, и теперь Тиг и Кармен оба смотрят на нас. — Но сейчас дело сделано, она нас поддерживает, и я не понимаю, почему ты не можешь тоже поддержать нас.

— Ладно, отлично, — говорит он, возвращаясь к своему завтраку. Он усмехается с чересчур продуманным выражением лица, думаю, он полагает, что это делает его привлекательным. — Я прекрасно понимаю, почему надо держать секреты от Кэлдон.

Это нависает над нами, сражение, которое мы можем устроить прямо здесь, в центре обеденного зала, если я захочу обсудить этот вопрос с ним. Если не захочу, он подумает, что я смягчилась. Если захочу, это станет представлением. Хочу, чтобы Полли была здесь. Она намного лучше в выяснении такого рода шуток, даже при том, что никогда не была ни с кем в отношениях.

— Не важно, — говорю я, выбирая легкий путь. Лео улыбается, но когда он собирается положить свою руку мне на плечо, я уклоняюсь и встаю. — Я собираюсь пойти на улицу растянуться, прежде чем мы получим наши учебные задания.

Я доедаю свои яйца, пока отношу обратно тарелку, и, прихватив салфеткой сосиску и картофельный пирог, выхожу на улицу. Я уже сыта Лео по горло настолько, что совсем не могу выносить его, а мы, пока что, даже еще и не начали заниматься. Может, на этой неделе мы будем в разных группах. Им нравится разделять школы, так что это вполне возможно.

Я не единственная, кто решил закончить завтрак на траве. Трава влажная от росы, но быстро высыхает. Я заканчиваю свой завтрак, выбрасываю салфетку в один из мусорных контейнеров на поле и растягиваюсь, в то время как несколько парней делают рядом со мной стойки на руках. И конечно же, они без рубашек, так что я не уверена, из каких именно они школ. Но они все смеются, и я не могу устоять перед вызовом, так что присоединяюсь к ним, с легкостью продержавшись дольше парочки из них до того, как они валятся в кучу.

— Как тебя зовут? — спрашивает один из них.

— Гермiona, — отвечаю.

До того как успеваю спросить их имена, черлидеры толпой выходят из обеденного зала, и наши собственные команды окружают нас. Лео все еще сердится, и я не уверена, что вид меня на траве с этими парнями поможет ему успокоиться, но в ближайшие дни у меня нет времени думать ни о чем. Сквозь толпу я вижу лицо Полли: застывшее и готовое приступить к занятиям. Я делаю все возможное, чтобы принять такое же выражение лица, концентрируя всю решимость и уверенность, какую только могу собрать. Шоутайм. В последний раз. Мой час.

Следующая неделя пролетает в тумане акробатики, с перерывами на прыжки в озеро и сон при каждом удобном случае. От теплового удара мы теряем двух или трех людей в день, и, похоже, сами также находимся в постоянном измождении, но те из нас, кто уже сталкивался с подобным раньше, преодолевают эти испытания на выносливость. Здесь, в лагере, другой вид переутомления. Довольно трудно делить обязанности с большим количеством людей, чем ты привыкла со своей собственной командой. Я опиралась на неизвестно чьи плечи и должна была постоянно взлетать в воздух от рук тех людей, с которыми только познакомилась. Мое собственное плечо перетянута ярко-розовыми пластырями «Кинезио», которые мне умело прикрепили девушки из Стиги во время завтрака, увидев за день до этого, как меня бросали в воздух на тренировках. *(Примеч.: Кинезио тейп — это препарат для профилактики и лечения мышечных и суставных травм, отеков и снятия болевого синдрома. Представляет собой эластичную липкую ленту из 100 % хлопка разных цветов. Клейкая основа тейпа активируется при помощи температуры тела).* Восхищенные улыбки, которыми приветствуют меня в обеденном зале или на поле, даже круче, чем в моих снах, и это все, о чем я мечтала.

* * *

Вечером в пятницу, в ночь кино, мы окончательно готовы оторваться. Технически, завтра у нас выходной, однако это единственный день, когда мы можем отрепетировать наш номер для показательных выступлений в конце следующей недели, и мы с Полли не хотим слишком расслабляться.

Персонал установил для нас огромный экран на поле, и как только садится солнце, мы всем лагерем рассаживаемся на траве. Это лето сухое, иначе здесь было бы очень некомфортно сидеть. Судя по всему, Эйми хочет сесть вместе с нами. Я думаю, она немного сильнее обижается на свою команду, чем показывает. Впрочем, я обещала сесть с Полли, и у нас действительно куча работы. Вообще-то, на сегодняшний день я просмотрела все хорошие фильмы про спорт, но когда на огромном белом экране начинают мерцать первые кадры фильма «Руди», я знаю, что не захочу пропустить ни одного эпизода. *(Примеч.: «Руди» — фильм 1993 года, рассказывает о различных эпизодах жизни знаменитого спортсмена Дэниэла Рюттигера, вошедшего в историю американского футбола под прозвищем Руди).*

— Хэй, — говорит Лео, завалившись рядом со мной на траву. — На этой неделе я редко вижу тебя.

Это правда. Эта неделя перегружена, и у меня было не много времени на общение — или, возможно, я не уделяла этому много времени. Также Эйми оказалась действительно хороша в импровизации, поэтому наши кричалки для розыгрыша приема пищи не единожды выводили нас вперед всех. У нас была возможность придерживать место за столом для Полли, но после этого возникали неловкие ситуации.

— Я была занята, — говорю я ему, и это, на самом деле, не ложь. У меня никогда раньше не было парня в лагере, и это оказалось довольно тяжело. — Но если от этого тебе станет легче, мне удалось подсмотреть номер Стигов.

Это подразумевалось как шутка, но даже в темноте я могу сказать, что Лео далек от веселья.

— Стиги? — говорит он. Парень обвивает рукой мое плечо, но не как влюбленный, а как собственник. — У тебя для них есть прозвище? А парни Стиги до сих пор называют тебя Винтерс? Я наблюдаю за их задницами в кабинках, чтобы удостовериться, что они находятся от тебя на расстоянии.

— Не веди себя глупо, — отвечаю я, отстраняясь от него. — В моей кабинке половина их команды. Естественно, что они стараются сидеть с нами. И никто, кроме тебя, не называет меня Винтерс.

— Не забывай об этом, — говорит он. Сейчас Лео тоже пытается пошутить, и хотя это не срабатывает, я смеюсь.

— Если ты будешь со мной очень милым, я расскажу тебе о том, что я выяснила, — говорю я, улыбаясь ему.

Но Лео только закатывает глаза и переводит взгляд на экран.

Я не тупая, в какой-то степени я понимаю, что люди приезжают в этот лагерь не по тем же причинам, что я. И я знаю, что большинство людей не понимают, что именно означают для меня эти две недели. Но мы с Полли усердно работали, чтобы использовать максимально каждый шанс, который у нас был, особенно когда мы знали, что это будет нашим последним шансом. Я понимаю, что это последний год, следующее лето будет другим впервые за последние пять лет. Это будет первое лето, когда я не буду черлидером. Все это придает мне решимости выжать все, что я смогу, из этих дней в лагере.

— Оу, Руди, — Полли вздыхает, пока приземляется рядом со мной на траву и кладет руки мне на плечи. Теоретически, есть дюжины вдохновляющих фильмов про спорт, но мой практический опыт показывает обратное. Мы все смотрели этот фильм столько раз, что и не счесть. Хотя это и не имеет значения, потому что у нас есть множество дел поважнее, чем просмотр фильма. По крайней мере, тех дел, которыми я бы хотела заняться. Задолго до того, как мы успеваем достичь тех успехов в выполнении элементов, на которые я рассчитывала, Тиг начинает напрягаться, и Полли приходится потратить на него то небольшое время, которое у нас есть для совместной работы.

Лео снова обхватывает меня рукой и случайно ударяет Полли, так как она наклоняется ко мне, чтобы посмотреть мне за спину. Лео быстро отодвигается, чтобы дать ей обзор.

— Гермиона могла бы и на этой неделе пошпионить за Стигами. Возможно, это наша последняя возможность все распланировать.

— Ты можешь шпионить в любое время, какое выберешь, — предлагает Полли в то время, пока я вытаскиваю из своего спального мешка белую доску.

Пока все вокруг нас следят на экране за тем, как Руди жаждет попасть в футбольную команду Notre Dame, мы набрасываем наши формации и перепроверяем расчеты, чтобы убедиться, что их физически реально исполнить. (*Примеч.: Формация — построение в черлидинге*). Лео заверяет меня, что Дион и Камерон, двое наших новичков, могут справиться со всем, что я для них придумаю. Все же, это будет нашей первой совместной работой с ними. Тяжело доверить абсолютному новичку ловить тебя, но если Лео говорит мне, что они смогут это сделать, то я верю ему. Каждый раз, когда я соблазняюсь идеей отодвинуть их в сторону, я заставляю себя вернуть их в эпицентр.

— Хэй, — раздается шепот рядом со мной, и мы все вчетвером подпрыгиваем. Я разворачиваюсь и вижу Эйми с кучкой детишек Стигов. Впервые она выглядит счастливой,

зависая с ними. — Извините, — говорит она. — Мы крадемся к озеру. Хотите с нами?

Я смотрю на Полли, которая за километр может учуять командный розыгрыш. Я не имею ничего против того, чтобы достать туалетную бумагу или оказаться в кроссовках, наполненных Jell-O, если это все ради дела, но идти на озеро в несанкционированное время — это серьезно и напрямую имеет связь с посудомоечными последствиями. Полли как будто в сомнениях, но в итоге качает головой.

— Извините, — говорю я. — Но у нас много дел. Плюс, к концу этого фильма Лес всегда плачет, и это единственное время, когда я могу увидеть его уязвимым.

Как только я говорю это, понимаю, что совершила ужасную ошибку. Рука Лео на моем плече каменеет, и я слышу смех Тига.

— Мы пойдем, — говорит Лео, отпуская меня и потянув Тига к себе. Тиг ворчит, но против Лео он бессилён.

— Лео, — шиплю я, пытаюсь донести до него, что Полли подозревает розыгрыш, но не говоря об этом вслух.

— Эй, — говорит он. — Разве мы здесь не для того, чтобы заводить друзей? — он приобнимает Эйми за плечо, стараясь сделать вид, что нарушение правил для него не такое уж и важное дело, но я не думаю, что единственная, кто струсил.

Эйми смотрит на свою обувь. Я знаю, что это ужасная идея, но я не могу остановить его, не выглядя при этом душой.

— Они будут в порядке, — говорит Полли, и я отступаю. Если Полли думает, что команда Стигов честна, вероятно, так оно и есть. Ну, а если нет, то для Лео розыгрыши не в новинку.

— Будь осторожен, — говорю я, что звучит глупо, но это единственное, о чем я могу думать.

— Он будет в порядке, — говорит один из парней Стигов. — В нашем плане нет пункта «тонуть».

От этих слов все смеются, а потом очень быстро замолкают, потому что мы ненароком привлекаем внимание взрослых. Потом они все растворяются в темноте в направлении озера. До тех пор, пока Эйми не садится рядом со мной, до меня не доходит, что она не пошла к озеру с остальными. Я слегка сбита с толку, потому что изначально именно она пригласила нас, но, возможно, она хотела подшутить, только если мы тоже пойдем.

— Хотите, я могу уйти, чтобы вы занялись постановкой своей хореографии? — спрашивает она.

— Нет, без парней мы не так уж и много можем сделать, — говорит Полли. — И, как видишь, сейчас их интерес размером с песчинку.

— По крайней мере, вас слушают, когда вы говорите, — говорит Эйми.

— Была назначена капитаном, да? — спрашивает Полли. Мы были избраны единогласно, так что мы делаем свою работу, потому что это — желание нашей команды.

— Заместителем директора, — подтверждает Эйми.

— Ооооу, ты практически стукач! — надеюсь, она понимает, что я дразнюсь, и когда девушка смеется в ответ, я чувствую себя намного лучше.

— Не напоминай мне, — говорит она. Я замечаю, что за ее смехом скрывается настоящий стресс.

— С вами все будет в порядке на следующей неделе? — спрашивает Полли.

После нашего завтрашнего «выходного», у нас начинаются пятидневные тренировки на

стойкость и выносливость. Это в равных долях кардионагрузки, хореография и, черт возьми, все, что только может подготовить нас к выступлению в пятницу. Эта неделя невероятно изнурительна во всех смыслах, и я видела, как это доводило даже самых сильные команды до слез. По крайней мере, возглавляя свою команду, я *знаю*, что меня всегда прикроют. Эйми вполне могут принести корзинку для пикника, полную гадюк.

На какой-то момент возникает тишина, и каждая из нас делает вид, что смотрит фильм. Я не могу представить, какой страх будет ощущать Эйми на следующей неделе. Это полная противоположность тому, что есть у меня.

— Может, это нас сблизит? Сделает нас сильнее на весь сезон? — Эйми нарушает наше молчание, но звучит при этом не очень обнадеживающе.

— Я слышала, что война делает такое с людьми, — говорит Полли. — А черлидинг во многом как война.

Она звучит так серьезно, что я не могу удержаться от смеха.

Полли продолжает доказывать, что Эйми не единственная, кто хороша в импровизации.

— Есть хоть один шанс, что ты сможешь договориться со смертельной болезнью? — она кивает на Руди в его униформе команды Notre Dame. — «Выиграть для Гиппера», слышала такое выражение? *(Примеч. Полли цитирует крылатую фразу из фильма «Кнут Ронки настоящий американец» (Knut Rockne All American, 1940), в котором роль тренера Гиппера исполнил будущий президент США Рональд Рейган).* Нет ничего лучше для командного духа, чем трагически оборвавшаяся жизнь капитана команды, — Полли оглядывается вокруг и давит рукой на лоб Эйми, та театрально замирает, практически падает в ее руки у моих коленей. — Выглядишь так, будто у тебя лихорадка.

А потом Эйми тоже начинает смеяться, несмотря на то, что это очень драматичная часть фильма, и все оглядываются на нас. Мы игнорируем их, все еще валяясь друг на друге, и смеемся до слез. Это хороший и искренний момент, и он рушится, когда очень мокрый Лео хватается Эйми за плечо и вытягивает ее из захвата Полли.

— Лео! — говорю я. — Какого хрена ты делаешь?

— Она подставила нас! — шипит Лео. По крайней мере, он догадался не кричать. Если его поймут, станет очевидно, где он был.

— Она была здесь все это время, — шиплю я в ответ. Полли встает и обходит меня, чтобы убедиться, что Эйми в порядке. Она выглядит скорее удивленной, но меня трясет от гнева. — И, в любом случае, ты не можешь приходить сюда и так хватать девушку. Что с тобой не так?

— Конечно, ты защищаешь их, — говорит Лео. — Все, что они делают, это говорят о том, какая ты удивительная. Что ты настоящий капитан — с ногами, реально соответствующими этому статусу. *(Примеч. В тексте игра слов. Лео оскорбляет Гермину сравнением с морским капитаном, для моряков поза с расставленными широко ногами привычна, так как помогает удерживать равновесие на воде. Во всех других случаях эта фраза означает доступность).*

Мы с Эйми обе вздрагиваем, но Полли остается спокойной.

— Леон Дэвид Маккена, — Полли пристально смотрит на него, у нее такое жесткое выражение лица, что на мгновение я боюсь за нее. — Тащи свою задницу в хижину, пока тебя не поймали, и если я когда-нибудь услышу, что ты говоришь такие вещи о живых или мертвых девушках, я с тебя шкуру спущу.

Лео выглядит так, будто у него есть миллион вещей, чтобы ответить ей, но он ничего не

говорит. Парень украдкой пробирается назад. Понятия не имею, куда ушел Тиг. Я надеюсь, что он догадался направиться напрямик в свою хижину, чтобы обсохнуть.

— Что все это значит? — спрашивает Дженни, появившаяся словно из ниоткуда. Я не уверена, как много она услышала, и прямо сейчас мне на это плевать.

— Лео разыграли, и теперь он злится из-за этого, — говорю я ей так спокойно, как только могу, хотя чувствую, как громыхает мое сердце. Все снова смотрят на нас, более заинтересовано, чем тогда, когда мы смеялись. Скандал, даже потенциальная возможность его появления, привлечет худший вид внимания, и прямо сейчас это последнее, что нам надо. — Нам очень важно не устраивать никаких сцен.

Дженни возвращается к просмотру фильма, и я поворачиваюсь к Эйми.

— Мне так жаль насчет этого.

— Я понятия не имела, — говорит она. — Они никогда ничего мне не рассказывают.

— Среди них был кто-нибудь из нашей хижины?

— Нет, — говорит она. — Они все любят тебя. Это были парни и остальные девушки.

— Ну, спасибо Господу за эту милость, — говорит Полли. — И как бы мне ни было ненавистно говорить это, я думаю, что тренеры только что пришли сюда. Нам придется смотреть фильм.

Я смотрю вверх и замечаю знакомый силуэт Кэлдон. Не знаю, как она это делает, но ей всегда удастся увидеть нас в темноте. Надеюсь, Лео и Тиг сами справятся в оставшуюся часть ночи. В любом случае, им нет никакого дела до триумфального финала этого фильма. Никто из них ни разу в жизни не сидел на скамейке запасных.

— Согласна, — говорю я.

Я не помню, чтобы за последнее время, когда я ходила в кино, кто-то сидел между мной и Полли. Если так должно быть, я рада, что это Эйми. Обычно я проникаю сентиментальными чувствами относительно дружбы в лагере, в основном, потому, что у меня ее никогда не было, но когда на следующей неделе мы все вернемся домой, я думаю, что буду скучать по ней.

Парни-новички нашей команды хоть и не роняли нас, но оказались очень медленными. Теоретически, ты можешь быть черлидером, если умеешь вести счет на восемь тактов, но Камерон и Дион без музыки теряются. Мы можем двигаться только в том темпе, в котором двигаются наши самые медленные товарищи по команде, и в субботу утром, на тренировке, Дион и Камерон, безусловно, были самыми медленными. Могу сказать, что терпению Кэлдон наступает конец.

— Дион, Камерон, — говорю я, сжалившись над ними. — Подойдите сюда на минутку.

Я уверена, что часть их проблемы заключается в том, что они поднимают Дженни. Она самая легкая (факт, которым девушка очень гордится), но также и наименее стабильна в воздухе, и, пытаясь придать ей равновесие, тем самым парни теряют свой счет.

— Посмотрите, как это делают Лео и Тиг, — говорю я, как только они присоединяются ко мне у боковой линии.

Все это время Полли ведет счет. Им это не нужно, но Камерону и Диону нужно. Мы наблюдаем, как Лео поднимает Полли, передавая ее в руки Тигу, и затем Тиг вытягивается и подбрасывает ее в воздух. Она идеально и вовремя переворачивается, все еще продолжая считать. Момент, когда она зависает в воздухе, принадлежит только ей и небу, и самым высоким верхушкам деревьев. Вид превосходный, если вы можете держать свои головы рядом, и это то, в чем мы с Полли обе непревзойденны. Она делает сальто и спускается, парни ловят ее и ставят на ноги на счет восемь.

— Проклятье! — Камерон качает головой и смахивает пот с глаз. — Мне следовало остаться в хоккее.

— Хоккей — это слишком просто, — говорю я, стараясь излучать терпение и уверенность. — Ваша очередь.

Полли берет на себя основную тренировку, переведя Дженни в танцевальную линию на время, пока я отрабатываю броски. Из двух парней Камерон сильнее, но Дион более уверенный, так что именно он будет подбрасывать меня.

— Пять, шесть, семь, восемь, — считаю я, раскачиваясь на ногах, и запрыгиваю в руки Камерону.

Он догадывается использовать инерцию, чтобы перебросить меня Диону, но он слишком сильно толкает меня, так что, когда Дион подбрасывает меня в воздух, я, вместо того чтобы держаться прямо, отклоняюсь назад. Зависнув в воздухе, я могу сделать не так много, чтобы обезопасить себя, так что просто заканчиваю переворот и направляю ноги к земле. Я делаю все, чтобы не запаниковать, но я не вижу землю практически на протяжении всего маневра.

— Дерьмо, — ругается Дион, который понял свою ошибку почти сразу после того, как подбросил меня.

В отчаянии он отступает, и Камерон двигается вместе с ним. Когда я лечу вниз и вижу, что они все-таки готовы поймать меня, я группируюсь. Но уже слишком поздно. Втроем мы падаем на землю как жуткий сэндвич. Дион пожертвовал собой ради нашей группы и оказался в самом низу, но Камерон сверху на мне, и от этого трудно дышать.

— Гермиона! — Лео разрушает формацию команды и стаскивает Камерона с меня, потому что Кам слишком ошарашен, чтобы двигаться.

— Я в порядке, я в порядке! — отвечаю я. — Дион?

— Уух, — ворчит он. Думаю, что попала локтем ему в живот. По крайней мере, я надеюсь, что это был живот. С Камероном, лежащим на мне, у меня было не так уж много контроля над своими движениями. — Камерон, ты вешишь тонну.

— Расскажи мне об этом, — шучу я, пока мы распутываем руки и ноги. Дион краснеет и делает лучшее, что может — подталкивает меня вверх, чтобы не облапать больше, чем уже успел.

— Это все мускулы, — говорит Камерон, и я понимаю, что, по крайней мере, его это пережило это падение.

— Все целы? — спрашивает Кэлдон, которая выглядит обеспокоенной, несмотря на то, что мы смеемся.

— Да, Тренер! — говорим мы хором.

Затем я хлопаю в ладоши и кричу:

— Дион, Камерон, давайте сделаем это правильно. Еще разочек, — они поспешно встают на свои позиции, и я начинаю счет. — Пять, шесть, семь, восемь!

* * *

— Ты уверена, что в порядке? — спустя час спрашивает Дион, когда мы возвращаемся с ланча. Я знаю, что он чувствует себя отвратительно, но это была легитимная ошибка. Если бы она была глупой, возможно, я не была бы такой великодушной.

— Все нормально, Дион, — говорю ему. — Важно то, что ты поймал меня. Пока ты будешь это делать, мы будем в порядке.

Я закидываю руку на его плечо, потянувшись, так как он намного выше меня, и когда я спотыкаюсь, пытаюсь найти равновесие во время ходьбы, он поднимает меня на руки и крутит вокруг шеи. Я начинаю визжать, хоть и знаю, что это просто забава, и мы оба улыбаемся, когда он опускает меня на землю.

— Господи, Винтерс, — говорит Лео, оказавшийся рядом со мной. Он провел бóльшую часть обеденного перерыва, суетясь вокруг меня, и ушел, чтобы принести ленточку. (*Примеч. Лента цветов команды — неизменный атрибут черлидинга*). — Веди себя осторожнее!

— Мы в порядке, — говорю я. — Мы должны начать доверять друг другу, или команда не сработается.

— Ты можешь просто довериться мне, — бормочет он.

— Я капитан, — я останавливаюсь, чтобы мы могли поговорить наедине. — Мы говорили об этом, прежде чем сели в автобус в Палермо. Ты согласился.

— Я знаю, — говорит он. — Мне просто не хватает тебя для себя.

Я не говорю ему о том, что никогда не была в его распоряжении, потому что это только причинит ему боль. Мы встречаемся всего лишь с окончания Национальных соревнований, с прошлой весны, и хоть мы и провели летом много времени вместе, он с трудом сохраняет монополию в моем сердце. Безусловно, он мне нравится, иначе я бы с ним не встречалась, но мне также нравится и Полли, а она является моей подругой намного дольше. Все, что есть у нас с Лео, — захватывающее и новое. Все, что есть у нас с Полли — вечное. Но Лео похоже, не понимает этого, и, что намного хуже, никогда и не пытался понять.

В половине третьего, когда погода трансформируется из очень жаркой в супер жаркую, мы все понижаем. Обычно в это время года дни становятся настолько прохладными, что мы одеваемся в гимнастические брюки и толстовки, но после ланча все раздеваются до шорт и футболок или маек. Примерно через пятнадцать минут мы в числе последних покидаем поле. Кэлдон всегда говорит, что именно это и делает нас «Боевыми Медведями». Мы не останавливаемся, пока не падаем. Как только мы трижды заканчиваем номер без заминок, она отпускает нас. Парни бегут напрямик к озеру, на ходу сбрасывая свои футболки, и тут же ныряют. Мы же, девочки, плетемся в наши хижины, переодеваемся в купальники и захватываем с собой полотенца. Большая часть команды плескается на глубине, в зоне для плавания, но мысль о том, чтобы барахтаться в воде, напрягает меня. Это больше, чем я смогу выдержать, так что просто захожу по колено в воду и сажусь. Мой купальник сразу же наполняется песком. Это выглядит как-то по-детски, но, на самом деле, мне это нравится.

— Ну, по крайней мере, никто не умер, — Полли садится рядом со мной, и на мгновение появляется соблазн окунуть ее в воду, но у меня нет ни единого шанса победить ее, и мы обе это знаем, так что вместо этого я довольствуюсь тем, что бултыхаю руки в воде.

— Было не так плохо, иначе Кэлдон все еще держала бы нас там, — замечаю я.

— Это точно, — говорит Полли. — Парни были хороши, и я думаю, что Сары значительно улучшили свои навыки с момента их отбора в команду.

— Они до сих пор не сделали ничего такого, чтобы заработать себе прозвища? — спрашиваю я. Ситуация понемногу становится нелепой.

— Я думаю, одна из них примеряет на себя звание «Копуша», — говорит Полли. — Но я не уверена, которая именно.

— Прекрасно, — отвечаю я. — В конечном итоге, их назовут Пом-Понами или еще как-нибудь, а потом мы по-настоящему облажаемся.

— Да, — мудро соглашается Полли. — Самой большой нашей проблемой почти наверняка станет наша неспособность отделить их друг от друга.

Я хихикаю, а Полли ухмыляется. За полсекунды я распознаю опасность, но становится поздно, и Полли окунает меня прежде, чем я смогу дать отпор. Я встаю, отплеываясь, так как продолжала смеяться, когда ушла под воду. Я хорошо знаю, что будут еще несколько таких же попыток, поэтому я брызгаю водой в ее сторону.

— Это слабо, Винтерс, — говорит Лео, снова наблюдая за мной с берега. — Хочешь, чтобы я окунул ее за тебя?

— Это может стать последней вещью, которую ты когда-либо сделаешь, — отвечаю ему. — И ты нам слишком сильно нужен, чтобы потерять тебя в самом начале сезона.

Он смеется, а потом прямо около нас, как пушечное ядро, прыгает в воду Тиг. Здесь мелководье, брызг не много, и, вынырнув, он воет от боли, ударившись пальцами ног.

Впрочем, на ближайшие шесть дней, это последний раз, когда мы можем смеяться и дурачиться, потому что подъем в семь утра в воскресенье — реально тяжелое начало

рабочего дня. В течение недели становится немного прохладнее, что напоминает нам о празднике Дня Труда в пятницу, а после него настанут школьные деньки, но, на самом деле, понижения температуры мы не замечаем. Днями мы усердно тренируемся, а по ночам спим глубоким сном.

Черлидеры должны быть в отличной форме, и к вечеру пятницы мы все в изумительной форме. Тренеры отпускают нас на полтора часа раньше, так что некоторые из нас могут принять душ еще до ужина. Эйми и я пропускаем новичков вперед и, в итоге, появляемся в обеденном зале потными и вялыми. Хотя это того стоит, потому что за те сорок минут, что мы потратим на еду, горячая вода как раз пополнится, и в результате мы можем немного дольше постоять под душем.

Когда я возвращаюсь в хижину, там повсюду разбросана одежда. Спасибо Господу, что завтра не будет никаких проверок. Девушки устроили настоящий рынок: одежда и аксессуары для волос, советы по макияжу. Кажется, будто это что-то более важное, чем танцы по случаю окончания лагерного сезона, где количество девушек в четыре раза превышает количество парней. Но у меня, конечно же, есть парень. Должна признаться, я все еще немного взволнована и не могу перестать улыбаться, когда вытряхиваю сарафан, который упаковала специально для этого случая. После недели танцевальных номеров и счета до восьми, когда руки и ноги каждого в определенное время делают именно то, что должны, будет просто облегчением дать себе волю и танцевать просто ради удовольствия.

— Садись, — говорит Эйми, указывая на кровать перед собой, — я сделаю тебе прическу.

Она не волшебница, как Полли, но тоже довольно хороша. В конечном итоге, мои волосы покрыты чередующимися флажками наших школ, и я не могу проследить ни за одним локоном от начала и до конца. Мне понадобится час, чтобы повытаскивать их из волос, но в нашей хижине все будут в такой же ситуации, так что я не возражаю.

— Твоя очередь! — говорю я, и мы меняемся местами. Я тоже не мастер, но Эйми в восторге, когда видит себя в зеркале.

— Гермiona! — кричит Мэлори. — Мы опоздаем!

— Ты и должна опоздать, — говорит ей Дженни.

Я вдруг вспоминаю, что Лео хотел встретиться у входа до начала танцев. Теперь уже слишком поздно. Я слегка вздрагиваю при мысли об еще одном черном пятне в моем послужном списке герлфренд, но затем Эйми хватает меня за руку, и я больше не в состоянии переживать об этом.

* * *

К тому моменту, как мы заходим в обеденный зал, который полностью освобожден от столов, верхний свет уже выключен, пульсируют басы и световые лучи. В центре толпы я замечаю Полли, и она крышесносно красива. Со своей необузданной хореографией, Полли одна из тех танцоров, которые всегда неизбежно окружены людьми. Она крохотулька, но с огромным притяжением. Я останавливаюсь и наблюдаю, как световые лучи ловят каждое ее движение.

Рев музыки какого-то ди-джея затихает, и внезапно начинается один из тех застарелых мощных поп-гимнов, где нужно выкрикивать смешные припевы. Я более чем счастлива

присоединиться к этому. Но, по-видимому, у меня не получится заставить скандировать столько разных групп.

Спустя одну песню Полли хватает меня за руки и тянет в кипящую массу. Меня окружают руки и ноги, и бедра, и плечи, и волосы, а затем кто-то сует мне в руки стакан с напитком. Здесь жарко, и мне хочется пить, поэтому я выпиваю все и ищу мусорное ведро, чтобы выкинуть уже пустой стакан.

— Хэй! — слышу голос, который не могу быстро распознать среди шума. Голос принадлежит парню. — Что-то ищешь?

— Мусорное ведро, — говорю я. — Нигде не видел поблизости?

Что-то не так. Я не была такой уставшей до этой секунды. Я не должна быть такой уставшей. Мне надо найти Полли. Полли должна знать, насколько уставшей мне положено быть.

— В той стороне, — указывает он. Меня тянут на выход из обеденного зала, туда, где, я уверена, нет мусорного ведра. По какой-то причине я не могу сказать ему, что мы идем в неправильном направлении.

Это тот момент, когда я понимаю, что должна кричать. Но кричать мне сложно. А в темноте будет проще.

И темнота встречает меня.

Часть 2

Что заставляет человека скептически смотреть на садовые лейки.

О, и на лежащую с прошлой осени грязь.

Я никогда не видела Полли такой бледной. И у меня никогда не было такого тяжелого пробуждения. Я не могу вспомнить, что мы сделали такого, из-за чего она так переживает, но, должно быть, это нечто ужасное. Надеюсь, нас не исключили. К тому же, меня сейчас стошнит.

Как только я поднимаюсь, рядом оказывается медсестра, я сажусь, и меня рвет в маленькую оловянную мисочку раньше, чем я это осознаю. Честно говоря, я впечатлена своей точностью. Потому что это совсем небольшая миска. А может, просто медсестра хороша в этом деле. Я не могу вспомнить, чем заболела. Мне никогда не было так плохо. Я просто чувствую себя... совершенно неправильно.

— Господи, Гермiona! — Полли едва дышит. Она не отпустила мою руку, несмотря на то, что рвота— единственная вещь в мире, которую она совершенно не переносит. Что бы ни происходило, должно быть, все очень плохо.

— Что произошло? — спрашиваю я.

Полли и медсестра обмениваются взглядами, и медсестра качает головой. Я понимаю, что нахожусь в ближайшей больнице, и под одеялом я абсолютно голая, так что, наверно, я потянула мышцу бедра. Или, возможно, дело в животе. Это не ново, у меня были растяжения практически всех мышц тела на разных этапах моей черлидерской карьеры.

— Ты ничего не помнишь? — спрашивает медсестра. Она говорит с такой осторожностью. Я задумываюсь, а каково это, чувствовать себя хрупкой. Никогда в своей жизни я не была хрупкой. Она передает мне стакан воды, и я делаю глоток, прежде чем она опускает меня обратно на постель. Мне все дается с трудом, а свет бьет мне в глаза.

— Мы были на танцах, — говорю я. — Я была с Полли, — я что-то упускаю. Что-то важное. — Нет, — говорю я. — Я не была с Полли. У меня в руках был пустой стаканчик, и я искала ведро, а потом...

Пустота. На десять секунд в голове все пусто, а потом очень быстро появляются картинки.

Полли хватается мою вторую руку, и кардиомонитор, к которому они подключили меня, пищит в сумасшедшем ритме. Я задыхаюсь. Я ушла с танцев с незнакомым парнем. Мне трудно дышать.

— Милая, милая, — говорит медсестра. — Его здесь нет. Дыши вместе с Полли. Хорошо? Дыши вместе с Полли и не разговаривай. Когда поймешь, что можешь справиться с некоторыми вопросами, офицер — женщина-офицер — и твой тренер поговорят с тобой.

— Ее родители сейчас в Европе. В отпуске, — говорит Полли. — Не помню, говорили ли мы вам об этом.

— Ваш тренер позаботилась об этом, — говорит медсестра, и я никогда не забуду тот взгляд, который она бросила на Полли, прежде чем сказать: — Вы просто должны держать себя в руках.

— Полли, — говорю я. А потом я не могу перестать повторять: — Полли, Полли, Полли, Полли, Полли... — я чувствую, что близка к истерике. Я хочу кричать, кричать и кричать, чтобы компенсировать те крики, которые не прозвучали вчера ночью. Я хочу содрать свою кожу и скинуть ее на пол, а потом плакать до тех пор, пока во мне ничего не останется.

Тем не менее, я не делаю ничего из этого, потому что Полли забирается прямо в мою

кровать. Она может быть такой быстрой. Медсестра даже не успевает запротестовать. Она ложится поверх одеяла, ее ноги фиксируют мои, руки удерживают меня, чтобы я не разлетелась на кусочки, и мое желание умереть становится слабее, чем минуту назад.

— Дыши, — приказывает она, и мы вместе дышим.

Мы дышим так целую минуту. Потом еще две. И еще три. Спустя пять минут Полли немного приподнимается. Я становлюсь абсолютно разбитой, и она целует меня в лоб.

— Сейчас я пересяду, — говорит она. — Придут Кэлдон и офицер. А ты будешь дышать и разговаривать. А затем мы будем есть Jell-O. А потом ты можешь немного поплакать, хорошо?

Я киваю.

— Скажи это, — говорит она.

— Я буду дышать и говорить, потом мы будем есть Jell-O, а потом я смогу поплакать, — говорю, как послушный попугай. Думаю, сейчас я ощущаю себя именно так.

— Отличная работа, — шепчет медсестра, когда Полли садится на свое место. — Офицер, она готова.

Не могу сказать, что Кэлдон выглядит так, что хочет ворваться, поднять меня и убедиться, что со мной все хорошо. Она стоит, не вторгаясь в мое личное пространство, тем не менее, я так благодарна за эту передышку, что меня снова начинает тошнить, но во мне ничего не осталось.

Офицер одета в штатское. Похоже, в провинциальной полиции Онтарио в северной части Барри не так много женщин-офицеров. (*Примеч.: Барри — город в Канаде, провинция Онтарио*). Мне интересно, как быстро она добралась сюда. Она выше меня, что не так уж и удивительно, но ниже Кэлдон. И она коренастая. Она выглядит так, будто понадобится бульдозер, чтобы сбить ее с ног. Она не слишком молода, но, кажется, будто для нее все это в новинку, что заставляет меня задуматься о том, как долго она работает офицером полиции.

— Здравствуй, Гермiona, — говорит она.

Интересно, она такая же фанатка Гарри Поттера, как мой отец, или поклонница греческой мифологии, как моя мама? (*Примеч. Гермióна Джин Грэйнджер — одна из главных героинь цикла романов о Гарри Поттере наряду с Гарри Поттером и Роном Уизли. Гермióна в древнегреческой мифологии — дочь царя Спарты Менелая и Елены. Ей было девять лет, когда Елена отправилась в Троию*). Она произносит мое имя с таким благоговением, будто ей просто улыбнулась удача прочитав его в рапорте. Я трясую головой и заставляю себя сконцентрироваться.

— Меня зовут офицер Плуммер, — говорит она. — Если хочешь, можешь называть меня Кэролайн.

Наверно, мне следует что-то сказать? Все, о чем я могу думать, что не могу понять, какую роль она сыграет в моей привычной жизни. Может, она здесь, чтобы поддержать меня? Я не знаю, что сказать, и это ужасно, потому что я всегда знаю, что сказать. Я не хрупкая, и я всегда знаю, что ответить.

Она продолжает:

— Если по какой-либо причине ты захочешь остановиться, просто скажи мне об этом, хорошо?

— Хорошо, — говорю я. Офицер Плуммер, должно быть, настоящая профи, потому что я прозвучала как debilka, а у нее даже не было намека на улыбку. — Можешь рассказать мне, что ты ела в пятницу за ужином?

— Пиццу, — говорю я, не колеблясь. — Мы пришли в семь, поэтому осталась только вегетарианская, гавайская холодная пицца.

— Хорошо, — говорит офицер Плуммер после того, как Полли кивает в подтверждении моих слов. — А что ты делала потом?

— Мы с Эйми решили последними идти в душ, — говорю я ей. — Остальные думали, что мы сделали им одолжение, пропустив их вперед, но в действительности мы просто хотели горячий душ. Мы приняла душ, а потом Эйми делала мне прическу.

Я помню свою прическу. Она была изумительной и замысловатой. Я дотрагиваюсь до головы и тут же об этом жалею.

— Попозже, я расчешу тебе их, — тут же обещает Полли.

— Ты пошла на танцы с Эйми? — спрашивает офицер Плуммер.

— Да, — говорю я. — И с Мэлори, еще одной девушкой из Палермо. Все остальные к тому моменту уже ушли.

— Что было потом, когда вы пришли?

А вот с этой частью сложнее, все расплывчато. Я пытаюсь сфокусировать свою память на этом моменте.

— Полли уже была там, — говорю я. — Она вытянула меня на середину танцпола. Мы очень хорошие танцоры. Еще и в зале полно конкурентоспособных танцоров. Было весело.

Недостаток ясности в моих воспоминаниях проявляется и в голосе. Все тихо и статично, не похоже на мой обычный диапазон. Даже мысленно я способна составить только короткие фразы.

— Ты помнишь, кто был с тобой? — офицер Плуммер не делает записи. Я обращаю на это внимание, но затем замечаю диктофон в ее кармане.

— Нет. Было тесно и жарко, что-то типа слэма. (*Примеч. Слэм — действие публики на каком-нибудь мероприятии, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга*).

Понятия не имею, на что похож слэм, но лучше такое сравнение, чем вообще никакое.

— Что было дальше?

— Кто-то всунул мне в руки напиток, и я его выпила, — говорю я. — А потом я пошла искать мусорное ведро, но чувствовала себя очень уставшей.

Полли вздрагивает.

— Мне было трудно дышать, — говорю я. — В смысле, я не могла вспомнить. Я не могла найти ни ведра, ни Полли. Но я натолкнулась на парня.

— Как он выглядел? — говорит офицер Плуммер с надеждой в голосе. Полагаю, я хорошо справлялась до этого момента.

— Я не знаю, — спустя мгновение отвечаю ей. Я хороша в запоминании расцветок, но лица никогда не задерживаются в моей голове. Я помню лицо Полли и Эйми, лица всех в своей команде, но лица остальных я даже и не пытаюсь запомнить. Это мой последний раз в лагере. Нет, это *был* мой последний раз в лагере. Я думала совсем о другом. — Я могла бы запомнить больше, но было темно, и не получилось. Я знаю, что должно было произойти дальше, но я не помню, где это было.

— Это побочный эффект от наркотика, который тебе дали, — говорит медсестра. Кажется, что она разрывается между желанием приблизиться ко мне, позаботиться обо мне, и оставаться так близко к двери, насколько это возможно, и продолжать делать свою работу. — Прости, милая.

— Ее память восстановится? — спрашивает Полли.

— На самом деле, я в этом не эксперт, — признается офицер Плуммер. — По большей части, я здесь, потому что...

Она замолкает, но мы все знаем окончание этой фразы. Мы у черта на куличках, слишком далеко от офицеров, которые обучены этим тонкостям, и, вероятно, она была единственной женщиной на дежурстве, когда они получили вызов.

— Все в порядке, — говорю ей. — Мы в порядке.

— Позвони мне, — говорит она, передавая мне свою визитку. — Позвони мне, если что-нибудь вспомнишь, или если захочешь поговорить, хорошо?

Полли кладет визитку на стол рядом с Jell-O, и офицер Плуммер уходит. Кэлдон и медсестра обмениваются взглядами, потом тренер подходит ближе ко мне.

— Хочешь узнать все подробности, Гермiona? — спрашивает она. Я никогда не слышала, чтобы она говорила так испуганно и неуверенно.

— Могу я узнать это от Полли? — шепчу я. Я такая жалкая, но будет хуже, если я услышу это от взрослых.

— Конечно, — говорит она. — Но есть еще кое-что. — Она колеблется несколько минут, потом делает глубокий вдох. — Они не могут сделать полную проверку на СНЭД (*Примеч. СНЭД — сокращенно Сексуальное насилие и эксплуатация детей*), — говорит она, и мне требуется мгновение, чтобы осмыслить, что она назвала мне какую-то аббревиатуру. — Полли может объяснить тебе детали, если хочешь, но улики, взятые с тебя, были загрязнены. Лаборант была обеспокоена, что вместе с водой анализ ДНК не будет полным.

Я видела достаточно криминальных шоу, чтобы знать, что всегда что-нибудь остается. Я поцарапала его, или он оставил на мне следы, или еще что. Но если Кэлдон говорит «ничего нет», должно быть, так и есть.

— О! — говорю я. Не уверена, что еще я могу сказать на это. Полли будет точнее в деталях. Она всегда такая.

Кэлдон поднимает с подноса маленький пластмассовый стаканчик. Он стоял с другой стороны стола от Jell-O, поэтому до этого момента я его не видела.

— Это противозачаточные, на экстренный случай, — говорит она. Таблетки стучат о пластик. У нее трясутся руки.

— Полли, помоги мне сесть, — говорю я. — Мне не станет от них плохо?

— Немного, — отвечает медсестра. — Но все это время ты будешь находиться здесь.

Полли наливает еще воды, и передает мне кружку. Я быстро проглатываю таблетки и снова ложусь.

— Я буду снаружи, — говорит Кэлдон.

— А где Флори? — спрашиваю я. — И команда?

— Я отправила их домой, — говорит Кэлдон. — Они в порядке. Просто крикни, если я понадоблюсь.

— Вот тут есть вызов, — говорит медсестра, указав на кнопку, прикрепленную к моей кровати. — Нажми красную кнопку, и я буду рядом.

А потом мы остаемся одни, Полли и я. Я понимаю, что до сих пор не уверена, где именно мы находимся, хоть и предполагаю, что это больница в Пэрри Саунд. Полли протягивает мне мой Jell-O, и я автоматически ем его. Когда я заканчиваю, она забирается обратно ко мне на кровать, и я сворачиваюсь клубочком на своей стороне, так что мы лежим лицом к лицу. Как в детстве, когда у нас были совместные ночевки, и нам приходилось

шептать, потому что мы должны были спать, а взрослые находились прямо у нас за стеной.

— Мне нужно, чтобы ты сказала это, Полли, — шепчу я. После ее слов это станет реальным, но нет никого лучше в срывании пластыря, чем Полли Оливер.

— Они нашли тебя в озере, — говорит она, ее блестящие глаза в сантиметрах от моих. — Эйми нашла тебя, я имею в виду, тебя не оказалось в хижине, когда она вернулась. Она была в ужасе. Ты все еще была в одежде, но без нижнего белья, ты была по пояс в воде и лежала, прислонившись к скалам.

— Перестань тянуть время, Полли, — я даже не уверена, кто говорил дальше. СНЭД *Сексуальное насилие и что-то и что-то*. Наши руки находят друг друга, и теперь я больше не хочу разваливаться на части.

Полли на секунду зажмуривается, по щекам текут слезы. Затем она заставляет себя снова открыть глаза.

— Кто-то подмешал тебе что-то в напиток на танцах. А потом он застал тебя в одиночестве и увел к воде. И ты не могла остановить его, потому что ублюдок накачал тебя наркотиками. Потом он изнасиловал тебя.

Она никогда не колеблется, моя Полли. Она просто сразу срывает пластырь. Также она никогда не плачет. Как правило.

Но в этот момент мы лежим вместе на больничной койке, и я не могу сказать, где заканчиваются мои слезы и начинаются ее.

Впервые мне снится Клара Эбби. В моем сне ей все еще одиннадцать, она качает ногами, взбираясь на перемене на шведскую стенку. Выглядит неизящно, совсем не так, как обычно. Она любит подниматься высоко, но она выросла быстрее, чем большинство из нас. Она долговязая, и я не уверена, где у нее заканчиваются руки и ноги. Я могу крутиться на перекладине, переворачиваться и изгибаться, как акробат на трапеции, но Клара может только висеть. Она никогда не интересовалась, как можно делать упражнения с ее ростом. Она будет висеть здесь вечно.

— Значит, это ты, — говорит она мне. У нее напряженный голос и красное лицо от того, что она висит вниз головой. — Теперь они всегда будут говорить о нас обеих. Что бы ты ни делала.

— Нет, — говорю я ей. — Я не допущу этого. Я не позволю им.

— Ты не сможешь это контролировать, — говорит она. — Как не можешь контролировать, например, машины. Ты можешь только продолжать двигаться вперед и надеяться на лучшее.

— О ком мы сейчас говорим? — спрашиваю я ее. — О тебе или обо мне?

— Не имеет значения, — говорит она. — Сейчас мы в одном положении. Еще два имени в статистике.

Я переворачиваюсь вокруг перекладины рядом с ней, и какое-то время мы висим друг против друга. Звенит звонок, и игровая площадка пустеет. Реальная Клара оставила бы перекладину и быстро спустилась на землю, как только прозвенел звонок. Эта Клара не двигается. Она застряла на этой шведской стенке, потому что какой-то придурок сел пьяным за руль в Рождество. Я начинаю отталкиваться, чтобы спуститься, но на полпути застреваю.

— Нет! — кричу я на пустой площадке. Двери закрываются. Все уходит, оставляя нас на площадке. — НЕТ!

А потом Полли трясет меня, и я просыпаюсь.

— Кошмары? — она протягивает мне стакан воны, и я делаю глоток.

— Типа того, — говорю я. — Больше тревожные, чем страшные.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет, — отвечаю я. — Сколько сейчас времени?

— Почти одиннадцать часов, — говорит она, взглянув на свои часы. — И сегодня воскресенье, если тебе интересно.

— На самом деле, я это сама поняла, — я пытаюсь пошутить, но прямо сейчас я в спецрежиме «или плакать, или смеяться». — Если учесть, что из окна светит солнце.

Полли пожимает плечами, но из вежливости немного улыбается. Вчерашний вечер прошел в тумане болезненных судорог от экстренных противозачаточных таблеток, и я так сильно плакала, что у меня разболелась голова. Они не дали мне снотворного, которому я была бы рада, так что я не ожидала, что просплю так долго. Мои родители вернутся не раньше вечера понедельника, так что Кэлдон отправила на автобусе большую часть нашего снаряжения, а сама отвезет нас с Полли обратно в Палермо на своей машине. Должно быть, мои родители полностью раздавлены. Достаточно того факта, что они летят на самолете.

Стучат в дверь, и мгновенье Полли смотрит на меня, чтобы убедиться, что я готова к посетителям. Я киваю ей.

— Входите, — говорит она.

Это снова офицер Плуммер. На этот раз она в униформе, ее волосы спрятаны под фуражкой. Она выглядит как человек, с которым я бы предпочла не связываться. Когда она заходит в палату, снимает фуражку и удерживает ее в своих руках. Мне интересно, так положено по уставу или ей просто жарко?

— Извини, что снова беспокою тебя, — говорит она.

— Все нормально, — говорю ей. Это не так, но не похоже, что я могу волноваться еще сильнее.

Офицер Плуммер сглатывает. Я сразу же понимаю, что она весь день репетировала речь, которую скажет мне. Возможно, в своей машине. Возможно, в лифте. Возможно, прямо сейчас в своей голове.

Но речь никогда не станет лучше. Я делаю все возможное, чтобы не паниковать, что намного сложнее, чем должно быть.

— Мисс Винтерс, — говорит она, очевидно, решив, что официальное обращение, возможно, сделает все это проще для нас обеих. — Как вы уже знаете, снятые с вас вещественные доказательства были испорчены из-за того, что вы некоторое время находились в озере.

Она говорит это так, будто я ходила поплавать. Мне интересно, это уголовное преступление называется «человек без сознания в озере под действием наркотиков»?

— Поэтому, было решено не брать никаких проб с отдыхающих и сотрудников лагеря.

Я уже об этом знала, но все же надеялась. Часть меня этому рада. Не будет проб, не будет обвинений и последствий, не будет мыслей об этом после того, как я отправлюсь домой. Другая часть меня, похожая на Полли, борется со злостью.

— Однако, — продолжает она, — если результаты твоего теста на беременность окажутся положительными, и если ты захочешь поделиться этим с полицией Онтарио, у нас появятся основания взять эти пробы и провести тест, чтобы сравнить образцы... — ее профессионализм иссякает, и она вздыхает. — Мне на самом деле жаль, мисс Винтерс, — говорит она, руками очерчивая все вокруг. — Вы заслуживаете намного больше этого.

— По правде, для меня не новость, но вы заставляете меня надеяться на лучшее, — успокаиваю ее. Я слегка преувеличила, но мне это ничего не стоило. Мне нравится знать, что я все еще могу что-то дарить людям. — У нас еще нет этих результатов.

— У вас сохранилась моя визитка? — спрашивает Плуммер.

— Кажется, да, — говорю я. — Хотя, возможно, вчера она могла помяться, — я потеряла ее из виду после того, как все ушли и Полли вернулась на мою койку. Думаю, что в какой-то момент одна из нас могла использовать ее вместо салфетки.

— Я оставлю еще одну, — говорит офицер и вылавливает визитку из кармана рядом с пистолетом. Она кладет ее на стол. — Позвони мне, если решишь помочь с расследованием.

Я снова киваю, и даже несмотря на то, что она очень любезна, мне неожиданно захотелось, чтобы она ушла так быстро, насколько это возможно. Она задерживается еще на несколько секунд, чтобы спросить у Полли, нужно ли нам что-нибудь, но Кэлдон уже ходила в магазин и купила нам все необходимое, поэтому офицер Плуммер уходит. Когда мы остаемся одни, можно ощутить небольшое уединение несмотря на то, что дверь, ведущая в холл, открыта, и я делаю несколько глубоких вдохов.

— Ну, — говорит Полли, когда я восстанавливаю над собой контроль.

— Не знаю, — отвечаю ей. Я думаю о своем сне, о сказанном Кларой, что я вошла в

статистику. Это мое подсознание пытается сказать мне, что я буду относиться к классу беременных? Это наркотики и коктейль эмоций сжигают меня изнутри?

— Ты разве не хочешь поймать его? — спрашивает Полли.

— Хочу, — говорю я. — Но подумай о том, что именно это *означает*.

Эти слова висят между нами двумя на несколько секунд, когда глаза Полли округляются, и она понимает, что именно она случайно пожелала.

— Я не это имела в виду... — начинает она говорить, но потом останавливается.

— Я знаю, — говорю ей. — Я понимаю, что именно ты имела в виду. И я хочу поймать его. Я просто не могу думать об этом заранее.

— Ты же знаешь, что при любом раскладе, чтобы ты ни выбрала, я буду с тобой? — спрашивает она.

— Я знаю, — отвечаю ей. — И поверь мне, вероятно, я буду в полной мере пользоваться этим преимуществом.

— Просто... мне так плохо от того, что я не заметила этого, — говорит она. — Я была прямо рядом с тобой.

— Он хорошо продумал этот момент, — говорю я. Она вздрагивает, и я делаю вид, что не заметила этого. — Я имею в виду, если бы я стояла рядом с тобой, мы бы задумались над тем, почему мне так плохо, и Эйми отвела бы меня обратно в хижину. Но он дождался, пока я отойду от толпы, а я только хотела найти мусорный контейнер.

— Я все равно чувствую себя ужасно, — говорит она. — И Эйми чувствует себя так же. После того, как тебя увезли на машине скорой помощи, у нее случилась настоящая паническая атака. Я не могла остаться, потому что Кэлдон собиралась ехать следом за скорой. Правда, с ней осталась Мэлори.

— Ты слышала что-нибудь о ней? — спрашиваю я. Намного легче говорить о травмах других людей, даже если в глубине души и понимаю, что это связано со мной.

— В госпитале нельзя находиться с телефоном, — говорит она. — А я выходила только в ванную комнату.

— Ты самая лучшая, — заверяю ее. Я только не говорю ей, что этого недостаточно.

— Я знаю, — улыбается она с самодовольным видом, хотя ее улыбка не затрагивает глаз.

Звучит еще один стук в дверь, и входит медсестра-волонтер с нашим обедом. Технически, они должны кормить только меня, но практически все время моего нахождения здесь сотрудники госпиталя показывают, как переживают за меня, поэтому кормят и Полли тоже.

— Вы проспали завтрак, — говорит она, расставляя подносы на стол. Пахнет неаппетитно, и, как ни странно, я все еще не хочу есть. — Так что, я пришла к вам, как только обед был готов.

— Спасибо вам, — благодарю ее. Я не знаю ее имени, несмотря на то, что и вчера приносила еду именно она. У нее нет бейджика с именем, она не представлялась, просто приносит нам еду.

Полли снимает крышку со своего подноса и кривится.

— И мы еще думали, что еда в лагере была невкусной! — говорю я. Она дает мне пульт, чтобы я могла перевести свою койку в сидячее положение. Я могу вставать с постели, когда бы ни захотела, и понимаю, что мне нужно сходить в уборную. Они дважды меняли простыни, но когда я встаю, замечаю, что на подушке до сих пор есть кровь. Полли

незамедлительно поднимет ее, снимает наволочку, нажимает на кнопку вызова и меняет ее, пока я иду в ванную комнату. От этого у меня снова появляются слезы, и я обещаю сама себе, что проведу часть своей жизни, делая для нее все возможное. В ванной я веду себя осторожно, чтобы не упасть и не пораниться. Чего я действительно хочу, это принять душ и надеть нормальную одежду, но с этим придется подождать.

— Ты думаешь, это странно, что я могу смеяться и шутить? — спрашиваю я, когда возвращаюсь в комнату. Я понимаю, что впереди меня ждет множество терапий, но до того, как они начнутся, мне бы хотелось разобраться с некоторыми вещами.

— Нет, — говорит она. — Это то, как люди справляются. Я имею в виду, я не думаю, что ты должна всегда так относиться к этому, но на данный момент это нормально.

* * *

Единственный гинеколог в областной больнице Пэрри Саунд — мужчина. В первый раз, когда он осматривал меня, я была без сознания, и с того момента тщательно следили, чтобы в мою палату заходили только женщины. Это печально, но когда он заходит в комнату, и я не поддаюсь панике, всем нам становится от этого легче.

— Гермiona, — говорит он. — Я доктор Шарк. Как ты себя чувствуешь?

Раньше меня никогда не тошнило от вопросов о моем самочувствии. Думаю, сейчас это может произойти. К счастью, я понимаю, что он имеет в виду мое физическое состояние, а не эмоциональное.

— У меня все еще идет кровотечение, но судороги прошли, — говорю я.

— Хорошо. Хорошо, — он кивает головой. — Ты готова поговорить о проверке на беременность?

Я на самом деле рада, что офицер Плуммер напомнила мне о нем. Я могу думать об этом, как о чем-то законном, не личном, и это поможет мне справиться с этим.

— Да, — говорю я. — Я имею в виду, я сделаю все, что в моих силах.

— Ты неплохо справляешься, — мне интересно, он так сказал только потому, что я не кричу, не плачу и не лезу на стену? Он прочищает горло. — Экстренные противозачаточные предотвращают беременность, только если оплодотворение уже не произошло, ты это понимаешь?

— Да, — теперь моя очередь кивать головой. — Это значит, если я уже забеременела, то и осталась беременной.

— Да, — он продолжает, — так что, возможно, что зачатие уже произошло к тому моменту, как ты смогла принять таблетки, в таком случае, тест на беременность будет положительным.

— Когда я смогу сделать тест? — спрашиваю я.

— Я бы порекомендовал подождать шесть-семь дней, — говорит он. — Две недели дадут самый точный результат.

Я немного понижаю, но не думаю, что он это заметил. Целых две недели. Это все похоже на ад. Но я не буду делать тест, который может быть неверным. Я хочу сделать это только один раз.

— Во вторник у меня начинаются занятия, — говорю ему. — В школе и на факультативах.

Спасибо Господу за эту маленькую милость. Доктор продолжает задавать мне кучу вопросов о моем лечащем враче, передаче медицинских записей и согласительной форме, и я отвечаю так, будто он официант, а я выбираю между картошкой фри и салатом. Вы говорите наитупейшие вещи, когда ваш лечащий врач говорит вам о том, что вы можете быть беременной, а вы на это не соглашались и даже не помните, как это произошло. Полли ни разу не отпустила мою руку.

— Я также порекомендовал проведение для тебя психиатрического обследования, — ему удается сказать это мягко, чему, вероятно, способствуют годы практики. Может, его этому обучали в медицинской школе.

— Хорошо, — говорю я. — Буду иметь в виду.

На одно мгновение ему становится неловко. Пэрри Саунд — небольшой город. Как и офицер Плуммер, вероятно, он так же не сталкивался с таким. Когда профессионализм в нем иссякает, он не может перестать видеть во мне маленькую девочку, жертву ужасных обстоятельств. Мне так хочется показать ему, что он ошибается, но думаю, я забыла, как это делается.

— Вас на самом деле зовут Шарк? — выпаливаю я, и момент рушится. (*Примеч. Shark в переводе с английского языка означает «акула»*).

— Всю мою жизнь, — отвечает он.

— Спасибо вам, доктор, — говорит Полли со смесью вежливости и явного намека, что ему пора удалиться. Меня всегда впечатляет ее способность разговаривать так со взрослыми. — Если у нас появятся вопросы, мы вызовем медсестру.

— Как-нибудь ты научишь меня, как делаешь это, — говорю ей, после того как доктор Шарк покидает палату.

— Мой секрет уйдет со мной в могилу, — говорит она. И тут до меня впервые доходит, что Полли, как лучшая подруга, стала для меня более важной, чем когда-либо раньше.

Праздник Дня Труда знаменует окончание лета. Не в том смысле, что люди в последний раз перед началом зимы посетят свои коттеджи, а в том, что это в последний раз будет ощущаться, как отдых. Когда я была младше, в воскресенье вечером, после того, как темнело, мы возвращались на машине домой, плетясь из Мускоки так медленно, как только могли. Я засыпала в машине, и, когда мы доезжали, папа заносил меня в дом на руках. Мама готовила мою одежду и упаковывала ланч, и когда в первый день школьных занятий я просыпалась в семь часов утра, казалось, что лето было лишь сном. Когда я стала черлидером, в день праздника Дня Труда мы выезжали из лагеря Manitouwabing на автобусе, наполненном загорелыми лицами и усталыми криками, а с появлением сигнала сотовой сети, еще и неистовых звуком текстовых сообщений. В этом году Кэлдон едет по шоссе 400 в плотном движении праздничного воскресенья, и это похоже на нескончаемое путешествие Одиссея в неизвестность.

Полли сидит на переднем сидении. Я до сих пор чувствую себя усталой, поэтому Кэлдон смастерил для меня в центре заднего сидения грузовика что-то типа гнезда. Я сижу боком, прислонившись спиной к окну, с поднятыми вверх ногами. Я думаю, что здесь, на самом деле, намного комфортнее, чем на больничной койке, но, может быть, это потому, что здесь просто пахнет лучше.

— Ты уже говорила с родителями? — спрашивает Полли.

Мой телефон снова со мной, так что они смогут позвонить мне, когда приземлятся. Если мои предположения верны, то прямо сейчас они пролетают над Ньюфаундлендом. *(Примеч. Ньюфаундленд — остров у побережья Северной Америки, территориально принадлежит Канаде, название переводится как «Новооткрытая земля»).*

— Они созвонились с моей тетей, и она написала мне, — говорю я.

Я думала, мой телефон свихнется, как только появится стабильная связь, но, не считая тети, больше никто не отправил мне ни одного сообщения. Это ничего не значит. Это все потому, что они не знают, что сказать мне. Обычно Лео хорош в нарушении тишины, даже когда я не хочу, чтобы он это делал. Не могу решить, рада ли я его молчанию или расстроена.

— Как там твоя тетя? — спрашивает Полли.

— В ужасе, — говорю ей. — Это стало для нее тяжелой новостью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тетя Лина живет в Торонто и думает, что все живущие севернее шоссе 401— абсолютные грубияны. Кроме того, у нее нет своей машины, поэтому она не бросила вызов дикой местности и не примчалась в Пэрри Саунд, чтобы убедиться, что я не нахожусь в каком-нибудь коттедже во власти торговцев травкой. В своем сообщении она написала, что сможет приехать не раньше воскресенья, но поскольку мы уже запланировали возвращение домой в понедельник, я написала ей об этом и попросила не переживать.

Что за глупая фраза. Конечно, она переживает. С субботы мир изменился, и я все еще наверстываю упущенное.

— Мама с папой к вечеру должны быть уже дома, — говорю я. — Если движение не улучшится, они могут приехать раньше нас.

— Мы можем провести время получше, раз уж застряли на этой магистрали, — говорит

Кэлдон. — Девочки, есть хотите?

— Я могу потерпеть до «Супербургера» (*Примеч. Superburger — сеть ресторанов быстрого питания*), — с надеждой говорит Полли.

— Я тоже планировала «Супербургер», но мы можем делать все, что захотим, — отвечает Кэлдон. Одна из причин, почему она настолько великолепный тренер, потому что она настаивает, чтобы мы ели, как настоящие люди, не как кролики, а после этого приводит наши тела в порядок, хоть это и тяжелая работа. Она никогда никого не исключает за набор веса, что, как я слышала, происходит в других школах, даже если ты набрал вес по причине взросления или чего-то подобного. Когда я была в десятом классе, она отстранила девушку, которая потеряла десять фунтов и не смогла объяснить почему, а оказалось, это было пищевое отравление.

Есть в этом что-то комфортное, думать о Кэлдон и прошлом.

— Нам нужно поговорить о будущей неделе, — говорит Полли.

— Ты имеешь в виду открытие собрания и все такое? — спрашиваю я. Это обычное дело, но сейчас сложнее, чем раньше.

Глаза Кэлдон сверкают в зеркале заднего вида. Я знаю, она хочет убедиться, что у меня не случится паническая атака. Интересно, они все переживают о том, как долго я буду держаться, прежде чем сломаюсь, и все мои переживания прольются потоком слез? Если честно, у меня есть определенные сомнения. Но я не помню того, что произошло. За исключением случаев, когда я думаю об этом, или что-то навивает воспоминания, я забываю о том, что во всем происходящем я являюсь жертвой. Из-за этого становится сложно вести себя соответственно. Я как бы не против, потому что альтернативой этому может стать что-то, связанное с постоянным нахождением в своей комнате.

— Просто займи мое место в понедельник, во время обеда собери ребят на срочную тренировку, чтобы настроить их на всю предстоящую неделю, — говорю я. Не впервые нам приходится делать что-то подобное. Иногда люди получают травмы в лагере.

— Хорошо, — говорит Кэлдон. — А как насчет того, что будет дальше?

Она спрашивает это настолько деликатно, насколько вообще возможно, имея в виду мой возможный уход.

— Доктор Шарк сказал: все, что мне нужно, это переждать неделю, — говорю ей. Я правда, правда надеюсь, что доктор Шарк не ошибся.

— В физическом плане, — говорит она. И больше ничего не добавляет. Я не могу понять, что она имеет в виду.

— Гермiona, — зовет Полли, повернувшись на сидении, чтобы посмотреть на меня. — Единственный человек, который знает правду о том, кто тебя изнасиловал, тот парень, который и сделал это.

Я киваю.

— Это значит, им может быть кто угодно, — говорит она. — И мы имеем шестерых подозреваемых в нашей...

Я давлюсь и зажимаю рукой рот. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Кэлдон мастерски пересекает две линии пробки, замедляется, открывает нажатием кнопки выдвижную дверь с правой стороны грузовика. Я вожусь с ремнем безопасности, потом с покрывалом, а потом, пока стою на коленях у дренажной канавы, меня рвет моим завтраком, в то время как Полли придерживает мои волосы.

— Извини, — говорит она.

— Нет, ты права, — удается мне сказать между приступами рвоты.

Такое ощущение, что в мой рот кто-то заполз и умер там. Кэлдон не может выйти с машины потому, что движение продолжается, поэтому она бросает Полли бутылку «Гаторейда». Я делаю большой глоток и выплевываю его.

— Боже, — шепчу я, и Полли наклоняется ко мне. Я прикусываю губу, но не отклоняюсь. — А что, если это Лео?

— Посмотри на это с другой стороны, — Полли так хорошо умеет показать напускную искренность. Большинство людей никогда не понимают, что она притворяется, делая вид, что чувствует одно, а на самом деле чувствует совсем другое. Но я знаю ее. — Все парни нашей команды ужасно плохие притворщики. Как только один из них коснется тебя, мы сразу пойдем.

— Ага, — я не Полли. Все мои ощущения прямо у меня на коже. — Но кому-то из них в любом случае придется прикасаться ко мне.

— Мы пересечем этот мост, когда доберемся до него, — ее видимое спокойствие дает небольшую трещину, но она не отступает. Не совсем. — А сейчас, давай уберемся с этого шоссе, вернемся домой и вместе пройдем через эту неделю.

Она не имеет в виду «пройдем через первую неделю в школе». Она имеет в виду «то время, пока не станет возможным сделать тест на беременность». Слова разные, но я становлюсь экспертом по части скрытого смысла.

— Хорошо, — отвечаю я и встаю. Я сажусь обратно в грузовик, сжимаю свой «Гаторейд» и устраиваюсь на своем сиденье. Кэлдон приходится ждать, чтобы вернуться обратно на шоссе, но вскоре мы возвращаемся на скоростную линию, направляясь на юг.

Мне удается добраться до «Супербургера» без остановок на рвоту. Там оказывается куча народа, поэтому мы едим на газоне, сидя на одном из покрывал из моего гнездышка, и это практически похоже на настоящие праздничные выходные. Но когда я иду в уборную, обнаруживаю на своей юбке пятно крови, и Полли приходится перекопать весь мой чемодан, чтобы достать сменную одежду. Я переодеваюсь, зная, что именно мне следует делать, даже если и не помню, почему. К тому времени, как мы выходим на улицу, я чувствую, как подкрадывается страх, скользя по солнечной траве и звеня пронзительными криками детей, бегущими вокруг парковки и наслаждающимися последними минутками летней свободы. Когда я возвращаюсь в грузовик, закрываясь в нем, окруженная людьми, которым доверяю, я понимаю, что снова могу дышать.

Это не предвещает ничего хорошего.

Мы возвращаемся в Палермо только после пяти часов вечера. По пути в город Кэлдон останавливается, чтобы забрать Флори. Она была с семьей Мэлори, а они живут на ферме за городом. Кэлдон нет смысла ехать весь этот путь обратно, после того, как развезет нас.

Как только дверь открывается, Флори устраивается рядом со мной. Я понимаю, что понятия не имею, что они ей сказали, что они сказали *всем*. Кэлдон обычно выражается прямо, но Флори всего десять лет, и я не уверена, что хочу быть той, кто расскажет ей о случившемся. Кэлдон и Полли наблюдают за мной, пока Флори душит меня в своих объятиях, и на удивление не разрушает меня. Я мысленно отмечаю, что получать объятия от десятилетней девочки — это то, что я все еще могу выносить.

Мэлори стоит около грузовика, глядя на меня. Могу сказать, что она чувствует некоторую вину, как и Полли, хотя ей даже хуже, поскольку она жила со мной в одной хижине, а еще и потому, что силы ее и Полли не равны.

— Привет, — говорю я, — не смей извиняться передо мной.

Мэлори сглатывает, определенно пытаюсь сдержать слезы, и кивает.

— Я рада, что с тобой все хорошо, — говорит она. — Надеюсь, скоро увидимся. В школе, я имею в виду. Если хочешь, могу забирать твои задания на дом.

В этом вся Мэлори. Мне нужно было быть лучшим другом для нее. Как и Полли, ради команды она пройдет сквозь огонь. Но в отличие от Полли, она была бы в состоянии ужаса все это время.

— Спасибо, — говорю я. — Я ценю это. Это всего на неделю.

Флори пристегивает свой ремень безопасности, и Мэлори закрывает дверь. Она стоит на подъездной дорожке и ждет, пока мы не сворачиваем в конце переулка.

— Ты же не уйдешь, правда? — спрашивает Флори, когда мы сворачиваем на главную дорогу. — По дороге домой, в автобусе, Дженни сказала, что ты уйдешь.

— Я не собираюсь уходить, Флори, — подняв голову, я вижу, что Полли снова повернулась к нам, а Кэлдон смотрит на меня через зеркало заднего вида. — Я не собираюсь уходить.

У Полли занимает пятнадцать минут, чтобы убедить Кэлдон, что с нами все будет хорошо, если она оставит нас у меня дома до того, как вернутся мои родители. Родители оставили сообщение на автоответчике, в котором говорится, что они выехали из аэропорта. Даже с учетом пробки, они должны приехать домой в течение часа. Я могу протянуть час в своем собственном доме.

— Флори завтра тоже в школу, — говорит Полли, предпринимая последнюю попытку убедить Кэлдон, что другие люди нуждаются в ней больше, чем я.

— С нами все будет в порядке, — обещаю я.

Кэлдон не в восторге от этого, но все равно кивает.

— Ладно, Флори, — говорит она, — нам нужно подготовить тебя к завтрашнему утру.

Я борюсь с чувством вины. Кэлдон рассчитывала за воскресенье и праздничный день, чтобы подготовить себя и свою дочь к новому учебному году. А сейчас уже вечер понедельника.

— Спокойной ночи, Гермиона, — желает мне Флори. Она единственная, кто ведет себя так, будто ничего не произошло, и мне просто хочется, чтобы она всегда была рядом. Но ей иногда нужно спать, честно говоря, как и мне.

— Спокойной ночи, — говорю я. — И спасибо, что подвезли нас, Кэлдон.

Это только формальность, и мы обе это понимаем. Там было не так уж и много вариантов. На самом деле, я имею в виду «спасибо, что не заставили меня ехать со всеми в автобусе или на патрульной машине». Но так звучит более нормально.

— Увидимся завтра, Полли, — говорит она. — Гермиона, звони мне в любое время. В любое время, слышишь?

— Договорились, — отвечаю ей. Я добавляю ее в свой список людей, у которых в ближайшие дни будет огромное преимущество. Мне могло бы быть от этого плохо, если бы это не помогало чувствовать малодушную радость.

А потом, мы вдвоем с Полли стоим на кухне и смотрим друг на друга. Она была у меня дома миллион раз, а ведет себя так, будто не знает, что ей делать.

— Итак, — говорю я, пытаюсь заполнить тишину хоть чем-то. — Мороженое?

— Звучит здорово, — она старается звучать так, будто говорила это миллион раз раньше, но у нее это не получается. Сейчас мы одни, и ее показная уверенность шатается еще больше.

— Я пойду в ванную, — говорю я. — Увидимся в гостиной.

Я иду в маленькую ванную комнату на первом этаже и сажусь на сиденье унитаза, зажав голову между коленей. Я смотрю на кафельный пол, который знаю, как свою ладонь, прослеживаю линии в бесконечность и с усилием заставляю себя дышать. Это всего лишь мой дом. Я живу в нем всю свою жизнь. Если я не могу быть здесь, куда тогда, черт побери, мне идти?

Обычно, вернувшись домой из лагеря, я чувствую себя немного странно. Это возвращение из выдуманного царства колокольчиков, организованного питания и ситуативной дружбы. Некоторые колокольчики остаются, некоторое питание все еще планируется, а некоторая дружба теряется, но, по большому счету, это возвращение домой, чтобы понять, что ничего не изменилось, и ты сам не так уж сильно и изменился, как думал.

В этом году все не так. В этом году я пропустила двенадцать часов своей жизни. Я изменилась больше, чем могу представить.

Но я снова могу дышать, поэтому спускаю воду в унитазе и делаю вид, что мою руки. Я выхожу и замечаю, что Полли положила все подушки на пол так, что мы можем лечь, и еще она выпотрошила из холодильника все, что предположительно может быть дополнением к десерту из мороженого.

— Ты отнеслась к этому слишком серьезно, — говорю я ей.

— Я всегда отношусь к мороженому серьезно, — отвечает она, пусть даже мы обе и понимаем, что говорим совсем не об этом. Это надо остановить. Хотя мне нужно ощущать боль. По крайней мере, я думаю, что должна. Потому что прямо сейчас это ничто. И спустя несколько дней, проведенных в размышлениях о случившемся, это *ничто* начинает меня пугать.

Я концентрируюсь на том, чтобы уместить в миске как можно больше мороженого. Фишка в том, чтобы заполнить ее наполовину, положить начинку, а затем перемешать с мороженым так, чтобы оно стекало вниз. Погода все еще теплая, поэтому мороженое неплохо тает под моей ложкой, пока я утрамбовываю его в миску. Я выбираю простоту и ограничиваюсь дьявольским количеством шоколадного соуса, пока Полли насыпает горкой всего понемногу. Понятия не имею, как она собирается все это съесть, но это похоже на архитектурный памятник мороженому, и я задумываюсь, где оставила свой телефон, потому что это сооружение действительно должно быть увековечено.

— Это все? — спрашивает Полли, критически рассматривая мою начинку.

— Главное содержание, а не форма, — возражаю ей. — Это ключ к любому составу.

— Неважно, — говорит она. Я наблюдаю за разработкой ею плана по атаке, а затем за раскопками ее чайной ложки.

— Что ты завтра наденешь? — спрашиваю я, потому что думаю, что задала бы этот вопрос, если бы этот год был нормальным.

— Серьезно?

— Сделай одолжение, — говорю я.

— Я надену свою форму черлидера, идиотка. Как и каждый первый день в новом учебном году.

Точно. Я забыла. Полли единственная в моем окружении, кто не любит об этом говорить.

— Думаешь, я должна уйти? — спрашиваю я.

— Черт, нет, — возражает она. — Я даже не думаю, что тебе следует оставаться дома всю эту неделю и не ходить в школу.

— Доктор сказал...

Полли перебивает меня:

— Доктор не девочка-подросток, которая собирается вернуться в школу, полную подростков, — говорит она. — Этот доктор, вероятно, был ботаником в школе. Ты невероятно популярна, что означает, что все будут говорить о тебе.

— Думаю, что прислушаюсь к медицинскому эксперту, — говорю я ей. — По крайней мере, до тех пор, пока не смогу думать о парнях моего возраста без тошноты.

— А я тебе говорю, что ты ошибаешься, — говорит она с такой горячностью, что могло бы растаять ее мороженое.

— Я, правда, не думаю... — начинаю говорить, но замечаю свет на подъездной

дорожке. Мои родители дома. — Думаю, что стану еще больше заметной, если мне станет плохо прямо в школе.

Полли явно хочет поспорить с этим, но мои родители забегают в дом. Я даже не уверена, что мой папа выключил зажигание.

— Гермiona, — зовет мама от задней двери.

— В гостиной! — кричу я. Вокруг нас повсюду мороженое и начинки, но я абсолютно уверена, что в этот раз мы выйдем сухими из воды.

— О, Господи! — говорит моя мама, двигаясь быстрее, чем я когда-либо видела, пролетая над ковром и обнимая меня настолько крепко, как никто и никогда не обнимал меня за всю мою жизнь. — О, Господи! О, Господи, о, Господи!

В день, когда я узнала о смерти Клары Эбби, я вернулась домой со школы, и мама сразу же поняла, что что-то не так. Мне было трудно объяснить ей это. В смысле, я могла сказать ей, что Клара умерла, и они переставили парты в классе. Что действительно было сложно ей сказать, что мне правда понравилась девочка, рядом с которой я теперь сижу, что мне правда нравится Полли. Это был только первый день, а она уже понравилась мне больше, чем когда-либо нравилась Клара. Клара была милой, доброй и мертвой, а Полли была бриллиантом, новым светом в моей жизни. Мама обняла меня вдвое мягче, чем сейчас, и сказала, что я всегда буду помнить Клару, но заводить новых друзей — это очень важная часть жизни.

Сейчас мы снова здесь. Происходит что-то ужасное, и моя мама обнимает меня. До этого момента я не могла объяснить, что именно чувствую, и я боюсь, что у нее есть какая-то материнская мудрость, чтобы понять, что я выросла и стала умнее с этим опытом. Может, поэтому она так крепко обнимает меня. Или, может, она рада, что мой насильник не сбросил меня в озеро, чтобы я захлебнулась. Думаю, в этом случае было бы хуже. Возвращение домой из лагеря мертвой дочери, вероятно, хуже, чем возвращение домой сломленной дочери. Конечно, если бы я была мертва, они могли бы просто похоронить меня, как мы похоронили Клару Эбби, и жить дальше. Со сломленной сложнее.

Это первый раз, когда я подумала о себе, как о сломленной. Полли не позволяла мне, и я так не думала, но все остальные, похоже, ожидали именно этого. Возможно, и я сама. Возможно, будет проще, если я буду вести себя так, будто я сломлена. Потом они смогут починить меня. Вы не сможете починить то, что не знает, что оно сломлено.

Очень медленно до меня доходит, что папа не обнимает меня. Он стоит посреди гостиной, глядя на нас с мамой, но не делает ни одного движения, чтобы присоединиться к нам. Сначала я подумала, что он помогает Полли. В конце концов, это новый ковер. Но он не помогает Полли. Он просто стоит и смотрит на меня.

Я в замешательстве смотрю на него в ответ, пока он не отводит взгляд. А потом я понимаю. Он боится. Он боится, что прикоснется ко мне, а я забуду о том, что он мой папа. Что он тот, кто выкопал яму для моего батута и установил все маты после просмотра всех тех выпущенных докладов о безопасности. Что он первый человек, который подбросил меня в воздух и поймал меня. Что он единственный, кто научил меня водить машину и делать колесо, и ловить мяч, и стоять на голове.

Он боится, что если прикоснется ко мне, то я забуду, что он не мой отец, а насильник. Поэтому он не обнимает меня. Он просто стоит и смотрит на новый ковер. И вот, наконец, я по-настоящему начинаю плакать.

Это самая длинная неделя в моей жизни. Каждое утро я просыпаюсь в шесть часов, потому что мое тело думает, что мне следует идти на тренировку или в спортзал, и каждое утро я пытаюсь снова уснуть, пока не понимаю, что мне нужно в ванную, а затем уже нет смысла ложиться. Приходится преодолевать каждый новый день, и я настаиваю, что должна делать это в одежде, которую надеваю на выход, даже если у меня нет намерений на самом деле покидать дом. Я положила свою униформу в шкаф и скучаю по ней все эти долгие дни.

Мама взяла на работе неделю выходных. Я не знаю, было ли это из чувства сострадания, или у нее было больше выходных дней, или она просто сказала им, что не выйдет, и поскольку они знали о том, что произошло, то не стали ее останавливать. Подозреваю, что последнее. Мы с папой достигли разрядки, небольшое напряжение спадает, когда я говорю ему, что нуждаюсь в его объятии, так что теперь он обнимает меня. Постоянно. Мы все сидим за одним столом, завтракая и ужиная, и пытаемся решить, как все исправить. Ни в ком из нас нет уверенности. Вероятно, это самая страшная часть из всего происходящего до сих пор. Слова можно изменить и для моих родителей тоже, но перевести их сложнее всего. Эти слова без эмоций, или в них, напротив, слишком много эмоций, или в них неправильные эмоции. Сейчас сломлена не только я. Я сломала и своих родителей.

Часто приходит Полли и мы тусуемся во дворе, потому что погода все еще теплая, а скоро наступит зима. Она прыгает на батуте, и я с тоской наблюдаю, как она кружится и с какой легкостью в конце делает лейаут назад. (*Примеч. Лейаут назад — вид прыжка с разворотом с выпрямленными ногами*). Когда я смотрю на нее, я забываю о том, что боюсь шестерых членов своей команды. Я забываю о том, что любой из них может оказаться моим насильником. Я забываю о том, что у меня повреждения, но помню о том, что люблю летать. Мэлори тоже часто приходит, но ее визиты более короткие. После окончания тренировки по графику у нее дела по дому, но она скрупулезна и всегда сдерживает свои обещания, а она обещала приносить мне домашние задания. К среде я начинаю думать, что Полли была права и оставаться дома всю эту неделю было ошибкой, правда я сомневаюсь, что родители захотят отпускать меня из дома без своего присмотра. Я все еще не уверена, что они отпустят меня в школу в понедельник.

Они не нависают надо мной постоянно, но всегда один или оба родителя находятся здесь. Просто такое поведение иногда раздражает. И это определенно станет раздражать еще сильнее, если они попытаются запретить мне идти в школу. Мы не говорим о моей терапии или о приближающемся дне проведения теста на беременность. Я думаю, мы все ждем результатов, прежде чем думать о чем-то дальше воскресенья. Со мной это срабатывает, но я уже могу сказать, что отстаю в классе, поэтому не хочу пропускать школу дольше этой недели.

Во вторник Полли нужно присмотреть за своим братом, так что после обеда мы с Мэлори остаемся вдвоем. Она очень расстроена, когда я открываю дверь. Моя мама на кухне, готовит ужин и делает вид, что в порядке. Хоть это и противоречит ее нормальному поведению, потому что на этой неделе у нас больше домашней еды, чем было, я думаю, за всю мою жизнь. Вершина маминого кулинарного искусства — это продолжать принимать от соседей запеканки. Я впервые сама открыла дверь, и миссис МакЛеннан практически вымокла от пота, стараясь быть милой и пытаюсь при этом извлечь как можно больше

информации для сплетен. «Держи, это запеканка с тунцом» и «Спасибо, ты не подпишешь тарелку?». После этого я отправляла маму открывать дверь, если только это не были Полли или Мэл, а еда отправлялась напрямиком в морозилку. Вчера на ужин мы ели запеканку из тунца, после чего я провела пятнадцать минут, выbleывая ее назад. Вы не обязаны есть еду на своих собственных похоронах. Я думаю, это плохая карма или что-то подобное. Так что теперь они просто складывают ее, потому что мама отказывается выбрасывать продукты, которые все еще съедобные.

Как бы там ни было, Мэлори явно чем-то расстроена. Я знаю, что у меня всего десять секунд, чтобы решить, что именно я хочу с этим сделать. Я могу просто забрать домашнее задание и закрыть дверь, или могу впустить ее в дом. Обычно я не обдумываю подолгу свой выбор. Но потом кто-то делает то, что, является очень важным «выбором» в моей жизни, поэтому теперь я склонна обдумывать каждый свой выбор.

— Привет, Мэлори, — говорю я, потому что действительно рада видеть ее. В смысле, я не в восторге от домашней работы, но Мэлори нормальная, а все нормальное — это хорошо.

Не считая того, что Мэлори не более нормальная, чем моя мама, готовящая еду. В любом случае, я впускаю ее в дом.

— Что случилось? — спрашиваю я, как только мы поднимаемся в мою комнату. Я не закрываю дверь. Моим родителям больше не нравится, когда моя дверь закрыта. Они переживают.

— Ох, — заикается Мэлори. Она практически никогда не заикается. — Я-я только хотела сказать тебе... Я просто думаю... Не проверяй, эм, свою страничку на Фейсбуке, хорошо?

— Что? — из всех вещей, которые я ожидала, совет о соцсетях уж точно был в самом низу этого списка.

— Твоя страничка на Фейсбуке, — повторяет она, ее голос становится увереннее. — Наверно, тебе стоит вообще держаться подальше от интернета. На время.

— Почему? — мы с Полли практически постоянно общаемся по смс или по телефону, и я на самом деле не живу и не умираю на Фейсбуке. До сих пор, до этого момента, и теперь я хочу проверить страничку больше, чем когда-либо. Мэлори понимает свою ошибку.

— Вот черт, — говорит она. — Я только сделала хуже.

— Сделала хуже что?

— Ты знаешь как... Я имею в виду, ты знала, что ходят слухи, да? — спрашивает она. Я киваю в ответ. — Ну, я сделала все, что могла. Я постоянно слушала кого-то, и я говорила им, что ты не такая — что это было преступление.

В эти дни я не перестаю удивляться творческим подходам людей, которые избегают говорить напрямую «ты была изнасилована». Доходя до этого слова, все ломаются.

— Мэл, — говорю я. — Просто скажи это.

— Я рассказала всем о таблетках. Как они сделали тебя сонной, забрали твои воспоминания и лишили возможности сопротивляться. Я сказала им всем. Но я не Полли. Люди не слушают меня.

— Люди прислушиваются к тебе, — говорю я ей. — Они просто боятся тебя.

— Но они не слышали меня, — говорит она. Мэлори близка к истерике, а я ощущаю странное спокойствие. Если я попрошу ее остановиться, она остановится. Я по-прежнему останусь в неведении, это убьет ее, но она остановится.

Я не прошу ее остановиться.

— Мэлори, — говорю я снова. — Просто скажи это.

— Лео сказал всем, что ты провела две недели, флиртуя со всеми парнями лагеря, кроме него, — выпаливает она. — А Дженни сказала, что видела в твоём чемодане большую упаковку презервативов.

Это тот момент, когда я впервые думаю о том, как это все использовалось, чтобы оно обрело смысл, и как это не использовалось, чтобы было время все понять, и тогда я понимаю, что скажет мне моя страничка на Фейсбуке. Что скажет *каждый*.

— Оу, — мой голос не всегда был таким тонким, когда мне причиняли боль. Когда-то он громко звенел. Я думала, что на этом история могла и закончиться. Я думала, что это осталось на озере Manitowabing. — Ох, нет...

— Мне жаль, — снова говорит Мэлори. — Я сделала все, что смогла.

— Спасибо тебе, — говорю я и понимаю, что именно это и имею в виду. В своей спальне, прислонившись спиной к изголовью кровати, с вытянутыми ногами, я могу найти в себе силы быть храброй. — Спасибо за попытку.

Хоть Мэлори и популярна, но она застенчивая. Она стала черлидером, потому что любит танцевать и еще потому, что даже несмотря на то, что она не любит свободное падение, когда находится наверху, она может удерживаться в позиции с одной ногой в чьей-то руке вечно. И на этой неделе она снова и снова заступалась за меня. А теперь она думает, что подвела меня.

— Почему Дженни соврала? — спрашивает она.

— Она не соврала, — говорю я и чувствую, как к горлу подкатывает тошнота, но я сдерживаю рвоту. Я принимаю решение. В первый год в лагере, когда остальные ребята узнали, что моя фамилия Винтерс, они попытались дать мне кличку Снежная Королева. У них не получилось, в основном, потому, что я чертовски жизнерадостная. Я думаю, что быть ледяной, как ледник, было бы полезно прямо сейчас. Возможно, пришло время принять эту кличку.

— Что? — требовательно спрашивает Мэлори.

— Если ты ведешь себя мило с парнями, они думают, что ты флиртуешь. Я позволяла всем парням поднимать меня вверх, подбрасывать и ловить в течение двух недель! — говорю я ей. Мой голос суров. Мэлори ненавидит флиртовать. Вероятно, она никогда снова не заговорит с парнями, и это моя вина. — А Лео сам подбросил презервативы в мой чемодан, вероятно, когда мы ехали в автобусе. Я нашла их, и Дженни увидела меня прежде, чем я успела их снова спрятать.

— Он признается в этом, — говорит Мэлори. — Когда Лео услышит о таблетках, он поймет, что это была его вина, и он расскажет об этом всем. Все поверят ему.

Я начала встречаться с Лео, потому что это было легко, и потому что, казалось, именно это мне и надо делать. Весной после соревнований он поцеловал меня, даже несмотря на то, что мы заняли только четвертое место. И с виду он был простым парнем. Он мне нравился; Лео был надежным товарищем по команде, настоящим лидером среди остальных парней, но я не думаю, что он нравился мне больше, чем я нравилась ему. Я видела ревность в его глазах, когда другие парни из команды дотрагивались до меня, и я не сделала ничего, чтобы успокоить его. Мне было весело, и я никогда не думала о его чувствах, в основном, потому, что он делал те же самые вещи с девушками, с которыми тренировался. Хоть он и был зол, в итоге оказавшись сброшенным в озеро, но я так и не остановила это. Мне надо было быть лучшей подружкой.

Я сильно трясу головой от последней мысли, и это ощущается неправильно. Это неправильно. Я абсолютно ничего не должна Лео Маккене. Он единственный, кто потерял перспективу, кто видел, что я веселюсь, и отказывался присоединиться ко мне. Я не сделала ничего неправильного, а он вообще ничего не сделал. Все проще простого. Если Лео ждет извинений или чего-то подобного, прежде чем рассказать правду насчет презервативов, то он может катиться к черту. Я не сделала ничего неправильного.

Впервые я ощущаю себя жертвой и не испытываю при этом ненависти к себе. Я поднимаю подбородок и смотрю в глаза Мэлори. Она смотрит на меня с надеждой, но все еще испугано. Она переживает за меня так же, как и все. Но, в любом случае, я вношу ее в свой список. Я даже не чувствую себя корыстной из-за этого. Кэлдон помогает мне со взрослыми вопросами, с которыми не могут помочь родители, Полли убьет любого, если мне это будет нужно, а Мэлори будет просто милой. Я знаю, что она будет рядом со мной, когда все станет еще хуже. И тут я понимаю, что без разницы, проверю я свою страничку на Фейсбуке или нет, ситуация от этого лучше не станет.

— Не думаю, что он сделает это, — говорю я.

Он не сделает этого.

В понедельник утром меня не тошнит, но я все еще близка к этому. Мама привозит меня слишком рано, так что я сижу в раздевалке, одетая в свою тренировочную форму, которая ощущается как броня, около десяти минут, и жду, пока кто-нибудь не появится здесь. Я использую это время для дыхательных упражнений и заодно намечаю маршрут побега на тот момент, когда мне это понадобится. Спасибо Господу, Полли приходит первой, следом за ней идет Мэлори. Я знаю, что они делают это намеренно, но они обе из вежливости стараются, чтобы я не заостряла на этом внимание.

— Привет, — здоровается Кармен. Она шумная и чересчур счастливая при виде меня. Чувствуется, что она смертельно хочет меня обнять, и часть меня мечтает, чтобы она это сделала, но Кармен просто говорит мне «привет» и больше не предпринимает никаких действий. — Я так рада, что ты вернулась. Мы скучали по тебе всю прошлую неделю.

Прошлая неделя. В школе. Без упоминаний об Manitouwabing. Я добавляю Кармен в список людей, отрицающих случившееся со мной в лагере. Когда-нибудь это может мне понадобиться.

Меня окружают девушки в тренировочной форме, одиннадцать девушек стоят здесь, приготовившись, и смотрят друг на друга. Моя команда, девушки, которым я должна доверять. В этот момент обычно я говорю что-нибудь ободряющее и веду их по этажу, но у нас все еще не хватает одного человека, и слова застревают в горле.

— Полли, — прошу я. — Выведи всех наружу. Я подожду Дженни.

Мэлори стреляет в меня обеспокоенным взглядом, а остальные девушки смотрят в сторону. Я до сих пор не выходила в интернет, но они явно туда заглядывали.

— Пошевеливайтесь! — командую я. — Если Кэлдон заметит, что вы задержались в раздевалке, мы за это поплатимся.

Это заставляет их двигаться, хоть и с неохотой. Мне слышно, как они начинают разогреваться, и спустя примерно три минуты, когда я думаю, что прождала так долго, как могла, Дженни прокрадывается в раздевалку.

— Ох, — бормочет она, и застывает, когда видит меня. — Я думала... думала, что слышала, как все вышли.

— Ты не сможешь вечно избегать меня, — говорю я ей. Я хочу быть крепкой, как кость, как ведет себя Полли, когда ей переходят дорогу, но я не знаю, как встать на этот путь. Поэтому я изгибаюсь. — Мы товарищи по команде.

— Я знаю, — отвечает она, и костяшки ее пальцев, вцепившихся в лямки сумки, белеют. — И мне жаль. Я имею в виду, мне правда, правда, жаль.

— Большинство людей избегают меня, — не знаю, зачем я говорю это ей, зачем позволяю ей об этом узнать. С момента, когда мы поговорили с Мэлори, у меня сложилось представление, как должен проходить этот разговор, и он явно течет не в том направлении. Это Дженни. Она не крепче меня. Я думаю, что это, возможно, потому, что я не в настроении ссориться. Или, может, это потому, что я в настроении ссориться, но планирую оставить это все для Лео.

— Нет, — она выглядит так, будто ее сейчас стошнит. Я так устала от подобного выражения лица, от таких эмоций, но часть меня рада тому, что кто-то еще испытывает те же чувства. — Я имею в виду, я извиняюсь за то, что сплетничала об этом. Это было ужасно

с моей стороны, и если ты хочешь, чтобы я ушла с команды, просто скажи это.

Ладно, этого я не ожидала. Когда я так ничего и не отвечаю, Дженни продолжает мямлить:

— Это произошло потому, что я кое-что знала, — оправдывается она, переплетая пальцы на ляжке своей спортивной сумки. — И людям было интересно, что я могу рассказать. Никогда никому не было интересно, что я могу сказать.

Дженни никогда не была глупой, но иногда у нее бывает очень незатейливое представление о жизни. Я абсолютно уверена, что она не понимала, какой вред нанесет мне ее версия истории. Она считала, что говорит правду. Она и не думала, что это может обернуться против меня. Я не могу злиться на нее, и, вероятно, я должна сказать ей об этом, пока она не начала плакать, потому что, если она заплачет, то, вероятно, я облажалась.

— Все нормально, Джен, — говорю я. Я наклоняюсь вперед, хоть и не приближаюсь настолько, чтобы коснуться ее.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что сейчас можешь на меня рассчитывать, — говорит она.

— И тебе угрожала Полли? — спрашиваю я.

От этих слов у нее появляется маленькая улыбка.

— И Полли угрожала мне, — она выдыхает. Я могу исправить ее мир. Но не уверена насчет своего собственного. — Но, серьезно. Все девушки на твоей стороне. Даже если это означает, что нам придется пойти на убийство одного из...

Я знаю окончание этого предложения. Одного из парней. Одного из членов моей команды. Одного из тех парней, кто примерно через десять минут будет поднимать меня вверх на своих руках, касаться руками моих бедер и удерживать меня.

Но меня все еще не тошнит.

— Переодевайся, — говорю я ей. — Я не хочу выходить туда в одиночестве, и я точно уверена, что если ты выйдешь со мной, Кэлдон не заставит тебя бежать лишние круги в наказание за опоздание.

Получив прощение, Дженни быстро переодевается, радуясь, как и я, что все еще в своей форме, хотя, вероятно, по разным причинам. Когда Дженни готова, мы выходим в зал, присоединяясь к разминке. Кэлдон приподнимает брови, глядя на меня, но ничего не говорит, когда мы вместе с остальными остаемся, вместо того чтобы компенсировать свое опоздание.

Все парни растягиваются позади, как обычно, и сегодня я пристраиваюсь рядом с ними, когда мы перестаем бегать. Камерон и Дион колеблются, но встречаются со мной глазами. Эрик наоборот, отводит взгляд, но он делал так и раньше. Хотя он, как обычно, здоровается со мной, когда я прохожу мимо него. Кларенс — парень, которому до сегодняшнего дня я не уделяла и секунды и которому сейчас я, как ни странно, признательна, когда он отходит от Тига и Лео.

— Гермиона! — говорит Тиг, будто я давно пропавший родственник, которого он не видел годы. Его гиперкомпенсация ужасна и еще больше все усложняет, заставляя каждого в коллективе вздрогнуть, пока он бормочет: — Я так рад видеть тебя! Полли определенно не доставало духовности, а ее хореографии не хватало твоего изящества.

Я совершенно точно слышу, как Полли при этих словах закатывает глаза, но не могу сдержать улыбку, которая появляется на моем лице. Тиг может быть задницей, но он честный и старается. Когда я ему улыбаюсь, это похоже на то, как слону становится скучно в

комнате и он уходит. Все начинают беседовать друг с другом, пока растягиваются. Обычно Кэлдон не относится толерантно к болтовне, но, как и в случае с опозданием Дженни, она закрывает на это глаза.

Единственный человек, который не расслабляется, это Лео. Его взгляд пристальный — и это точно что-то означает, учитывая то, какие чувства, вероятно, бурлили в нем всю прошедшую неделю. Я ощущаю злость в собственном взгляде, но подавляю ее. Здесь этому не место. Похоже, Лео согласен со мной, потому что он разворачивается к Тигу, и они вдвоем взволнованно перешептываются, пока заканчивают растяжку.

— Ладно, хватит сидеть на месте, — кричит Кэлдон. — Давайте начнем с коротких баскетбольных кричалок, а потом идем дальше.

Мы поспешно строимся. В спортзале не так много места для черлидеров во время баскетбольных игр, поэтому нам приходится максимально использовать свою площадь. Это означает выбор простых упражнений, которые можно выполнить, стоя на прямой линии. Но баскетбол в школе Палермо Хейтс, наверно, самый худший вид спорта (и это о чем-то говорит), так что мы всегда уделяем особое внимание нашим баскетбольным упражнениям. Я не уверена, что кто-либо придет на игру, если мы не покажем себя в лучшей форме.

Потому что из-за маленького помещения в наших лифтах задействованы три человека вместо пяти. Я с Дионом и Кларенсом, и в первый раз мы качаемся, потому что Дион не решается поддержать мой подъем. (*Примеч. Лифт — вид поддержки, когда базы поднимают флаеров*).

— Серьезно, — говорю я ему. — Так работа не пойдет. Я не сломаюсь. Подними меня так, как ты делал это в лагере.

Он сжимает челюсть, и мы делаем это снова.

— Господи, Дион, — говорит Кларенс, когда они поднимают меня в воздух. Думаю, он не хотел, чтобы я это слышала, но просто его голос слишком громкий, чтобы я пропустила это. — Она не заразная.

Я смеюсь так сильно, что опрокидываюсь, а затем падаю прямо сверху на него. Вероятно, мой смех звучит немного истерично, но при этом я лежу на полу спортзала, с парнем, который обвивает руками мою талию, и не волнуюсь из-за этого, так что вполне могу расценивать это, как маленькую победу. После того, как он понимает, что я не собираюсь впадать в истерику, он тоже начинает смеяться.

— Кларенс, — говорю я ему. — Ты такой засранец.

— Я знаю это, — отвечает он.

— Ты просто злишься, — говорит Дион, наконец-то воспрянув духом, — потому что Кларенс выглядит лучше тебя в цветах нашей школы.

— Это правда, — соглашаюсь я с видом какой-то трагической героини. — Это правда. Я почти ослепла от зависти.

— Вот почему у нее проблемы с лифтами, — шепчет Кларенс в этот раз громче, чтобы я услышала.

— Поэтому мы обязаны это повторить! — объявляет Дион и тянет нас вверх, помогая подняться.

И снова Кэлдон позволяет дурачиться дольше, чем при обычных обстоятельствах. Я счастлива. Мне это нужно, чтобы вернуться обратно в струю.

— Давайте сделаем полный прогон, — говорит она сразу после того, как проходит по всем группам и корректирует некоторые позиции. Она встает в углу, а мы все вместе

перемещаемся в наши лифты. Вы можете подумать, что это глупо — болеть за команду, которой здесь нет, но мне на самом деле это нравится.

Кэлдон подзывает одну из двух Сар. Черт, я должна перестать так их называть. Я могу разговаривать с ними по отдельности, потому что они абсолютно не похожи, но у них обеих имя Сара, они обе флаеры и обе учатся в десятом классе.

— Кто-нибудь из вас двоих сделал что-нибудь в лагере, чтобы получить прозвище? — спрашивает Тиг, он тоже раздражен ситуацией.

Но он произнес волшебное слово, и все быстро переводят взгляды на меня.

— Ты не пробовала примерить на себя кличку Диггер (*Примеч. Digger в переводе на русский означает «копуша», «землекоп»*)? — говорю я Саре, которая выше ростом и с темными волосами.

— На самом деле, меня оно не цепляет, — отвечает она. — Но если тебе нравится, мы можем его оставить.

Это нелепо. Я обмениваюсь взглядами с Полли. Остальные увидели бы нейтральное пустое выражение лица. Я же вижу лицо, которое говорит «я тебя прикрою, так что вперед».

— Ладно, ребята. На этом все, — говорю я. — Кэлдон, можно мне минутку?

— Конечно, — отвечает она. — Хочешь, чтобы я ушла или осталась?

— Оставайтесь, — говорю я.

Я жду, пока все рассядутся на полу напротив меня. Потом я ощущаю себя слишком высокой и тоже сажусь. Я делаю глубокий вдох и понимаю, что до сих пор меня так и не тошнит. Этот день уже хороший.

— Слушайте, — говорю я. — Мы все знаем о том, что произошло в лагере. Мы все там были. Я понимаю, что некоторые из вас не знают, что думать по этому поводу. Я тем более, временами. И если честно, мне все равно, потому что я готова пройти через это. Но я не смогу этого сделать, если парни будут бояться поднимать меня, если никто не будет когда-либо говорить о тех двух неделях и если Сара возьмет себе прозвище только затем, чтобы я почувствовала себя лучше. Это было бы действительно тупо.

Они все смотрят на меня, за исключением Лео, который не отводит взгляда от своей обуви, и Кэлдон, которая смотрит на Лео.

— Вы все думаете о том, что можете сделать, — говорю я. — Я это знаю, потому что каждый так бы думал, — Лео резко поднимает взгляд, всего на секунду, но в нем ощущается злость. Я напрягаюсь, будто сижу со штырем в позвоночнике, но вместо вспышки гнева во мне растет решительность. — Вы можете быть моей командой. Напоминая мне, почему я так сильно люблю этот спорт. Напоминая, почему я так сильно люблю эту школу. Мне все равно, если вы не будете разговаривать со мной в холле или в столовой, но в этом зале, когда мы в этой форме, мне нужно, чтобы вы были моей командой. Сможете это сделать?

Сначала идут кивки, затем хор «за» и «против», а затем слова ободрения. В спортивном зале девятнадцать человек, и семнадцать из них согласны поддержать меня. Я обретаю некоторую уверенность, но Лео встает и, не сказав ни единого слова в мой адрес, покидает тренировку и направляется в раздевалку.

Это одновременно и хуже, и лучше, чем я представляла. Я имею в виду, пропуск целой недели школы и при обычных обстоятельствах ударит по тебе. Не важно, как много домашних заданий ты сделал, ты все еще что-то упускаешь (к примеру, тест по математике). Он был сегодня. Мэлори действительно чувствовала себя плохо из-за того, что забыла мне об этом сказать, но все-таки. Пропустить первую неделю школы еще хуже. Это похоже на какую-то шутку, которая мне непонятна. И, естественно, люди пялятся на меня и шепчутся, где бы я ни появилась. Учителя, которых, я точно знаю, еще до начала школьных занятий созывали на экстренное совещание по вопросу о том, как общаться со мной, выглядят растерянными. Все как один позволяют мне сидеть там, где мне хочется (на общих занятиях Полли спасает меня, сидя рядом, но на остальных я стараюсь садиться на задние ряды), и не вызывают меня, даже когда я поднимаю руку (что раздражало на уроке мировой истории, потому что мне на самом деле надо было выйти в уборную).

Чуть сглаживает ситуацию то, что у меня есть защитная стена из группы поддержки. Полли, конечно, и Мэлори со своей новообретенной решительностью повсюду следуют по бокам от меня. Когда Дженни и Алексис проходят мимо меня в холле, они обе машут и улыбаются, как и раньше. Астрид вытягивается, когда я прохожу мимо, как будто говорит «Да, я черлидер, о чем большинство смертных могут только мечтать, а это мой капитан». Это все очень мило.

Парни также делают все возможное. Подарок Тига, создавший неловкую ситуацию, видимо, стал подарком, который сломил всех. Когда я прихожу на химию, мой второй урок этого дня, и первый урок без Полли, он не позволяет мне надолго зависнуть в дверном проеме.

— Гермиона! — он использует какой-то показушно-счастливый тон, похожий на тот, что он использовал на тренировке этим утром, но его улыбка настоящая. — Мы думали, что ты просто, захватив судно, направишься напрямиком в колледж или что-то в этом роде.

Вокруг шокированное молчание, очередной ненавидящий взгляд Лео, после чего занятие просто пролетает. Это похоже на какое-то чудо. Как будто мой новый статус открыл Тигу дверь к цели его жизни.

За пятнадцать минут до окончания урока химии в передней части класса раздается звонок телефона, и выясняется, что меня ждут в кабинете консультаций. Это, как я понимаю, не по поводу моих возможностей в колледже.

— Только заberi свои книги, — говорит учитель, так что я собираю свои вещи со стола и иду на нижний этаж.

Наш консультант по ориентации — прелестная женщина по имени миссис Айтес. Она бесчисленное количество раз консультировала выпускников «Медведей» на тему того, в какой колледж они смогут пойти, следует ли им пойти работать сразу после окончания школы и следует ли рисковать, беря горячий обед вместо покупки сэндвича в кафетерии. Также, она помогает с ранней беременностью, организывает для молодой мамы продолжение обучения на любых возможных курсах, которые ей подойдут, а в крайних случаях оказывает психологические консультации по поводу ранних смертей.

— Гермиона, пожалуйста, проходи! — говорит она. Миссис Айтес чересчур радостная. Я чувствую, что воздвигаю оборонительные сооружения, но, в любом случае, я сажусь. —

Извини, что сорвала тебя с занятий после того, как ты уже пропустила неделю, но я решила, что лучше прервать химию, чем твои общественные занятия.

Знаете, она была необыкновенно внимательной. Заходить в одиночестве в кафетерий, после того, как все уже нашли себе место, было бы отстойно.

— Я хочу, чтобы ты знала, что моя дверь всегда открыта, если я тебе понадобится, — говорит она. — Я знаю, это лето было тяжелым.

Я смотрю на нее в течение пяти секунд, а затем начинаю смеяться. Она не закрыла дверь, что не очень профессионально с ее стороны, и я представляю, как секретарь, находящаяся чуть дальше в холле, напряженно пытается услышать каждое слово. Я продолжаю смеяться, потому что понимаю, что миссис Айтес пришлось относительно легко с нашим выпуском. Никто не забеременел (насколько мы знаем), а Клара умерла так давно, что мы все уже пережили это горе. До прошлой недели я предполагала, что миссис Айтес никогда прежде не касалась дел об изнасиловании, но теперь я знаю больше. «*Хэй! Что-то ищешь?*» — может, я и не помню, но я знаю. Просто невозможно, что я единственная девушка, которая взяла тот напиток.

— Миссис Айтес, — говорю я, вставая и закрывая дверь. — Если вы не можете сказать слово *изнасилование* или, хотя бы, *нападение*, то я не понимаю, чем вы сможете мне помочь.

— Хорошо. Итак, ты была изнасилована, — говорит она. — И, вероятно, это было по-настоящему ужасно. И так как учителя намного более внимательны, чем вы, ребята, думаете, мне очень хорошо известно, какая вереница сплетен разнеслась по школе.

— Мне вроде как неизвестно, — признаюсь я. — Я избегала интернета. Все, что мне известно, что Дженни непреднамеренно дала представление, что я сама могла хотеть этого.

— Она провела большую часть послеобеденного времени пятницы, сидя на этом стуле и выплакивая глаза, — говорит мне миссис Айтес. — Если бы я могла сказать свое искреннее мнение, я бы сказала, она перенесла это тяжелее, чем ты.

— У меня есть Полли, — говорю я ей. — Дженни просто получила предупреждение.

— Да, именно такое впечатление у меня и сложилось, — соглашается она. — Ты сидела рядом с ней?

— Ага, — говорю я. — Этим утром. У нас все хорошо.

— Что насчет тебя и Леона Маккены? — спрашивает она.

— Ну, Лео тот, кто подсунил мне упаковку презервативов, — говорю я. — Но он не особо спешит отстоять мою честь. Я не разговаривала с ним с лагеря.

— Сейчас твоя очередь произнести это, — говорит она мягко. Мне интересно, есть ли это в учебных пособиях.

— Мы с Лео не сказали друг другу ни слова с ночи, когда я была изнасилована.

— Хочешь, чтобы я выступила в качестве посредника между вами? — спрашивает она. — Это есть в списке предоставляемых мной услуг.

— Сначала я лучше попробую сделать это с поддержкой Полли, если не возражаете, — отвечаю я.

— Если бы у меня была такая подруга, как Полли Оливер, то, вероятно, я бы выиграла больше поединков в своей молодости, — говорит она. Затем ее лицо бледнеет, и она перестает смеяться. — Ты уже разговаривала с психотерапевтом?

— Я собиралась подождать, — признаюсь я. — Я имею в виду, они дали рекомендации специалисту, и я могу получить направление в любое время, когда мне это понадобится, но я хочу выяснить, беременна ли я, прежде чем начать посещать его. Ну, знаете, так я смогу

начать с правильным терапевтом.

— Когда ты пойдешь сдавать анализы? — спрашивает она.

— Теоретически, как можно раньше, — отвечаю я. — Но я хочу подождать до субботы. Как раз будет две недели с того дня, как меня изнасиловали, и шансы получить надежный результат возрастут.

— Должно быть, отстойно ждать, — говорит она. — Я имею в виду, я знаю, что это отстойно. Я бы надеялась на хороший результат, но все равно чувствовала себя при этом отстойно.

— Ага, это тревожит, — соглашаюсь я. — И я не могу по-настоящему говорить об этом, пока не узнаю результат.

— Это вполне разумно, — говорит она. — Я думаю, что хочу от тебя слишком многого. Это была по большей части формальная встреча, чтобы убедиться, что ты не висишь на волоске.

— Я думаю, это потому, что я не помню всего произошедшего, — говорю я ей. — Я имею в виду, что некоторые вещи очень тяжелые, и я надеваю в два раза больше одежды, чем обычно в это время года, но сейчас это практически ощущается так, как будто случилось с другим человеком — изнасиловали кого-то другого. Полли рассказала мне обо всех деталях. Я думаю, поэтому я держусь настолько хорошо, насколько могу.

— Ну, если ты начнешь распадаться, я здесь, — говорит она. — И если ты уйдешь сейчас, то у тебя будет достаточно времени, чтобы взять в кафетерии горячий ланч без очереди, прежде чем соус свернется.

По другую сторону двери ее кабинета в холле царит тишина, а секретарь выглядит занятой. Пожалуй, я могла бы оставить дверь открытой. В таком маленьком городке, как Палермо, тяжело хранить все в секрете; он слишком маленький, и слишком много людей знают друг друга, но я уже узнала, что изнасилование — это что-то другое, слово, которое предпочитают не понимать и, тем более, не произносить. Я задумываюсь, насколько хорошо я вообще понимала наше проклятие.

* * *

Миссис Айтес выбрала превосходное время. Я подхожу к линии раздачи как раз, когда звенит звонок. Парень, который работает на кассе, подмигивает мне, как обычно делал это раньше, а затем ловит сам себя на этом. Он роняет сдачу в мою ладонь, очень аккуратно, чтобы не дотрагиваться до меня, и все, что я могу сделать, это не закричать «Я не заразная!», как сказал Кларенс этим утром. Но я не такая смелая, поэтому я просто забираю свою еду и направляюсь к столу, который мы с Полли заняли в девятом классе и никогда его не уступали. Она уже здесь, потому что она приносит ланч с дома, и спустя несколько минут я присоединяюсь к ней. Шесть девушек из нашей команды учатся в двенадцатом классе, и мы все сидим вместе, начиная с десятого класса, когда они присоединились к команде. Парни обычно висят рядом, крадут картошку фри, прежде чем отправиться на внутренний двор поиграть с фрисби, но сегодня ни один из них не появляется.

— Это действует мне на нервы, — говорю я Бренде, потому что ей посчастливилось сидеть рядом. — Я ужасный человек, если жду от них, что они будут обращаться со мной как обычно? Я имею в виду, следует ли мне быть более внимательной к их чувствам?

Полли смотрит на меня так, будто это самая тупая вещь, которую она когда-либо слышала, чтобы кто-нибудь говорил, и когда я повторяю это в своей голове, я понимаю, что все примерно так и есть.

— Не смей, черт возьми, — говорит она. Если честно, не припомню, чтобы Полли так много ругалась. Может, я сверхчувствительна. — Даже не смей.

— Полли права, — говорит Мэлори. — Ты ничего им не должна.

— Моя мама говорит, что отступление — это естественный инстинкт, но ты не обязана следовать ему, если можешь справиться со всем, — говорит Карен. Ее мама — психотерапевт, к которой я никогда не пойду, и не потому, что не доверяю ее профессионализму, а потому, что не хочу, чтобы моим психотерапевтом был человек, в дом которой я приходила дюжину раз на пижамные вечеринки.

— Карен имеет в виду, — поясняет Челси, — что тебе следует выйти во внутренний двор и выбить все дерьмо из своего парня, а затем, возможно, бросить его, а мы в это время будем прикрывать тебе спину.

— О, и Кларенс с нами в этом деле, — добавляет Мэлори. — Он сказал, что мы без проблем сможем найти другого парня на место Лео в команде.

— Ладно. Эмм, присмотрите за моей едой? Полли, я крикну, если ты понадобишься мне.

* * *

Когда я ступаю на внутренний двор, вокруг становится тихо. В прошлом году, после Национальных соревнований и начала наших отношений с Лео, я обедала здесь несколько раз вместе с ним и другими парнями. Хотя мне и не нравился фрисби, и я обычно скучала и мечтала вернуться внутрь, сесть рядом с Полли и другими девочками. Лео не очень это нравилось, но довольно скоро школа закончилась, и это перестало быть проблемой, или, по крайней мере, я перестала ее замечать. Внимательность к некоторым вещам явно не была моей сильной стороной.

Сейчас они играют, или играли до того, как я появилась. У Кларенса в руках фрисби, и он беспокойно крутит ее в пальцах, пока ждет. Лео стоит спиной ко мне, но он знает, кто вышел. Каждый, кто может видеть меня, смотрит на меня, как на парию. Впервые за все эти дни я чувствую себя такой. Думаю, прежде всего, именно поэтому я так ненавижу его.

— Гермиона, — говорит Лео, медленно повернувшись. Он практически всегда зовет меня Винтерс. Между нами уже все кончено. Теперь это просто гонка к финалу.

— Я подумала, что нам следует расстаться, — произношу я. — Потому что тебе явно некомфортно в этих отношениях.

— По крайней мере, я уважал их, пока они продолжались, — отвечает он. Кларенс прищуривается, и хотя Тиг выглядит ошеломленно, никто не произносит ни слова. Это тот разговор, который бы желал подслушать любой сплетник.

— Если ты думаешь, что я собираюсь извиняться за то, что меня опоили и изнасиловали, то тебе следует подумать об этом еще раз, — говорю я. Я удивлена и впечатлена тем, что смогла контролировать свой голос.

— Ага, — говорит он, и нрав, который он по большей части сдерживал в лагере, слишком накаляется и вырывается наружу. — Потому что до этой минуты ты была чертовой

святошей. Твое общение с соперниками, чтобы шпионить за ними, и твои улыбки на тренировках. Перед тем, как мы уехали из Палермо, ты практически сказала мне, что я для тебя не имею значения, но я не замечал этого, пока не стало слишком поздно.

Это секреты маленького городка, с которыми ты знаешь, что делать.

Есть миллионы вещей, которые я могу сказать ему. Могу умолять и просить его понять. Могу впасть в безудержный гнев. Могу распасться на миллион частичек. Каждый из этих вариантов по отдельности разумен, это то, что все поймут и, скорее всего, поддержат. Также, вероятно, я могу сбежать, перед этим нанеся ему значительные телесные повреждения, если выберу этот вариант.

— Лео, — говорю я, решив не выбирать ничего из вышеперечисленного и впадая в детство, и это не самый лучший момент в моей жизни, — ты задница.

Я возвращаюсь назад в кафетерий с высоко поднятой головой. Бренда меняет тему разговора, как только я сажусь, но моя еда безвкусная, а шепот вокруг меня только усиливается.

Я как бы игнорирую своих родителей. Если честно, они позволяют мне это. Они позволяют мне откладывать визит к психотерапевту. Они позволяют мне выбирать себе еду каждый вечер без единого комментария. Они позволяют мне пропадать в своей комнате и все время смотреть в потолок. Я знаю, что они разговаривают обо мне — они мои родители — и я совершенно уверена, что отец наблюдает за мной спящей, но, не считая этого, они ждут, пока я выкарабкаюсь. Я желаю, чтобы они опять стали моими родителями и приказали мне чем-нибудь заняться. Я не мою посуду, не стираю белье, не вытираю пыль с тех пор, как вернулась из Пэрри Саунд, и ничего. Я думаю, что сломала какую-то часть и в них.

В пятницу за ужином я решаю, что с меня хватит. Мои одноклассники могут притворяться, что ничего не случилось, и это мне на пользу. Но мне нужно, чтобы мои родители делали что-то еще. Хоть что-то. Они могут попытаться завернуть меня в вату, и тогда я взбунтуюсь. Они могут драться друг с другом, а я буду сидеть в слезах в углу. Мне все равно. Просто хоть что-нибудь.

— В школе все по-настоящему хорошо, — говорю я, перемешивая свой суп. — Я переживала, что буду среди отстающих, пропустив неделю, но я справляюсь. Мне нравятся мои занятия.

— Это хорошо, — говорит мой отец. Я скучаю по времени, когда он смеялся, разговаривая со мной, и задавал вопросы о команде черлидеров. Не каждый отец относится к черлидингу с тем уважением, которого тот заслуживает, но мой отец всегда относился ко мне как к атлету. До этого времени.

— Что, в конечном итоге, ты выбрала? — спрашивает мама.

— У меня все предметы, — говорю я ей. — История, химия, математика и физкультура в этом семестре, драматический кружок, английский и пара по географии после Рождества.

— Я думал, ты хотела взять две пары? — вступает в разговор папа.

— Я думала об этом, — признаюсь я. — Но единственный предмет, от которого я могу отказаться, это физкультура, а я не хочу этого делать.

— Ну, это пока ты не перегружена работой, — говорит мама.

Это мог быть любой вечер, любой разговор, который когда-либо у нас был. Хотя он о том, чтобы прогуляться.

— Могу я завтра одолжить машину? — спрашиваю я.

— Конечно, — отвечает папа в тот же самый момент, когда мама произносит «Зачем?».

Это весьма типично для них. Папа всегда предполагает, что все, что я прошу, в порядке вещей, в то время как маме нужны причины. Он не просто потакает мне. На самом деле, сейчас он в наиболее нормальной форме с того вечера, когда не смог обнять меня.

— Я подумала, что надо съездить в больницу, — говорю я. Я не собиралась быть дерзкой, но прозвучало это абсолютно ужасно, и они оба застыли.

— Хочешь, чтобы мы поехали с тобой? — спрашивает мама, после быстрого и безмолвного разговора с моим отцом.

— Вы хотите поехать со мной? — спрашиваю я. Я на самом деле сомневаюсь, что мой отец хочет ехать, но, если честно, в данный момент он выглядит менее взволнованным, чем мама.

— Милая, ты знаешь, мы здесь для тебя, — произносит мама. — Когда бы тебе это ни

понадобилось.

— Я, правда, ценю это, — говорю я. — Если вы оба поедете вместе со мной, доктор сможет поговорить со всеми нами одновременно, и это избавит нас от неловкого разговора позже.

Папа неожиданно смеется, затем смотрит виноватым взглядом и пытается остановиться, но не может. Он просто сдерживает хихиканье, и я тоже начинаю смеяться. Мама смотрит на нас двоих, будто мы сумасшедшие. Возможно, так и есть. Я-то точно, я знаю это.

— Ладно, — говорит она, качая головой, — мы поедем все вместе.

И вот так на следующий день в девять часов утра мы втроем оказываемся в больнице в комнате ожидания. Мама с папой держатся за руки, а я обхватила свои колени. Папа пытается приобнять меня, когда мы садимся, и я делаю все возможное, чтобы не вздрогнуть, но я слишком сильно взвинчена. Сейчас в любую минуту медсестра назовет мое имя, затем я постараюсь пописать по команде, а затем я, так или иначе, узнаю результат.

— Гермиона Винтерс, — произносит медсестра. Она знает. Все в этой комнате знают обо мне, но, по крайней мере, сотрудники больницы ведут себя профессионально.

Я встаю и следую за медсестрой в приемный кабинет. Обычно она оставляла меня одну дожидаться доктора, но наш семейный доктор — мужчина, и я не уверена, что находилась наедине с представителем мужского пола с тех пор, как меня изнасиловали. Все такие внимательные.

— Это простой тест, — успокаивает она. — Неинвазивный, ты просто пойдешь в уборную. *(Примеч. Неинвазивный — имеющий отношение к проникновению внутрь организма с помощью методик, не повреждающих кожные покровы или слизистые оболочки).*

— Спасибо, — благодарю я. Не могу сказать, она рада, что я так хорошо держу себя в руках, или мечтает, чтобы у меня случился нервный срыв, и тогда позже ее история будет поинтересней.

— Здравствуй, Гермиона, — приветствует меня доктор Лью, шелестя блокнотом. На самом деле, он выносил меня при рождении прямо через коридор отсюда. Я точно уверена, это не тот разговор, который он планировал когда-либо вести со мной.

— Привет, доктор Лью, — говорю я. Я использую свой голос черлидера. Хоть он и не такой пуленепробиваемый, как у Полли, но звучит хорошо.

— Хорошо. Саманта будет прямо здесь все время, пока мы будем говорить об анализе, а затем ты просто сходишь в уборную, — начинает он. Профессионально. Медики всегда начинают разговор профессионально. — Итак, это показатели гормонов, которые скажут, если ты беременна. Анализ мочи даст быстрый результат, так что тебе не придется ждать после сдачи анализа. Если он отрицательный, мы возьмем на анализ кровь, чтобы убедиться, а если он положительный, мы отправим тебя к гинекологу.

— Хорошо, — говорю я. Звучит все просто.

Саманта передает мне специальный стаканчик, и я впервые замечаю выпуклость под ее халатом. Она беременна, просто пока это еле заметно. Мои руки трясутся, и я почти роняю стакан, но у меня получается оправиться.

— Гермиона? — голос Саманты звучит обеспокоенно, и когда мы встречаемся взглядами, до нее доходит, что именно меня шокировало.

— Я в порядке. Я в порядке, — заверяю я их. Не ее вина, что она беременна. Ну, я имел

в виду, вероятно, ее или, по крайней мере, я надеюсь, что ее, и также я надеюсь, что не буду сразу же думать худшее обо всех, но реальный смысл в том, что не ее вина, что я слишком остро реагирую.

Я делаю глубокий вдох и направляюсь в уборную. Это не первый раз, когда я писаю для сбора анализов. Они регулярно берут анализы у атлетов старшей школы на повышенные показатели препаратов. Однако это первый раз, когда я сдаю анализы без знания того, каким будет результат. Все же, это не совсем высшая математика. Я стараюсь не думать о Лео и Тиге, дразнящих девушек на национальных соревнованиях в прошлом году тем, насколько им было легче справиться с этим.

Я писаю в стаканчик, а затем закрываю его крышкой.

— Хорошо, — говорит Саманта, когда я передаю ей герметичный контейнер. — Тебе просто нужно вернуться обратно в комнату приема.

— Можете привести моих родителей? — спрашиваю я. — Для оглашения результата, я имею в виду. Я хочу, чтобы они услышали это, чтобы мне не пришлось говорить им об этом в комнате ожидания или машине.

— Конечно, милая, — говорит она. — Я-я, правда, надеюсь, я имею в виду, я не знаю, что сказать.

— Все нормально, — убеждаю я. Я не говорю ей, что надеюсь, что она единственная беременная женщина в этой комнате. Я не уверена, что это вежливо.

— Ты просто проходи, — говорит она, оправившись.

Я сажусь за стол, шелестя бумагой и качая ногами. Мама и папа заходят, и папа берет стул. Мама занимает место прямо рядом со мной у стола и так сильно сжимает мою руку, что та становится красной. Мгновенье никто не произносит ни слова, а затем я больше так не могу.

— На что это было похоже? — спрашиваю я. Я признаю, что собиралась подумать о том, в какой университет собиралась поступать, и какой был бы в приоритете, но это такое далекое будущее. Ребенок никогда не входил в мои планы на будущее. — Когда вы узнали, что ждете меня, на что это было похоже?

— Это был самый счастливый день в моей жизни, — говорит папа без колебаний. — Я имею в виду, у меня было множество таких моментов. Тот день, когда я женился на твоей маме, день, когда ты родилась, первый момент, когда ты победила на национальных соревнованиях, момент, когда я победил в лиге по боулингу. Но этот момент тоже в моем списке.

— Я была напугана, — признается мама. — Я имею в виду, я была уверена, что мы готовы к этому, но в тот момент, когда врач произнес эти слова, я подумала обо всех вещах, о которых не знала, и я была напугана. Но я увидела твоего отца и поняла, что мы будем в порядке.

— Вы же понимаете, что я не чувствую ничего из этого, правильно? — говорю я. — Я имею в виду, я вообще не уверена, что чувствую прямо сейчас.

— Солнышко, — говорит папа. — Если бы ты сейчас радовалась, мы бы уже отправили тебя к психиатру.

Мама говорит не так много, как отец, поэтому иногда ее очень трудно прочесть. Я не могу сказать, злится ли она сейчас. Ее глаза немного вытаращены, а костяшки пальцев побелели. Для нее это тоже все грустно. Это делает ее хрупкой. Мне это не нравится.

— Единственная вещь, которая удерживает меня от того, чтобы проломить голову, это

то, что я не знаю, чью именно голову проломить. Я знаю, ты думаешь, что Полли твой супергерой, но в этом случае ей придется встать в очередь.

От этого я смеюсь, и когда папа встает, чтобы обнять меня, я позволяю ему.

— Я ненавижу это, — признается он и плачет. — Я ненавижу это так сильно.

— Я тоже, — говорю я. — И я обещаю, что после получения результатов я перестану тянуть время. Я увижусь с психотерапевтом и прочитаю все учебные пособия, и я сделаю все возможное, чтобы быть той, кем я являюсь, что бы это не означало.

— Милая, — говорит мама и тоже плачет. — Мы не переживаем на этот счет. Ты излечишься тем способом, которым сможешь. Мы не собираемся давить.

— Но вы сделаете это, если я попрошу, правильно? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит папа. — Как сказала мама, Полли не единственный твой супергерой.

Это было бы более обнадеживающе, если бы их не портил заплаканный вид, но, черт, оно не стало бы менее важным.

Раздается очень корректный стук в дверь, а затем доктор Лью заходит внутрь. Я знаю ответ, как только смотрю на его лицо.

— Мне жаль, — говорит он. — Мне жаль, но анализ положительный.

Я не помню, как мы добрались до дома. Также я осознаю, что это не сон, от которого я могу проснуться. Должно быть, мама помогла мне выйти из машины. Вероятно, доктор Лью говорил что-то полезное, и я знаю, что он брал у меня кровь, потому что у меня синяк на сгибе локтя, который всегда появляется, когда я сдаю кровь. Папа отвез нас домой. Но я не помню ничего из этого. У меня достаточно пробелов в моей жизни. Я потеряла достаточно времени. Я отказываюсь терять еще. Даже такое.

Они впихивают меня на прием к гинекологу в воскресенье во второй половине дня. Я не помню, чтобы назначала эту встречу, но это написано в календаре у нас на кухне, так что я понимаю, что это правда. Должно быть, они спешат взять анализ крови. Гинеколог — мама невысокой Сары. До этого момента жить в маленьком городке всегда было комфортно. Каждый меня знает. До сих пор. Я просто подумала, что хочу избегать их, а это трудно сделать, когда ты черлидер и на самом деле любишь быть в центре внимания большую часть времени. Я тут же решаю, что пойду к психотерапевту, находящемуся как можно дальше от дома.

Мама с папой ни разу не произнесли слово «*варианты*». Я не звонила офицеру Плуммер. И не собираюсь звонить до тех пор, пока гинеколог не скажет мне сделать это. В воскресенье утром мы заезжаем за Полли, и мама снова везет нас в госпиталь. Доктор Мама Невысокой Сары, должно быть, дежурит в эти выходные. Вот как они смогли втиснуть меня в такую короткую запись на прием. Доктор маленького городка, должен быть, в состоянии делать несколько дел одновременно. К тому моменту, как я проснулась, папа был уже на работе. Я надеюсь, что сегодня ему не понадобится быть слишком сосредоточенным.

Прием проходит как в тумане. Я не могу вспомнить имя Мама Невысокой Сары, но, по крайней мере, я не называла ее Мама Невысокой Сары. Она подтверждает, что я беременна, и из вежливости не рассказывает мне о трудностях. Я знаю о них, и они достаточно невероятные. Мама и Полли все время предлагают мне уйти, а я продолжаю игнорировать их. Я делаю это в какой-то мере потому, что мне хочется побыть в одиночестве, но прямо сейчас каждый человек, находящийся в комнате, тот, кого я люблю (или, в случае с Мамой Невысокой Сары, человек, которому я доверяю), и это делает все реальным.

Наконец, я надеваю свою одежду, но до сих пор ощущаю себя настолько голой, как никогда раньше, а Мама Невысокой Сары поворачивается ко мне с несколькими брошюрами.

— Я буду делать аборт, — говорю я. Я не думала об этом прямо до этого момента, кроме как теоретически, но я знаю, что это единственный вариант, на который я соглашусь. Мне семнадцать лет, и я это не выбирала. Чем быстрее я покончу с этим, тем скорее мне станет лучше. Возможно, это эгоистично, но прямо сейчас я вполне уверена, что имею право на немного эгоистичное поведение. У Полли тщательно отрепетированное нейтральное выражение лица, а мама просто выглядит непоколебимой.

— Хорошо, — соглашается Мама Невысокой Сары без единой паузы. Она бросает большую часть брошюр на стол, и передает мне только одну, актуальную к случаю. — Ближайшая клиника в Уотерлу, но самая лучшая в Онтарио. (*Примеч. Уотерлу — город в канадской провинции Онтарио, округ Уотерлу*). Вам не понадобится, чтобы я все организовывала там, просто нужна бумага, где указано, что ты беременна. Возьмешь свою

медицинскую карту и сможешь туда лечь.

Я жду, когда Полли пошутит о том, что рада, что мы не являемся консерваторами, но она не в настроении шутить, поэтому ничего не происходит.

— Просто из любопытства, кто еще знает о результатах моих анализов? — интересуюсь я.

— Только люди в этой комнате, — говорит она. — Обычно знают лаборанты, но у тебя здесь взяли шесть разных анализов, и мы пронумеровали их, чтобы сохранить твою анонимность.

— Спасибо, — благодарю я. Именно это я и имею в виду. Надеюсь, это означает отсутствие слухов. Или, по крайней мере, не так много слухов.

— На этом у меня все, — говорит Мама Невысокой Сары. — Ты можешь оставаться в этой комнате так долго, как будет тебе нужно, выход в конце лестничного проема.

— Спасибо вам, доктор, — говорит мама. — Мы сами найдем выход.

Она уходит, и я поворачиваюсь к Полли.

— Проводишь меня домой? — спрашиваю я.

Полли смотрит на маму.

— Конечно, — говорит мама, пусть даже никто и не спрашивал ее напрямую. — Я пока приготовлю обед.

Мы спускаемся по лестнице, не разговаривая, и мама оставляет нас на парковке. Мы с Полли уходим, не особо торопясь. Это хороший осенний день, и мы не спешим. Мы проходим недалеко от кладбища, когда я понимаю, что мы выбрали свой обычный короткий путь, а затем я хватаю Полли за руку и веду ее вниз в сторону рядов, к могиле, которую я не посещала с шестого класса.

Мы не похоронили Клару Эбби, когда она умерла, потому что земля была замерзшая. Я имею в виду, они могли нанять экскаватор, но могилы в Палермо всегда выкапывал Сал Хэркни, а его техника была предназначена для использования исключительно в летнее время. Клара провела первые шесть месяцев после своей смерти в приемном хранилище, где присоединилась к Табите Джонс, 87 лет, рак, и Джозефу МакНаммара, 65 лет, сердечный приступ. В апреле Клара была наконец-то похоронена, и моя мама забрала меня из школы, чтобы я присутствовала там, потому что Клара была моей подругой. Я пропустила тест по математике, так что я не жаловалась.

Под соснами стоит белый, похожий на древний надгробный камень Клары, надпись на нем читается легко. Это выглядит старо и величественно. Две вещи, до которых Клара Эбби не успела достаточно вырасти. На траве лежит свежий цветок, всего лишь один. Мне интересно, кто посетитель. Ее родители переехали после аварии.

— Гермiona, — говорит Полли. — Я не уверена, что это полезно для тебя.

— Я только хочу рассказать ей, — говорю я. Я не могу объяснить, зачем. — Она должна знать.

Сначала Полли смотрит на меня так, будто думает, что я сломалась. Это ужасно, и я хочу, чтобы она остановила меня. Но также мне нужно это сделать, поэтому я поворачиваюсь обратно к камню.

— Клара, прости, что я никогда не бывала здесь, — говорю я. — Я знаю, это тупо, потому что ты мертва, и я не уверена, что тебе не все равно, но я не забывала о тебе. Я делаю все возможное, чтобы никто не забывал о тебе.

На кладбище очень тихо. Даже несмотря на то, что большинство людей используют его

для сокращения пути, а не для похорон, мы здесь одни. Только мы вчетвером.

— Эти мысли о проклятии, — говорю я, — они заставляют всех помнить. Ты всегда будешь девочкой, которая умерла из-за пьяного водителя. Меткой нашего выпускного класса. И это действительно отстойно. Ты должна быть с нами. Или мы должны забыть тебя и двигаться дальше. Мы не должны представлять тебя как что-то, что делает нас особенными. Это справедливо по отношению к остальным, даже если ты умерла.

Полли понимает, почему я пришла сюда, почему я разговариваю с мертвым человеком. Она берет меня за руку.

— Я не собираюсь быть еще одной меткой, Клара, — говорю я. — Я отказываюсь. У тебя не было выбора, но у меня он есть, и я воспользуюсь им. Я не буду беременной ученицей. И если это остановит проклятье и заставит всех забыть тебя, ну, я не расстроюсь.

Клара ничего не говорит, и меня не поражает молния. Я полагаю, это означает, что мы будем в порядке.

— Ладно, — говорю я, повернувшись к Полли. — Момент сумасшествия закончился. Пойдем, посмотрим, что у нас на обед.

— Я очень тобой горжусь, — говорит она и цепляется своим пальцем за мой.

— Эй, — говорю я, — если я не смогу обосновать свое решение мертвому человеку, как тогда, черт возьми, ты думала, я буду жить с этим?

— Я все еще очень тобой горжусь, — говорит она, и мы проходим оставшуюся часть дороги домой, не сказав ни слова.

* * *

После обеда мы поднимаемся в мою комнату, и я достаю телефон. В другой руке я держу визитку офицера Плуммер.

— Хочешь, чтобы позвонила я? — спрашивает Полли.

— Нет, — говорю я. — Мне просто нужно об этом подумать.

— О чем подумать? — спрашивает она.

— Если я позвоню, они соберут всех парней из лагеря и заставят их сдать анализы, — говорю я. — Я имею в виду, один из них сделал это, но остальные нет. Разве я справедлива?

— Послушай меня, — Полли кладет свою руку на мой локоть и сильно сжимает. — Ничто из этого не справедливо. Он разрушил твою жизнь. Меня не волнует, кого ты можешь огорчить или обременить, ты сделаешь это, и ты сама знаешь, что это правильно. Дион на протяжении всей прошлой недели, каждый день спрашивал, когда можно будет сдать свой образец. Он просто хочет, чтобы ты знала — и знала наверняка — что это был не он. Единственный парень, который станет увивать от этого, тот ублюдок, который это и сделал. Так что ты создашь ему такой дискомфорт, который только сможешь.

Я набираю телефонный номер. Офицер Плуммер отвечает на звонок, и так быстро, как только это возможно, я рассказываю ей о результатах анализа и о своем решении.

— Мисс Винтерс, как всегда, я желаю вам всего наилучшего, — говорит она, когда я заканчиваю. — Если вы позвоните мне после вашей запланированной встречи, я организую, чтобы образцы, собранные таким способом, при передаче улик были герметичными.

— Спасибо, офицер, — говорю я. Это будет длинная дорога для нее.

— А тем временем, полиция Онтарио начнет работу с лагерем Manitouwabing и

школами, замешанными в этом, чтобы собрать образцы с учащихся парней и тренеров для сравнения, — говорит она. — Если все пойдет хорошо, у нас появятся сравнительные результаты к середине недели.

— Хорошо, — отвечаю я. А затем, так как я не знаю, что еще сказать, я повторяю, — хорошо.

— Мой телефон всегда при мне, мисс Винтерс, — напоминает мне офицер Плуммер. — Вы можете звонить в любой момент, когда вам это будет нужно. Я отвечу на любые возникшие у вас вопросы в рамках протокола, также я всегда доступна, если вам нужно будет с кем-нибудь поговорить.

— Спасибо, офицер, — говорит Полли, забрав телефон, когда становится очевидным, что мне больше абсолютно нечего сказать. — Она позвонит вам, если вы понадобится.

Они прощаются, а затем Полли вешает трубку. Она наклоняется вперед — прямо к моему лицу — зубастая и свирепая, и берет меня за плечи.

— В конце концов, ублюдок сдаст образец, — говорит она.

А затем она плачет.

В понедельник утром, когда папа привозит меня на тренировку перед занятиями, там припаркована машина полиции Онтарио. В первый момент, пока я принимаю решение, я слегка напугана. Все знают, что не было собрано никаких биологических образцов. Это практически первое, что мне сказала Полли, когда я пришла в себя. Если вдруг полиция объявит, что у них что-то есть, кто-то обязательно сделает подсчеты, и тогда сарафанное радио снова заработает. Я не уверена, что могу справиться с этим. Полли сможет как-нибудь объяснить это, как только мы с ней увидимся. Ее молчаливой оценки достаточно, чтобы укрепить мою уверенность. Я киваю, и мы молча переговариваемся.

— Все входите, — говорит Кэлдон, когда мы добираемся до спортзала, мы все рассаживаемся перед ней, вместо того, чтобы начать нашу тренировку. — Вы все знакомы с констеблем Форестом, — она указывает на офицера в форме. Либо у него ранняя служба, либо это из-за особого случая.

— Доброе утро, ребята, — произносит Форест небрежно. — Я знаю, что вы все заняты на своей тренировке, поэтому я хочу сразу перейти к делу. Вам известно, что пару недель назад в лагере Manitouwabing на одного из членов вашей команды напали и изнасиловали.

Каждый в комнате, за исключением Полли, вздрагивает от этих слов. Ну, похоже, я тоже вздрогнула. На самом деле, я больше поражена, чем что-либо еще. Никто никогда не приходил и не говорил об этом напрямую. Это освежает.

— Также вам известно, — продолжает констебль, — что биологические образцы не были собраны. Однако я рад сообщить вам, что второстепенные образцы позволили нам добиться результатов, что означает, сейчас у нас есть образец для сравнения, который мы можем использовать для установления личности преступника.

Он смотрит прямо на парней, каждый из которых смотрит на свою обувь. А затем Дион встает.

— Что вам нужно для этого? — спрашивает он. Остальные парни встают рядом с ним с различной степенью дискомфорта. Я в какой-то степени горжусь ими.

— Только немного клеток со слизистой щеки, — говорит констебль Форест. — Я бы предпочел, чтобы вы добровольно сделали это, но если по какой-то причине, вы считаете, что нуждаетесь в родителях или адвокате, тогда, конечно, вы имеете право отказаться.

Никто из парней не отказался. Они выстроились в линию, мазки были взяты, и некоторое время спустя у констебля Фореста появилась коллекция запечатанных пробирок, каждая из которых содержит образец ДНК. Я практически уверена, что никто из них не произвел расчеты. Дион и Камерон оба выглядят так, будто у них гора с плеч упала сразу после того, как их образцы пополняют коллекцию. Кларенс, отдав свой образец, жуёт нижнюю губу. Эрик становится ярко красным. Тиг и Лео стоят с непроницаемыми лицами, но не думаю, что это чувство вины. Тиг, вероятно, еще не полностью проснулся, а Лео до сих пор смотрит на свою обувь. В первое время я принуждала себя не забывать, что это мог быть и он. Я готовлюсь к привычному приступу тошноты, который незамедлительно последует, но ничего не происходит. Я знаю Лео слишком долго, храню слишком много его секретов, пусть даже и не уверена, что я такого сделала, чтобы заслужить быть у него на первом месте. У нас был ряд недопониманий, но не настолько же. Я не знаю, откуда во мне такая уверенность — все, что я могу вспомнить, это голос парня — но я знаю, что это был не он.

— Благодарю всех вас, — говорит констебль Форест, а затем направляется к выходу из спортзала. Он проходит прямо под рядом плакатов, датированных серединой семидесятых годов, когда Палермо Хейтс были лучшими в спорте, а не в черлидинге. Плакат, занимающий половину двери, посвящен мужской команде старшеклассников по баскетболу, а констебль Форест был начинающим форвардом в тот год, когда они победили. Конечно, он уезжал из города, чтобы учиться в полицейской академии, но он вернулся. Множество людей возвращаются. И я понимаю, что не собираюсь быть одной из них.

— Подъем, девушки, — говорит Кэлдон, — время тренировки.

Мы бежим. Кэлдон внимательно за мной наблюдает. Я чувствую то же самое, что и в пятницу, что и прежде. Я не чувствую каких-либо эволюционных изменений в моем теле. Возможно, слова офицера полиции и были для парней достаточно туманными, но Кэлдон обо всем догадалась. Я надеюсь, что не так много таких проницательных людей, как она.

Мы бегаем и растягиваемся, а затем занимаемся хореографией, пока Кэлдон не отпускает нас на занятия.

Все отправляются принять душ, но я иду в противоположном направлении, туда, где Кэлдон хранит конусы, которые мы используем, чтобы делать разметки на полу для формаций.

— Мы с Полли пропустим все тренировки до пятницы, — говорю я ей. Я не спрашиваю. Пропуск тренировок не всегда проходит гладко с Кэлдон. Но не теперь.

— Я буду работать вместе с тобой, — говорит она. Ага, определенно, она знает. И она знает, что я собираюсь сделать.

— Хотя, после этого, я должна буду наверстать упущенное время, — говорю я. Я гадаю, всегда ли какая-то часть меня будет стараться быть таким здоровым, уравновешенным человеком, который сел три недели назад в автобус. Мне интересно, является ли это частью исцеления. Я определенно должна поскорее позвонить психотерапевту.

— Не переусердствуй, — говорит она. Хотя я практически уверена, что она имеет в виду совершенно противоположное.

— Могу я задать вам сугубо личный вопрос? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она. Улыбка на ее лице добрая, в отличие от тех, которые я когда-либо видела раньше. — И нет, отец Флори никогда не был частью ее жизни. Я с самого начала это знала, и я знала, какие у меня были варианты. Было сложно, но я сделала это, и я рада, что так поступила.

Я застываю. Она выглядит такой уверенной. Она никогда не рассказывает о себе, хотя и мирится с огромным количеством слухов от эгоцентричных учащихся. Я знаю, что у нее степень медицинских наук, и я знаю, что она преподавала в колледже, потому что она учитель, но помимо этого, наш тренер — загадка, единственная, которая провела большую часть времени, подталкивая меня быть той, кем я являюсь сегодня.

— Это не одно и то же, — она держит кучку конусов в руке и отклоняется назад на сцену, глядя на меня очень серьезно. — Ты и я, мы не одно и то же. Даже близко. Я сказала да, а у тебя даже не спрашивали об этом. В ближайшем будущем много людей будут говорить тебе некоторые по-настоящему тупые вещи, и если ты случайно ударишь кого-нибудь из них по лицу в моем присутствии, я никак на это не отреагирую.

— Спасибо, — говорю я. — И я сделаю все возможное, чтобы быть уверенной, что в пятницу будет последняя тренировка, которую я пропущу.

— Хорошо, — отвечает она. — Сейчас тебе лучше записаться, или я выпишу тебе бланк

опоздания.

Я добираюсь до кабинета истории только после звонка, и на следующий час мы с головой погружаемся в тему, считалась ли война 1812 года победой британцев или досадной ничьей. Обычно мне бы понравились эти вопросы-ответы. Учитель играет роль адвоката дьявола и удерживает задаваемые вопросы с целью объединения с американцами, но на самом деле ее сердце принадлежит другой стороне, и поэтому мы никогда особо не преодолеваем «если вы атакуете и ничего не добиваетесь, вы проигрываете».

На химии у нас лабораторная работа, о которой я абсолютно забыла, и кое-как мы с Тигом заканчиваем ее. Мы оба бьемся вокруг горелки Бунзена, пока стараемся ничего не пролить или взорвать.

— Так что, нам позволено все еще оставаться друзьями, или как? — спрашиваю я, когда он проводит больше двадцати минут без саркастических комментариев о том, что, поскольку я забыла о лабораторной работе, мне придется привязать сзади свои волосы к стрингам.

— Ты имеешь в виду, что раз я добровольно сдал анализ ДНК, это определенно снимает с меня подозрения? — спрашивает он.

— Нет, Боже, нет, — протестую я. — Я имею в виду, поскольку твой лучший друг и я очень публично бросили друг друга в тот день во время ланча.

— Ох, это, — говорит Тиг. — Я думаю, парни немного отличаются от девушек, когда дело доходит до этого.

— И Лео не порвет с тобой дружбу, если ты будешь со мной общаться? — спрашиваю я.

— У нас очень прочные взаимоотношения, — говорит он, снова звуча как обычно. — Мы можем пережить маленькие разногласия социальной среды. И, эй, разве не я выбрал тебя быть моим партнером по лабораторной работе?

— Я думаю, это было больше связано с тем, что мы оба здесь в одно и то же время, — возражаю я, но в любом случае чувствую себя лучше. Тиг был кретином в одной из самых важных основных частей моей жизни, по крайней мере, в школе.

— Ты говоришь помидор, я говорю помидор, — говорит он, вытягивая обе буквы «о». — Теперь ты хочешь поговорить о наших чувствах? Потому что мне следует поставить на стол кислоту, если я собираюсь поплакать.

— Не будь придурком, — отвечаю я.

Правда в том, что я на самом деле хочу поговорить о своих чувствах. Я точно уверена, что никто вокруг не услышит нас. Все заняты и переговариваются со своими партнерами по лабораторной. В отличие от лабораторных работ в девятом классе, где мы были запакованы как сардины в бочке, в этом классе мы комфортно располагаемся на скамейках. Пока я смогу держать себя в руках, возможно, мы сможем поговорить о чем угодно.

— Хорошо, будь придурком, — говорю я. — Только скажи мне: Лео на самом деле считает, что я не была изнасилована?

— Я бы врезал ему по морде, — все тело Тига неподвижно, когда он говорит это, что непохоже на него, и я понимаю, что он более серьезен, чем я когда-либо видела его на протяжении всей своей жизни. — Прямо по морде. Но в нем говорит ревность, и он немного расстроен из-за того, сколько времени ты провела с другими парнями в те недели. Как ты всегда находишь время на Полли, но не на него. Будто он чувствует, что если бы ты с ним танцевала, как должна была, ни с кем из вас ничего бы не произошло.

— Как *должна* была? — я понижаю свой голос до шепота, предотвращая писк, и несколько студентов смотрят в нашу сторону. Я стреляю в них взглядом, и они

отворачиваются обратно к своим рабочим местам.

— Успокойся, — говорит Тиг, что делает меня еще более злой, но он в чем-то прав. — Я не сказал, что он прав, и, откровенно говоря, я думаю, это своего рода идиотская позиция, которую он выбрал, но это было в его голове, и ты об этом спросила.

Я включаю газ, и горелка начинает светиться. Мы устанавливаем мензурку в крепление для кипячения, и делаем шаг назад, ожидая результата. Я проверяю термометр, и понимаю, что когда Тиг собирал материалы, он взял один не с того ряда.

— Следи за мензуркой, — говорю я и направляюсь к шкафу с материалами.

Там стоит Лео. Должно быть, он по тому же вопросу. Он смотрит на меня, и вся злость и беспомощность, которую я чувствовала в кабинете врача, на кладбище, в своей спальне, в раздевалке, и в остальных местах, где я была с тех пор, как вернулась в Палермо, вырывается из меня. Он думает, что я сама на себя навлекла это. И он думает, что это хорошая причина, чтобы отвернуться от меня.

Он отводит взгляд в сторону, и я протягиваю руку, чтобы ухватиться за дверцу шкафчика. А затем, помимо своей воли, я даю ему пощечину, так сильно, как только могу, и выхожу из кабинета.

В клинике, в которой я забронировала место на аборт в надежде избежать пристального внимания местных жителей, потребовали от меня быть на четвертой неделе беременности к моменту, когда я приеду на процедуру. Это означает, что я и мое тело проведем следующую неделю в чистилище в ожидании возможности догнать остальной мир. Это стремительно становится моим любимым занятием. Ну, это, и еще ощущения, которые я испытываю каждое утро, когда просыпаюсь, а на первом месте — воспоминания о том, что со мной произошло.

Так что после школы я начала бегать. Я не одеваюсь в свою тренировочную форму или другую одежду школы Палермо Хейтс. И я рада, что сейчас достаточно прохладно, чтобы длинные рукава и колготки не казались странными. К концу четвертой недели, я успеваю оббежать все улицы Палермо, но такое ощущение, что я бегаю на месте, я и мое тело все еще ждем возможности догнать остальной мир.

* * *

Когда я прошу преподобного Роба не молиться за меня, я не совсем уверена, что делаю или на что рассчитываю.

— Ты не думаешь, что это поможет? — спрашивает он. Его тон абсолютно беспристрастен. Я очень впечатлена.

— Ох, я уверена, что поможет, — отвечаю я в спешке. — Но, — и я не уверена, будет ли в этом смысл, — я не смогу справиться с тем, чтобы быть публичным объектом для жалости. Если вы попросите их молиться, они будут молиться, и они будут об этом помнить. Мне бы хотелось иметь возможность гулять по главной улице и при этом смотреть людям в глаза. Я не думаю, что это произойдет, пока каждую неделю им будут напоминать об этом.

— Я понимаю, — произносит он. — Я упоминал о тебе в наших молитвенных обращениях на протяжении прошлых нескольких недель, но я прекращаю это, — он замолкает и наблюдает за мной. На его лице до сих пор безмятежный покой. — И у тебя есть еще одна просьба, да? Какую услугу я должен оказать?

— Я надеюсь, что *вы* будете молиться за меня, — говорю я. — Я не уверена, о чем именно. Полагаю, чтобы я держалась? Или, возможно, начала разваливаться в нужное время?

— Конкретику я оставлю для Бога и помолюсь о твоём душевном спокойствии, — заверяет он.

Это кажется справедливым.

— Чтобы избежать недомолвок и потому что я не думаю, что люди должны специально приукрашивать себя перед Богом, вы должны знать — я собираюсь на аборт, — говорить об этом громко, как ни странно, с каждым разом дается все легче. — Если это что-то изменит.

Долгое время он ничего не говорит, понимая, что, на самом деле, ему нечего ответить на такое заявление. Он не может сказать «Да, так лучше для тебя», потому что это неправильно. Он не может сказать «Нет, не делай этого», потому что это также было бы неправильным. Просто в этом вообще нет ничего правильного. Хоть преподобный Роб и не

перестает смотреть на меня, чего не скажешь о большинстве людей. Выражение его лица лишено жалости и осуждения. Конечно, не лишено сострадания, но с этим я могу справиться. Кроме того, это то, за что ему платят.

— Это ничего не изменит, — говорит он.

Я выдыхаю, до этого момента не осознавая, что задерживала дыхание.

— Вы можете помолиться и за моих родителей? — добавляю я. — Они также на половину причастны и не уверены, что будет правильным в этой ситуации.

— Конечно, — отвечает он, — и за Полли, и за офицеров полиции, которые работают над твоим делом.

— Спасибо вам, — говорю я.

— Ты собираешься делать аборт за городом? — спрашивает он. Преподобный Роб не вздрагивает и не колеблется, произнося это слово.

— Да, — отвечаю я. — Я имею в виду, я могу сделать это здесь, в госпитале. Мне бы понадобилось разрешение от родителей, но они бы дали его. Я просто хочу сделать это где-нибудь, где я не стану предметом сплетен. Я не стыжусь. Я просто...

— Ты просто хочешь вернуть назад свою жизнь, — говорит он. — Как и должна поступить. Это между тобой и Богом, и тем, кого ты выберешь сама. Моя дверь, по крайней мере, метафорически, всегда открыта. Если кто-то начнет разбрасываться глупыми фразами типа «Это подарок» или «Это Божий умысел», ты придешь прямо сюда, и я найду для тебя десяток противоположных фраз.

Я задумываюсь, как так получилось, что я знала преподобного Робба всю свою жизнь и никогда не понимала, что он был супергероем. Похоже, я вытягиваю наружу лучшее в людях. Офицер Плуммер, Тиг, Дион, черт, даже Полли. Это очень досадно. Тупая серебристая обложка, мрачность, которую, если на то пошло, я никогда не хотела замечать. Я надеюсь, мне не должно становиться от этого лучше. Честно говоря, иногда это все, что я могу делать, чтобы не свернуться в комочек от гнева по поводу всего происходящего. Мне больше нравится, когда я выстраиваю свою команду для приветствия. Это предсказуемый путь, легко осуществимый и веселый. Этот же путь слишком затратный, и в нем нет ничего для меня. Я скучаю по тем дням, когда была тем человеком, который мог игнорировать или быть снисходительным, и при этом все еще чувствовать себя хорошо.

— Темнеет, — говорит преподобный. — Твои родители будут переживать.

Ему удастся сказать это так, как если бы он сказал это любому ребенку на улице после заката. Ему удастся обращаться со мной, будто я все еще нормальная. Возможно, это тот путь, где я могу снова стать нормальной. У меня есть список людей, которые относятся ко мне так, как мне этого хочется. Возможно, пришло время изменить свою жизнь.

— Я вышла на пробежку, — говорю я.

— Я бы никогда не догадался, — говорит он с абсолютно честным выражением лица, принимая во внимание мою одежду для бега и спутанные волосы. — Хочешь, чтобы я тебя подвез?

— Нет, я просто побегу домой, — отказываюсь я. — Но, возможно, вы сможете позвонить им и сказать, что я на пути домой?

— Пожалуй, им это понравится, — соглашается он и открывает свою записную книжку. — Запомни, Гермiona, в любое время. Не только в девять тридцать вечера в воскресенье.

— Я знаю, — говорю я. — И еще раз спасибо.

Всю дорогу до дома я бегу, но впервые с того момента, как начала бегать, я не чувствую, будто пытаюсь убежать от чего-то. Это ощущается, будто я просто люблю бегать.

В среду вечером у меня состоялся худший разговор с мамой, который когда-либо был. Я знала, что все так и будет, пусть даже ей и необязательно было это делать, и почему-то мне показалось все таким несправедливым. Но как сказала Полли, в том, что произошло, все несправедливо. И мне необходимо продолжать держаться.

— Мам, — говорю я, понимая, что не так просто сделать это. — Я хочу, чтобы завтра со мной поехала Полли.

Мы находимся в гостиной. Я смотрю телевизор, а мама складывает постиранные вещи. Или, по крайней мере, так бы мы выглядели, если бы нас внезапно сфотографировали. На самом деле, я сижу на диване и пялюсь в стену, а мама снова и снова складывает несколько наволочек. Папа на этой неделе работает в вечернюю смену. Вокруг тишина.

— Все в порядке, милая, — говорит она. Наконец-то мама оставляет в покое наволочку и начинает складывать что-то еще. — Мы подберем ее по пути.

— Нет, мам, — говорю я. — Только Полли.

Стопка выстиранного белья возвышается, и мама просто смотрит на меня. Она не понимает.

— Если поедешь ты... — было намного проще, когда я репетировала эту небольшую речь в своей голове. Для начала, она сидит слишком далеко, чтобы дотянуться до нее, взять ее руку и положить мне на колено. Между нами сейчас та дистанция, о которой я просила. — Если ты поедешь, то будешь держать меня за руку, будешь сидеть там, будешь любить и поддерживать меня, и ты будешь потрясающей в этом. Но я не могу. Мне требуется друг. Мне нужна Полли. Потому что мне нужно, чтобы ты была моей мамой, когда я вернусь домой, и если ты будешь там, когда это произойдет, все это не сработает. Мне нужно, чтобы ты была моей мамой.

Я вижу, как она анализирует сказанное мной, и могу представить ее разговор с отцом, когда он придет домой. Он тихо зайдет в их спальню, стараясь не разбудить ее, но она проснется, как всегда это делает. А затем мама расскажет ему о том, что я сказала, и они оба расплачутся. Наутро они будут вести себя так, будто ничего не произошло.

— Хорошо, Гермiona, — я точно знаю, что это убивает ее. Вероятно, это должно убивать и меня, но я просто не могу позволить себе такой роскоши. Стоит только начать, и я никогда не остановлюсь. — Полли может отвезти тебя.

Стопка постиранного белья увеличивается, все аккуратно сложено и разглажено, рассортировано по стопкам согласно владельцам вещей. Это было бы успокаивающе, если бы успокоение не побуждало во мне желание кричать. Я возвращаюсь к осмотру стены, пока не наступит время, когда можно будет идти спать, не доставляя при этом еще больше беспокойства родителям, чем я уже причинила. Затем я пялюсь в потолок, пока не проваливаюсь в сон.

* * *

Я медленно просыпаюсь до того, как сработает будильник, что ужасно. Если быстро щелкнуть по кнопке до сигнала, мгновенно проснуться и сидеть на кровати, пальцами

сжимаемая простынь, то не получится отрицать произошедшее. Медленный подъем, как сегодня утром, пробуждение в тепле и в коконе из одеяла дает мне достаточно времени, чтобы забыть, а затем вспомнить. Этого времени достаточно, чтобы ворвались воспоминания или не ворвались, как в тот первый момент в госпитале, когда я заставила Полли рассказать мне все в деталях, ничего не приукрашивая. Не хочу, чтобы так начинался каждый мой день, такое начало похоже на исключительно плохой знак. Я делаю четыре глубоких вдоха и заставляю себя игнорировать все это. Я не могу ничего есть, ну, как минимум, я не хочу, чтобы меня рвало, и я методично подготавливаю себя к наступившему дню, держа себя в руках до тех пор, пока снова не заключу мир со своей жизнью.

Полли заезжает за мной рано утром. Я согласилась на клинику в Торонто, что означает, что мы должны выехать пораньше, чтобы избежать пробок. Когда я забираюсь в машину, Полли делает громче радио, так что мы не разговариваем. Мама стоит на крыльце, пока мы отъезжаем. Я не оглядываюсь назад, но знаю, что она не зайдет в дом, пока мы не свернем за угол.

* * *

В течение двух часов мы едем в тишине. Были и другие клиники, находящиеся ближе, но я выбрала клинику с лучшей репутацией. Одновременно я выбрала ее и потому, что она находится ближе к лаборатории, где будут тестироваться образцы ДНК, которые получают из эмбриона. Офицер Плуммер не сказала, что это было необходимо, но когда я рассказала ей, где у меня назначена встреча, она ответила, что я сделала хороший выбор. Когда мы минуем аэропорт Миссиоссоги, я включаю навигатор, указывая Полли направление, пока она виляет в пробке машин, выискивая выезд. Наконец, мы заезжаем на стоянку, и Полли паркует машину.

— Ты уверена, что это то место? — спрашиваю я.

— А ты ожидала, что здесь будет огромный знак и мигающие огоньки? — иронизирует Полли. И сразу же виновато смотрит на меня. — Я не это имела в виду. Хотя не, это, но не имела в виду это так, как оно... прозвучало.

— Полли, если ты собираешься выбрать день, чтобы быть самой собой, я бы высоко оценила, если бы ты выбрала именно этот день, — отвечаю я. — И здесь есть табличка. Она крошечная, но она прямо здесь.

Табличка маленькая и серая, практически сливается со стеной серого здания. Там написано угрожающими буквами «ЖЕНСКАЯ КЛИНИКА». На парковке стоит шесть других машин, но людей вокруг нет. Полли запирает дверь машины, и я вешаю свою сумку на плечо. Я уже одета в длинную юбку, как было написано на сайте. Это единственная юбка, которая у меня есть. Я не надела ничего получше в дорогу, чтобы не чувствовать себя принаряженной. Я не помню, зачем купила ее или когда, но я никогда не забуду день, когда, вероятно, испорчу ее. У меня есть сменная одежда и другие принадлежности, которые они порекомендовали упаковать с собой. Я чувствую себя очень, очень маленькой.

— Пойдем, — говорит Полли и берет меня за руку. Мы вместе пересекаем парковку, и Полли нажимает на звонок.

— Имя и количество человек, — звучит женский голос. Не беспристрастный, но также и не совсем обнадеживающий.

— Гермиона Винтерс, — говорит Полли. — И нас двое.

— Поднимайтесь, — говорит голос, и дверь с жужжанием открывается.

Внутри клиника выглядит как офисное здание. Серые стены с зелеными полосками, нарисованными на уровне пояса. Мы проходим через лестничный пролет в открытую приемную, чтобы зарегистрироваться. Здесь растения и много естественного света. Я концентрируюсь на дыхании и на том, чтобы переставлять ноги. Секретарь — та женщина, голос которой мы слышали по интеркому. Пока она узнает у меня необходимую информацию и протягивает мне планшетку для заполнения анкеты, она впускает еще двоих человек.

Полли направляет меня в комнату ожидания. Здесь уже находятся две группы людей. В одной женщина, очень худая, она выглядит очень голодной. Она не совсем с группой, потому что на самом деле она сама по себе. Клиника не рекомендует садиться за руль по дороге домой, но рядом есть метро. Мне бы не хотелось пользоваться транзитом, но, возможно, у нее не было выбора. Другая группа — это индийская семья, очень милая девушка в превосходном сари сидит между своими родителями. Они все очень напряжены на своих сиденьях. Я фокусируюсь на планшетке.

В девять часов, когда ученики Палермо Хейтс занимают свои места, чтобы послушать национальный гимн, низенькая медсестра заходит в комнату ожидания и называет мое имя.

— Я люблю тебя, — говорит Полли, когда я уже практически около двери.

— Я знаю, — отвечаю я.

Мы делаем все, что в наших силах, чтобы не хихикать. Это было бы действительно неуместно, но когда я прохожу мимо худой девушки, она улыбается.

Медсестра не дотрагивается до меня, но она приводит меня в комнату со странной формы креслом, и рассказывает, что мне нужно сделать.

— Вы следующая, — говорит она. — Но я сделаю это быстро.

— Спасибо, — благодарю я, и она улыбается, как мне кажется, обнадеживающе, но я не обращаю на это внимание.

— Ты здесь по своей собственной воле? — спрашивает она.

Я киваю.

— Ты должна сказать это громко, — настаивает она.

— Я здесь по своей собственной воле, — говорю я.

— И ты понимаешь, что решила прервать беременность? — спрашивает она.

— Понимаю, — отвечаю я.

— Ты в здравом уме и предоставила нам свою полную медицинскую историю? — спрашивает она.

— Я в своем уме, и да, — говорю я.

— У тебя есть какие-нибудь вопросы? — задает она очередной вопрос.

— Полицейский офицер должна получить после аборта ткани эмбриона, — говорю я. Я могу воспользоваться коротким путем, но говорю все целиком, чтобы убедиться. — Она здесь?

— Да, — говорит медсестра. — Она здесь, и доктор соберет образцы.

Медсестра, вероятно, самый тактичный человек, которого я когда-либо встречала. Мне интересно, она сама по себе такая чуткая или научилась этому. Мне интересно, плачет ли она, когда приходит вечером домой, или, уходя с работы, она умеет оставлять все эти эмоции здесь. Определенно, она знает о моем случае, но не ведет себя покровительственно.

— Ты готова? — спрашивает она.

— Да, — заверяю ее. — Я готова.

Она нажимает на кнопку, и входит доктор. Согласуется анестезия, и в последний раз излагаются этапы процедуры. Я точно уверена, что в данный момент смогла бы пересказать все. У доктора с собой специальная сумка для сбора анализов. Это обычный, ничем не примечательный медицинский контейнер, но на нем наклеена эмблема полиции провинции Онтарио. Возможно, мой эмбрион и не сможет стать человеком, но чертовски ясно, что все произошедшее с ним будет официальным.

Анализ крови показал, что мне не нужен снимок, и затем они дали мне веселящий газ. Доктор исключила местную анестезию потому, что побоялась, что я могу запаниковать, потеряв чувствительность. Вероятно, она не ошиблась. Спать в последнее время было странно, и большую часть времени я была тихо помешанной. По крайней мере, если это веселящий газ, я буду в хорошем настроении. Хотя, как только мой организм начинает реагировать на газ, я паникую. Медсестра тут же берет меня за руку, не позволяя мне двигаться.

— Шшш, милая, — успокаивает она. — Помни, ты согласилась на это.

Я не знаю, откуда она знает, что именно мне нужно услышать. Может, в дополнение к тому, чтобы всегда оставаться чуткой, она также читает мысли. В любом случае, сейчас я убеждена, что Бог отправил ее на эту землю, чтобы она выполняла его работу, и я надеюсь, что позже она заработает отличную прибавку к своей карме.

— Сейчас ты ощутишь небольшую судорогу, — говорит доктор, и она появляется, а затем исчезает.

Хотя сумка для сбора анализов мне и не очень видна, но я абсолютно уверена, что сейчас она заполнена, чего не было ранее. Хотя я и не способна ни на что реагировать нормально. Газ сделал все нечетким. Но я помню, что я выбрала это. Я сказала «да». И я не паникую, не плачу или еще что-нибудь в этом роде.

— Хорошо, Гермiona, — говорит медсестра. — Нам просто надо пройти короткий путь до послеоперационной палаты.

Я иду. Ну, ковыляю. Медсестра помогает мне переодеться, потому что из-за газа тяжелее справляться с кнопками и шнурками, и к тому моменту, когда я сижу в кресле, я выгляжу как пациент стоматологического кабинета, который только что принял веселящий газ, чтобы лечить зубы.

— Я принесу тебе немного воды, — говорит медсестра. — А затем мне нужно вернуться обратно в комнату ожидания. Если я тебе понадоблюсь, нажми на звонок около своего кресла, хорошо?

— Спасибо, — снова благодарю я, наклоняясь вперед. — На самом деле, спасибо.

— Не за что, — отвечает она, передавая мне стакан, а затем я остаюсь одна.

У меня появляется достаточно времени, чтобы снова начать думать, и это не закончится хорошо, но дверь открывается и входит худая девушка. После нее, спустя десять минут, заходит индийская девушка. Затем девушка, покрытая татуировками. Затем девушка, которая выглядит так, будто не улыбалась десятилетиями. Затем девушка. Затем еще девушка. И мы все сидим здесь, уставившись в пол.

— Когда я приеду домой, — говорит девушка с тату, — я достану такое холодное пиво, которое только можно себе представить.

— Я куплю мороженое, — признается худая девушка.

— Тебе нужно достать «Бейлис», — говорит девушка, которая не улыбается.

— Я попросила, чтобы мне показали, — говорит индийская девушка. — Просто, чтобы убедиться. Это не было похоже на человека. Даже отдаленно. Не так, как говорят те религиозные люди. Я поступила правильно.

— Конечно, милая, — говорит девушка с тату. — Мы все поступили правильно.

Я никогда раньше не встречала этих девушек, и после сегодняшнего дня никогда больше не увижу никого из них снова. Я не знаю их имен, и никто из них не знает моего имени. Я была членом команды, в клубе всю свою жизнь, окруженная людьми, объединенными общей целью, и я никогда не чувствовала ничего, подобного этому. Возможно, это газ, но до этого момента я никогда не чувствовала такого родства с людьми, которые, на самом деле, мне не близки. Я люблю каждого человека в этой комнате, и я точно уверена, если они попросят, я сделаю для них все, что угодно.

Что угодно, кроме ребенка.

Часть 3

К нашему неудовольствию сейчас зима.

Доктор Малкольм Хатт каждую среду приезжает из Лондона, чтобы встретиться со мной у нас дома. Наша первая встреча произошла через неделю после аборта, на следующий день после моего обследования в госпитале. Я здорова и не беременна, и поэтому решаю, что пришло время для беседы с психотерапевтом. Доктор Хатт был лучшим в коротком списке кандидатов. Я не ожидала, что он будет свободен и сможет приехать сам, да еще и так быстро, равно как и не ожидала звонка домой, но, вероятно, он своего рода светило, которое приближается к уходу на пенсию и ищет пациентов. Это просто великолепно. Для него.

— Давай договоримся, — произносит он, сидя на диване и балансируя дорожной кружкой на своем колене. Его записная книжка, а точнее бланки протоколов, которые, в конечном итоге, стали его записной книжкой, рассыпаны по стоящему рядом кофейному столику. Я сижу на любимом месте. Это не то, чего я ожидала. — Ты говоришь со мной честно, и тогда мне не захочется задавать тебе тупые вопросы, ответы на которые мы оба знаем, просто чтобы ты сказала это вслух. Договорились?

— Это ваше обычное предложение? — интересуюсь я. — Или я особенная?

— Ты особенная, — говорит он. — Кроме того, я проехал два часа, и, по всей видимости, в твоём городе отсутствуют такие основные человеческие потребности, как Тим. *(Примеч. Тим или «Тим Хортонс» — популярная в Канаде сеть кафе-кондитерских. Первая кофейня была открыта канадским хоккеистом Тимом Хортоном в Гамильтоне (Онтарио) в 1964 году).*

— Магазин кофе на центральной улице по-настоящему хорош, — возражаю я ему. — И вы будете единственным, если сделаете заказ у Альмы лишь однажды. Она никогда не забывает ничего в своей жизни. Ну, ничего, связанного с кофе.

— Рад это узнать, — говорит он. — Какая твоя самая большая проблема именно на этот момент?

Его вопрос притупляет мою бдительность, и я отвечаю, не задумываясь. Вероятно, он сделал это умышленно.

— Пробуждение, — говорю я.

— Потому, что ты не помнишь о том, что произошло? — спрашивает доктор Хатт.

— Нет, — говорю я. — Потому что в это мгновение я не помню, где нахожусь или что делала, и это похоже на то, будто я снова прихожу в сознание в госпитале.

— Это имеет смысл, — говорит он. — Что еще?

— Я слишком много думаю обо всем, — признаюсь я. — Что я говорю, что делаю. Обо всем. Это очень раздражает.

— И?

— Я точно уверена, что делаю все неправильно, — говорю я.

— Что вообще все это значит? — спрашивает он. Я смотрю на него, а он улыбается. — Серьезно, Гермiona. Я обещал не задавать никаких глупых вопросов. Просто объясни мне это.

— Хотелось бы, чтобы я смогла рассказать вам об этом, — признаюсь я. — Но я не могу. Это не отрицание или умышленная попытка ввести в заблуждение. Это не то, чего я стыжусь. Я по-настоящему рассержена. И если бы я могла рассказать вам о случившемся, я

бы прокричала об этом с крыши.

— Но ты не помнишь, — заканчивает он мою мысль за меня.

— Дело не только в этом, — говорю я ему. — Я не помню, что у нас было на ужин в прошлую пятницу, но я точно помню, как ужинала. Я не помню, как просила Санту о велосипеде, но я помню, как нашла его рождественским утром. Это — нападение на меня — просто огромное белое пятно. Я не помню ничего и поэтому не могу ничего чувствовать. Только я *должна* что-то чувствовать. Но я не чувствую.

— Тебе бы помогло, если бы я сказал, что это вполне допустимо? — спрашивает доктор Хатт. — Что это нормально, даже с учетом потерянного времени?

— Да, — отвечаю я, задумавшись на мгновение. Эти провалы в памяти никогда бы не происходили, если бы я была нормальной. — Это хорошо помогает.

— Расскажи мне, на что были похожи ощущения, а не то, на что, как ты думаешь, они должны быть похожи, — просит он.

— Это как история, которую мне кто-то рассказал, — говорю я. — О девушке, которая уехала в лагерь, а вернулась совсем другой. Мне плохо, когда я думаю об этой девушке, потому что с ней произошло нечто ужасное, но это не сочувствие. Сочувствие — это когда ты понимаешь чью-то боль. Сострадание означает, что ты чувствуешь себя плохо из-за этого, именно это я и чувствую. Сострадание к самой себе. Это разъединение. Я знаю, что произошло. Я просто не помню этого. Разве что, когда кто-то напоминает мне, тогда я чувствую себя человеком, который сел в тот автобус, который пошел в тот вечер на танцы. Но сама по себе я не часто вспоминаю об этом.

— Ты хочешь вспомнить? — спрашивает он.

— Я не знаю, — отвечаю честно. Я отвожу взгляд и терзаю шов на обитом тканью подлокотнике стула, на котором сижу. — Я не знаю, будет ли мне от этого хуже или лучше.

— Твои родители сказали, что ты много бегаешь, — замечает он. — Ты же понимаешь, что это защитный механизм, да?

— Так было до аборта, — говорю я, снова глядя на него. — Это я помню.

— Ощутила ли ты разъединение с эмбрионом? — спрашивает он.

— Да, — признаюсь я, — почувствовала. Но я не думаю, что это также отрицание. У меня не было утренней тошноты, я никогда не ощущала себя как-то по-другому, даже после того, как узнала, что беременна.

— Итак, чтобы быть уверенным, что правильно тебя понял: ты не ощущаешь правильной реакции, потому что не помнишь о том, что произошло? — произносит доктор Хатт. — И если ты не помнишь момента, когда изменилась, тогда изменилась ли ты вообще?

— Да, именно, — соглашаюсь я. Я могу чувствовать, как наклоняюсь вперед и возвращаюсь назад. Так происходит с тех пор, как все говорят мне о том, что имеет определенный смысл. — Ну, практически. Когда бы я ни проснулась, наступает этот момент. И в первый день возвращения к черлидингу, без стопроцентной уверенности в том, что ни один парень из моей собственной команды не мог изнасиловать меня, было неловко.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты думаешь, что они не могли бы? — спрашивает он.

— Большинство из них я знаю всю свою жизнь, — отвечаю я. — И я думаю, что смогла бы заметить, если бы они скрывали что-то подобное. Может, это та часть, где я вступаю на территорию абсолютного отрицания. Тест ДНК снимает с них все подозрения. Я не уверена, но справляюсь, когда внушаю себе, что это не мог быть ни один из них.

— Пока мы говорим о твоих товарищах по команде, — говорит он. — Как я понимаю, ты и Лео Маккена встречались? В своей анкете ты только указала, что разорвала свои отношения. Почему ты сделала это?

— Если мне необходимо быть честной, то я должна вам признаться, что мы как бы оба бросили друг друга, — говорю я. — Громко и на публике. А затем я как бы ударила его по лицу на уроке химии, что, вероятно, выглядело, как ничем не спровоцированное нападение.

— Интересно, — замечает доктор Хатт и делает запись. — За что?

— Я пропустила первую неделю занятий в школе, и за это время распространились исключительно гадкие слухи обо мне, — говорю я. — Лео мог прекратить эти сплетни, но не сделал этого. Он ревновал.

— Ревновал к чему?

— К моему времени, — понимаю, это звучит глупо, особенно произнесенное вслух, и все же, для Лео это много значило. — Он думал, что в лагере я слишком много времени проводила с другими парнями. Он вел себя так, будто это моя вина, не в том плане, что я просила об этом, а потому, что я не была рядом с ним, и он не смог защитить меня. После того, как мы расстались, я узнала об этом, а затем я просто... ударила его по лицу.

— Ты ударила его по-настоящему сильно? — спрашивает доктор Хатт, демонстрируя значительный дефицит профессионализма.

— Он пришел на ланч с красной отметиной, — признаюсь я и улыбаюсь, вспоминая об этом. — Но я не выбивала ему зубы или еще что в этом роде.

— В конечном итоге, вероятно, это к лучшему, — произносит он.

— Если не возражаете, я замечу, что вы очень странный психотерапевт, — осторожно говорю я.

— Потому что я выбрал диван и не прошу тебя излить мне свою историю жизни? — интересуется он. — Это старомодный подход.

Вопреки всему, я смеюсь.

— У этого есть свой смысл, — продолжает он. — Но, по большей части, ты корректируешь оценку самой себя. Ты не ведешь себя как человек, которого изнасиловали. Ты ведешь себя как человек, близкий друг которого был изнасилован. В каком-то смысле, если твои воспоминания вернуться, ты сломаешься. Это не делает тебя слабой. Просто так это обычно происходит. И когда это произойдет, я уже буду знать, кто ты, о чем ты думаешь, и таким образом буду в состоянии помочь тебе вылечиться.

— Спасибо, — благодарю я. — Я подумаю об этом.

— Не пойми меня неправильно, — говорит он. — Твой случай очень интересный. Большинство моих коллег ведут дела со срывами, потому что они не требуют много профессионального терпения. Ты вынуждаешь меня сидеть здесь, узнавать так много, как только могу, и ждать, когда стихнет шторм, чтобы сделать свою работу. И я очень близок к пенсии, поэтому у меня есть время. У некоторых других врачей, или, по крайней мере, других врачей моей квалификации, не нашлось бы этого времени, ни за разумную цену и, определенно, не в этом городе, где нет приличного кофе.

— Уверяю вас, — снова повторяю я, — вы полюбите Альму.

— Это к делу не относится, — говорит он. — Я буду приезжать сюда по средам, а твои родители будут находить повод, чтобы покинуть дом, и в течение часа мы будем беседовать с тобой. Мы можем при этом делать твою домашнюю работу по математике, но мы будем разговаривать. И в один день это все окупится.

— Надеюсь на это, — говорю я. — Практически в каждой программе интересующих меня университетов математика — профилирующий предмет.

— Когда я просил тебя быть честной, я не ожидал такого сарказма, — говорит доктор. Хотя он не выглядит злым. Более того, он выслушал все, что я вообще смогла предложить на рассмотрение, и не проявил интереса переступить через это. Я решаю, что это просто слишком плохо для него. Это моя вечеринка, и если захочу, я буду чрезмерно саркастичной.

— Извините, — говорю я. — Это отголоски подросткового периода, и я все еще очень хороша в этом.

— Ты все еще посещаешь вечеринки и тому подобное? — спрашивает он.

— На самом деле, пока здесь еще не было ни одной, — говорю я. — В первые недели обычно очень тихо. Хотя они начнутся спустя несколько недель, и на этих выходных будет нечто подобное.

Доктор Хатт делает паузу, сжимая свою кружку с наполовину выпитым кофе, и я понимаю, что он думает о начале следующего месяца. Полагаю, также он взвешивает, прозвучит ли непрофессионально еще одна шутка про обычаи причудливого маленького городка.

— Ты планируешь туда пойти? — наконец, спрашивает он, и я благодарна ему, что не надо ничего объяснять. Он может выяснить это у Альмы.

— Возможно, — отвечаю я. — Я имею в виду, обычно в эту ночь мы презентуем черлидинг. Все выпускники возвращаются для последнего просмотра и все такое, а затем мы все едем на чью-нибудь ферму, где все тайком проносят пиво в гараж. Если я не пойду, люди подумают, что я хрупкая, а мне этого уже достаточно.

— Логично, — говорит он. — Но ты должна быть готова к тому, что это может спровоцировать твои воспоминания. Это может быть что-то, что вызовет у тебя ассоциации с той ночью танцев в лагере.

Я думаю о запахе сосны, который сбросил меня с дороги, когда я бегала. Это может быть запах или темнота, или ритм музыки. Это может быть что угодно.

— Я не хочу бояться, — говорю я.

— А, возможно, следует, — замечает он. — Но я верю в тебя. Ты похожа на тот тип людей, которые едят боязнь на завтрак.

— На самом деле, я не такая, — признаюсь ему. — Но совершенно уверена, что моя подруга Полли такая, поэтому обычно я держусь рядом с ней.

— Находи таких людей, — говорит он. — Я уверен, рядом с тобой уже есть такие, но продолжай в том же духе. Люди будут говорить, что ты ведешь себя неправильно, но, на самом деле, нет правильного пути. Все, что позволяет тебе двигаться вперед, является правильным так долго, пока не причиняет вреда. Тебе нужно найти свой путь.

— Вы определенно очень странный психотерапевт, — замечая я.

— Это то, что делает меня лучшим, — спокойно говорит он. — А сейчас, пока я не умер от отсутствия культуры, где на центральной улице находится тот магазин с кофе, о котором ты говорила раньше?

Я указываю ему направление (он закатывает глаза, потому что это направление звучит скорее как «проедете вниз по главной улице, и там будет только один, все еще открытый магазин»), а затем провожаю его до двери. Мама с папой будут дома через пятнадцать минут, так что я разогреваю одну порцию лазаньи сострадания, которую мы храним для вечера, когда ужин в одиночестве не так уж сильно и травмирует меня. Я думаю о том, что

теперь у меня есть психотерапевт, и я могу справиться с этим. По крайней мере, это может привести нас к интересному разговору, конечно, после того, как мы закончим мою домашнюю работу по математике. Мне нужна вся помощь, которую я только могу получить.

Я характеризую свою новую жизнь как нормальную. Я выдерживаю взгляды и жалость окружающих и делаю все возможное, чтобы не обращать на это внимания. Ребята в школе перестают шептаться обо мне, по крайней мере, когда я их вижу, они переходят к другим, более свежим сплетням, таким как слухи о двоих абсолютно голых под мантиями в момент вручения дипломов, или тому, что случилось позже на вечеринке. Признаюсь, на вечеринке было очень скучно. Это был холодный октябрь, так что, по большей части, мы толпились у костра позади гаража и слушали рассказы выпускников о первой неделе учебы в университете, что почти наверняка было неправдой. Хотя я и не возражала, потому что наконец-то внимание всех было направлено не на меня.

Мои учителя ведут себя так, будто всего этого никогда не случилось, что нормально, потому что я вроде как веду себя так же. Временами у меня возникают крошечные вспышки воспоминаний — запах или чья-то рука на моей — но сейчас, когда доктор Хатт рассказал мне, что такая моя реакция практически нормальная, я перестала пытаться притворяться, что ничего не происходит. Доктор продолжает приезжать по средам, и мы разговариваем о моих мыслях и чувствах, но, по большей части, он экспресс-методом обучает меня математике. По-видимому, мне не придется париться по поводу математики приблизительно до второго курса универа, что реально бесит моего учителя математики.

— Я бы мог изображать ее, если хочешь, — предлагает доктор Хатт, когда на четвертой или пятой встрече я говорю ему, что да, в его подходе есть смысл, но мне нужно показать свою работу.

— Мне нужно быть в состоянии принимать ее всерьез, — говорю я ему. — Но, может, после экзаменов?

И черлидинг, который также прогрессирует в течение трех недель после моего аборта, вплоть до того момента, когда офицер Плуммер проезжает весь путь от Пэрри Саунда, чтобы рассказать мне о результатах сравнения ДНК. Она стучит в дверь в пятницу вечером, через неделю после Дня Благодарения. Мама и папа оба вернулись с работы, и я прошу прийти Полли, потому что нуждаюсь в ней.

Офицер Плуммер изменилась с тех пор, как я видела ее последний раз. Когда мы познакомились, она выглядела как новичок, нетерпеливая и напряженная. Я и мой случай сформировали ее карьеру. Ей пришлось выучить новые порядки и протоколы, чтобы заниматься мной, и теперь она на пути к тому, чтобы стать профи. У нее хорошо получается. Я отталкиваю волны обиды, но собираюсь использовать это — понимание того, что для кого-то я стала причиной, которая помогла найти себя, пусть даже это и дерьмовая причина. Это не заставляет меня сжимать зубы настолько сильно как прежде.

— Кофе, офицер? — спрашивает моя мама, и офицер Плуммер кивает. Это была длинная поездка, и все, что я знаю, — это то, что ей придется развернуться и ехать обратно, когда она поговорит с нами.

— Привет, Гермiona, — говорит она, когда мама уходит на кухню, где папа нагружает поднос. Она звучит устало. Бесстрастное выражение на ее лице стало лучше, и в этот раз я не могу прочитать ее. — Как все проходит?

Она спрашивает, все ли в порядке в школе. Есть ли у меня ночные кошмары. Могу ли я смотреть на парней без желания завернуться в простыню. Ее озабоченность неподдельная и

профессиональная. И в этом она не изменилась.

— Я на самом деле хорошо справляюсь, — говорю я ей. В конце концов, в этом большая доля правды. — В школе все хорошо. У меня не появляется желания прятаться в уборной каждый раз, когда парни проходят мимо меня; с черлидингом все очень неплохо, и получилось так, что мой психотерапевт в дополнение ко всему стал моим репетитором по математике.

— Рада это слышать, — говорит она совершенно искренне. Я задумываюсь: она приехала сюда, чтобы разрушить или чтобы исцелить меня?

Мама с папой возвращаются с подносом и усаживаются на диван. Они едва сдерживают себя. Не знаю, когда я стала так хороша в чтении людей. Когда была такая возможность, я весьма серьезно применяла подростковое равнодушие. Хотя теперь я могу прочитать любого человека: как они отреагируют и как они себя поведут. Мне приходится иметь пути отхода или планы на атаку. Я не знала, что способна обдумывать одновременно такое количество мыслей. Это очень раздражает.

— Простите, я опоздала! — кричит Полли от задней двери. Она не стучит в дверь с времен седьмого класса. — Мама поздно вернулась с работы, и я не могла оставить Силвию и Эдди, пока она не вернется домой.

— Все в порядке, милая, — говорит мама, пока Полли усаживается в кресло возле меня. На самом деле, оно не предназначено для двух человек, но обычно это нас не останавливает. — Мы только что собирались начать.

— Я просто перейду сразу к делу, — говорит офицер Плуммер после того, как делает большой глоток своего кофе. — Лаборанты сверили все образцы с ДНК эмбриона, и ни один из них не совпал.

Мама издает звук, похожий на тот, когда пинают щенка, и папа обнимает ее рукой. Я не шевелюсь, но Полли все равно обнимает меня.

— На это может быть несколько причин, — продолжает Плуммер. — ДНК эмбриона не всегда лучший источник для сопоставления образцов. Также возможно и то, что один из парней, согласившихся сдать образцы, мог как-то подменить свой. Все офицеры должны были лично забрать все образцы, но иногда люди не так профессиональны, как нам хотелось бы.

— Это должен быть кто-то из лагеря Manitouwabing, — настаивает Полли. — Они могут просто заново взять образцы?

— У нас недостаточно образцов эмбриона, чтобы заново сверить все это, — говорит офицер Плуммер. Как ни странно, она звучит расстроено. — Конечно, у нас есть первоначальный результат, и если бы было совпадение, этого было бы достаточно. Нам нужны подозреваемые, — она делает еще один глоток своего кофе. Теперь я знаю, что так она успокаивает свои нервы. — Ты хоть что-нибудь вспомнила? — она смотрит на меня, когда задает этот вопрос, и я возвращаю ей прямой взгляд.

— Нет, — отвечаю. — Не вспомнила.

— Я понимаю, что, вероятно, это страшно, — говорит она и впервые звучит как равнодушный профессионал. — Но если ты сможешь переломить себя, снова пережив случившееся, это даст нам лучший шанс поймать парня.

— Дело не в переживании этого заново, — говорю я немного резко. — У меня такое ощущение, что со мной этого никогда не происходило. Я знаю, что это произошло, потому что там было несколько неопровержимых доказательств, но большую часть времени это все

еще ощущается так, будто все произошло с кем-то другим.

— Прошу прощения, Гермiona, — говорит женщина, и она опять тот самый офицер, которого я увидела, когда пришла в сознание после нападения. — Мне, правда, жаль. Это та процедура, которой я обязана следовать, но со стороны это всегда выглядит равнодушно. С этого момента я буду просто разговаривать с тобой.

— Я ценю это, — отвечаю я.

— На самом деле ничего нет? — мама достаточно восстановилась для разговора. — Я имею в виду, должно быть хоть что-то.

— Мне очень жаль, миссис Винтерс, — говорит офицер Плуммер. — Но ДНК не такое волшебное средство, как все думают. По большей части, оно очень непрочное и работает лучше в сочетании с показаниями свидетелей. Я бы посоветовала вам проконсультроваться с психотерапевтом вместе с Гермioniой.

— Спасибо, что лично проехали весь этот путь, чтобы встретиться с нами, — говорит мой отец. — Я знаю, что это долгий путь.

— Это моя работа, мистер Винтерс, — отвечает Плуммер. — Я отвечу вам в любой момент, как буду нужна.

— Спасибо, — благодарит мама.

Мы вчетвером сидим, глядя друг на друга или в пол, пока офицер Плуммер закрывает за собой дверь. Через мгновение ее машина заводится, а затем она уезжает. У Полли стабильный пульс, ее грудь прижата к моей спине в кресле. Так уютно.

— Ты притихла, Гермiona, — говорит мама. — Как ты себя чувствуешь по поводу всего этого?

— Я как будто снова переживаю это, — говорю я ей. — Я имею в виду, я хочу, чтобы его поймали и наказали, но мысль о том, чтобы дать свидетельские показания и свидетельствовать о том, чего я не помню... это было бы очень страшно.

Папа кивает, и Полли позади меня расслабляется. Она все еще хочет поджечь парня на костре, но мой страх это что-то, что ей понятно.

— Я подумаю, — медленно говорю я. — Хотя я, наверное, спрошу доктора Хатта о том, есть ли более действенный путь, чтобы восстановить мои воспоминания. Гипнотерапия или еще что-то. Если он скажет, что это мошенничество, то я отброшу эту идею, но если он сможет помочь, я доверюсь ему, чтобы сделать это. А вы, ребята, конечно, будете рядом, если это будет перебором.

— Конечно, милая, — говорит мама. — Полли, ты останешься на ужин?

Меня изумляет, что она может так резко изменить свои убеждения, но мы обе по-своему справляемся с этим.

— Пожалуй, да, — говорит Полли.

— Давай поднимемся наверх, пока все не будет готово, — говорю я, и мы смываемся прежде, чем папа успевает предложить посидеть за столом.

— Мы в порядке, правда? — говорю я, как только мыс подругой остаемся в безопасности в моей комнате за закрытой дверью. — Я имею в виду, что ты не злишься, потому что я не злюсь, так?

— Да, — говорит она. — У меня нет мыслей по поводу дачи показаний. Это было бы очень отстойно, если бы твои воспоминания были бы нечеткими. Надеюсь, доктор Хатт поможет тебе восстановить какие-то полезные воспоминания.

Полли не садится. Обычно она садится на мою кровать и возится с подушкой, пока мы

разговариваем. У меня их две, и мы много раз обменивались ими на протяжении ночи, шепчась между собой. Полли всегда уютно устраивалась здесь, но сейчас она стоит в углу, и я не пойму, почему. Мне это не нравится.

— В чем дело? — спрашиваю я. — О чем ты хотела поговорить со мной?

— Я пыталась подобрать хорошее время, — говорит она, в ее тоне отчаяние. Это не та Полли, которую я знаю. Она неуверенная и нервная, и это заставляет и меня чувствовать себя неуверенно. — Но затем случилось это.

— Просто скажи мне, — прошу я.

— Эйми хотела приехать проведать тебя ненадолго, — говорит она. — Она хочет увидеться с тобой. Она все еще переживает, что потеряла тебя на танцах.

— Она может приехать и проведать меня, когда бы ни захотела, ты знаешь это, — отвечаю я.

— Дело не только в этом, она также хочет приехать и проведать меня.

В этом нет смысла. Я имею в виду, нет смысла не в том, что Эйми захотела повидаться с Полли. Нет смысла в том, что Полли чувствует себя неловко по этому поводу.

— Я не понимаю, — признаюсь я.

— Ты примерно месяц не заглядывала в интернет, правильно? — говорит Полли.

— На самом деле, учитывая лагерь, два месяца, — поправляю я. — А что?

— Ну, если бы ты была на Фейсбуке, Эйми бы добавила тебя в друзья, и ты бы увидела всю переписку, которую мы вели, начиная с лагеря.

— Полли, используй уже чертовы слова, — говорю я. — Ты хороша, когда прямолинейна, а не как сейчас!

— Мы встречаемся, — выпаливает она. — Преимущественно мы сохраняли дистанцию со времен лагеря, хотя я ездила повидаться с ней на День Благодарения. И я не хочу, чтобы ты чувствовала себя так, будто я бросила тебя, как лучшую подругу, потому что ты моя лучшая подруга. Эйми просто...

Она затихает, но я не слушаю. Я могу думать только о двух вещах. Первая, что моя лучшая подруга — лесбиянка, и я была слишком эгоистичной, чтобы заметить это. Вторая — то, как я позволяла ей дотрагиваться до себя все это время, когда она хранила секреты. Это эгоистично. Это худшее, что я когда-либо делала за всю свою жизнь, но я не могу остановить это. Я оставляю ее стоять в моей комнате и бегу в ванную, закрывая дверь. А затем, несмотря на то, что обещала себе, что не буду этого делать, меня рвет прямо на пол.

У Полли всегда довольно много шпилек в волосах, поэтому у нее не занимает много времени, чтобы открыть дверь и увидеть уже вымытый пол.

— Ну, теперь я хороша в хранении секретов? — спрашивает она, присаживаясь на край ванны.

— Ты — да, — отвечаю я. — И, пожалуйста, пойми, все это не реакция на то, что ты встречаешься с девушкой. Это реакция на то, что я временами немного сумасшедшая. У меня есть психотерапевт и все такое.

— Я рада слышать это, — говорит она. — И если это поможет тебе чувствовать себя слегка лучше, ты не мой типаж.

— У тебя есть типаж? — спрашиваю я, на самом деле не задумываясь об этом.

— Что, а у тебя нет? — она смеется, и я чувствую, как мир снова вращается с правильной скоростью.

— Я думала, Лео был моим типажом, — говорю я ей. — И посмотри, как это все обернулось.

— Ты и Лео всегда казались... Я не знаю, дисциплинированными, что ли?

Я фыркаю на это, и она улыбается. Приятно знать, что мы можем вот так разговаривать, и я не разваливаюсь на части.

— Все кусочки выглядели совместимыми, — признаюсь я. — Я думала, что мы будем вместе, по крайней мере, до конца школы.

— Лео думал, что вы с ним будете вместе вечно, — замечает Полли, — что и было в значительной степени твоей проблемой.

Я киваю и прислоняюсь головой к ее коленям. Некоторое время мы сидим в тишине, и это хорошо.

— Когда ты поняла, что тебе нравятся парни? — наконец спрашивает Полли. Я не отвечаю. Как минимум, потому, что не знаю, как на это ответить. — Я просто думала, что все парни, которых я знала, были идиотами, — говорит она мне. — Потом я познакомилась с Эйми.

— Ты рассказала своим родителям? — спрашиваю я. Это важно, потому что моя мама слышала шум, который я только что создала, и будет задавать вопросы на протяжении всего ужина, и, скорее всего, позвонит маме Полли, чтобы поблагодарить ее за воспитание либеральной, полезной и рациональной дочери, как только Полли выйдет за дверь.

— Нет, — говорит она. — Если я расскажу им до того, как Эйми приедет в гости, они будут чувствовать себя по-настоящему неловко, а я не хочу этого.

— Плюс, — добавляю я, ощущая себя болтушкой, какой и была в старые добрые времена, — если ты расскажешь им, они не позволят вам делить комнату!

Полли начинает истерично хихикать, сжимая край ванны, и если бы здесь не пахло рвотой, было бы как раньше: мы тусуемся вдвоем, крася ногти на ногах или пробуя новые прически.

Раздается деликатный стук в дверь.

— С вами двумя все в порядке? — спрашивает мой папа. Мне интересно, разыграли ли они с мамой это на бумажках, в камень-ножницы-бумагу, на камнях, или он просто был недалеко отсюда?

— Я в порядке, спасибо, мистер Винтерс, — говорит Полли. — Просто причудливая реакция на то, что сказала офицер Плуммер.

— С тобой все будет в порядке до ужина? — спрашивает он.

— Ох, ага, — говорит Полли. — Теперь я в порядке. Как вы?

— Серьезно? — шепчу я.

— Эй, он тоже услышал плохие новости! — шепчет она в ответ. Впрочем, папа хорошо слышит нас обеих, потому что смеется.

— Через пятнадцать минут все будет готово, — говорит он. — Я крикну.

— Спасибо, пап, — отвечаю я. Я выкидываю бумажное полотенце и мою руки, плеская водой в лицо и для верности полощу горло.

— Извини, что не сказала тебе раньше, — говорит Полли, когда мы возвращаемся в комнату. — Правильный момент никак не наступал, и я не хотела сбрасывать на тебя что-то еще, когда ты нуждалась во мне.

— Это часть тебя. И я не злюсь или еще что-то из-за того, что ты не рассказала мне. В последнее время я была довольно паршивым другом с точки зрения взаимности.

— Мы в порядке, — говорит Полли, когда садится на край моей кровати. — Я просто... Я боялась, что ты будешь опасаться меня. Я знаю, что ты не боишься парней, не совсем, но ты насторожена. Это бы убило меня, если бы ты была настороженной со мной.

— Я обещаю, что ты все еще можешь спать в моей постели, когда у нас будут пижамные вечеринки, — говорю я, пробегая рукой по старому одеялу. — Если хочешь, я даже скажу Эйми, что ты не перетягиваешь одеяло. Замолвлю за тебя словечко и все такое.

— Ты не посмеешь, — говорит Полли, заливаясь краской. — Я еще не решила, что мы будем делать с договоренностью о ночевке. Я просто не хочу, чтобы мама и папа вмешивались в это.

— Я, определенно, понимаю это, — Лео и я не часто развлекались, но я все равно была раздражена изменением в поведении моих родителей по отношению к нему, когда он перешел из ранга товарища по команде в ранг моего парня. Не то чтобы я изменилась на фундаментальном уровне. — Расскажи мне, как это будет происходить.

Полли снова становится красной. Я смеюсь, но затем быстро становлюсь серьезной.

— Не смей, — говорит она, пронизательная, как никогда. — Это совсем другое и не сравнится с твоим первым разом. Ты, как минимум, должна идти на это осознанно, чтобы все просчитать.

— Существуют правила? — спрашиваю я.

— Конечно, — она смотрит в сторону, взяв с одной из подушек на моей кровати. — Я, эм, возможно, засматривалась на некоторых из них, когда стала задумываться: если бы у меня был секс с другой девушкой, перестала бы я быть девственницей?

— Таких, как ты, больше нет, — и слава Богу. Я не уверена, что смогла бы пережить это.

Теперь мы вдвоем довольные устроились на моей кровати, прислонившись спинами к подушкам. Это хорошие ощущения — близкие и знакомые. Я, с одной стороны, рада, что в моей жизни кто-то еще сделал серьезное открытие о себе, которое не связано со мной. И это, к тому же, положительные ощущения после стольких других.

— Так что, как долго вы планируете скрывать это? — спрашиваю я. Полли по большей части примирилась с образом стойкой, мудрой и популярной девушки, и я совершенно уверена, что никому из команды не будет до этого дела.

— Я не хочу, чтобы команда думала, что я врала им, или другую подобную глупость, —

говорит Полли. Моя голова на ее плече, так что я не могу увидеть ее лица. — Я имею в виду, что у Кларенса со всеми все хорошо, но он вне игры уже вечность.

— Ну, ты знаешь, если захочешь, я унесу это с собой в могилу, — предлагаю я.

— Спасибо, — говорит она. — Я хочу придержать это, чтобы посмотреть, как все будет продвигаться с Эйми. А потом двигаться дальше.

— Великолепно, — говорю я. — Мне нравится иметь план.

Папа зовет нас с нижнего этажа, и мы спускаемся ужинать. Полли выдумывает историю о том, как ее переполнял гнев, и никто из моих родителей не сомневается в этом. Моя тетя позвонила во время ужина, чтобы отчитаться, что в новостях сказали, что действия полиции Онтарио ни к чему не привели, и мама, не вдаваясь в детали, подтвердила это. Моя тетя очень хороша в просмотрах и чтении новостей, поэтому нам не приходится этим заниматься. Они скрыли от журналистов тот факт, что это был ДНК эмбриона, так что даже она не знает каким был вторичный образец. Только все это провалилось.

Мама вешает трубку, когда мы с Полли убираем со стола. В школе появится больше слухов, но после этого, вероятно, все снова стихнет до тех пор, пока я не сделаю рывок, который добудет неопровержимые доказательства.

— Дерьмо, — говорю я, вспомнив о своем обещании, данном доктору Хатту. Я проверяю своих родителей, которые перешли в гостиную, а затем наклоняюсь к Полли. Быть ближе к ней всегда было самой естественной частью моей жизни. — Ну, я вроде как пообещала своему психотерапевту, что буду говорить ему только правду, что теоретически означает, что я должна буду рассказать ему о тебе. Но он реально хорош в конфиденциальных вещах. Помимо того, что он периодически изображал миссис Абернатти, но, как правило, это происходило потому, что он был раздраженным.

— Все в порядке, — говорит Полли. В ней нет ничего неискреннего. Такая Полли мне нравится больше всего. — Я доверяю твоему психотерапевту. Я не уверена, что это актуально, но неважно.

— Ну, мне придется рассказать ему, если Лео снова начнет с кем-то встречаться, — не так просто говорить о Лео, будто он ничего не значит, но я больше не чувствую себя так плохо, когда делаю это. — Так что, я думаю, для меня имеет смысл рассказать ему о том, что моя подруга интересуется девушками и встречается с девушкой, которая винит себя за то, что не осталась рядом со мной на танцах, на которых я была изнасилована.

— Ладно, когда ты поворачиваешь это с такой стороны, то да, — говорит Полли. — Насчет последней части про Эйми, смысл в том, что в то время она смотрела, как я танцую, но мы работаем над этим, и я думаю, она в порядке.

— Как ты любишь говорить, в этом не было ничьей вины, кроме ублюдка, который изнасиловал меня, — напоминаю я ей.

— Я весьма находчива, — говорит она и начинает наполнять раковину горячей водой.

* * *

Когда я рассказываю все доктору Хатту, он смеется на протяжении пятнадцати минут, со слезами и прочей ерундой. Это как бы раздражает.

— Вы это тоже будете пародировать? — спрашиваю я.

— Конечно, нет, — говорит он. — Так изобразить девушек подростков практически

невозможно, особенно, когда они такие друзья, как ты и мисс Оливер. Я смеюсь просто потому, что жизнь такая удивительная и реальная, и я только что попал в мыльную оперу.

— Я буду стараться поддерживать ваш интерес, — говорю я. — И, говоря об этом, нам нужно поговорить о способах возвращения моей памяти.

— Потому что тест на ДНК не сработал? — спрашивает он.

— Да, — говорю я. — И я думала, вы не будете задавать глупых вопросов.

— Это не глупый вопрос, — возражает он. — Все, что я знаю, это то, что ты внезапно стала переполненной каким-то нездоровым любопытством.

— Не совсем так, — спорю я. — И я также не под давлением полиции Онтарио. Офицер Плуммер хочет, чтобы я сделала это, чтобы поймать парня, но она не давит на меня.

— Рад это слышать, — говорит он. Доктор сидит на своем месте на диване так, будто ждет, что его начнут снимать для документального фильма о том, какие раздражительные дети в наши дни. — Хотя я скажу тебе кое-что. Я не большой фанат восстановления воспоминаний. Многие из моих коллег ручаются за гипнотерапию и когнитивные интервью, но я чувствую, что в этом слишком большой простор для продвижения пациента к ответам на вопросы. *(Примеч. Когнитивное интервью — это метод получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им (ими) на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии).* Если хочешь, я могу перенаправить тебя к кому-нибудь, но я думаю, что предпочел бы продолжить лечить тебя и посмотреть, сможем ли мы придумать путь к восстановлению твоих воспоминаний, не прибегая к шарлатанству.

— По телевизору это всегда срабатывает, — говорю я настолько небрежно, как только могу. Я собираюсь выяснить, насколько способен взбеситься этот мужчина, даже если это убьет меня.

— Именно, — говорит он. — Видишь, ты уже начинаешь находить свой спусковой механизм. Если ты сможешь следовать этому в своем собственном темпе, я думаю, что в конечном итоге так будет лучше. Конечно, в этом деле время поджидает, так что если ты ничего не вспомнишь, скажем, к июню, мы рассмотрим другие методы, но я на самом деле думаю, что этот путь лучше.

Я киваю.

— Нельзя сказать, чтобы я тоже спешила с этим. У знания определенно есть свои преимущества, но не знать — это тоже... хорошо. По крайней мере, сейчас. Это то, с чем я научилась справляться, и я думаю, что у меня получается, поэтому я не хочу ничего менять.

— Работай со мной, — говорит он. — И, эй, ты получаешь «А» по математике. *(Примеч. «А» — наивысшая оценка в американский и канадских школах, а также в школах ряда других стран).* Тебе есть, что еще сказать?

— Эйми приезжает в эти выходные, — говорю я. — На танцы по случаю Хэллоуина в пятницу, а затем зависнет здесь вплоть до воскресенья.

— Ты переживаешь, что будешь «третьим колесом»? — спрашивает доктор Хагг. — Как была на танцах в Manitouwabing?

— Не так, как на танцах, нет, — говорю я. — На самом деле, это не считалось, как быть «третьим колесом». Тогда у них просто все только начиналось. Но сейчас, возможно, да. Я понятия не имею.

— Ну, дашь мне знать, как все прошло, — говорит он. — Какой у тебя костюм?

— Черт, — говорю я, и он снова смеется. Я знала, что о чем-то забыла.

Я наряжаюсь в костюм зомби. Полли подавлена, но не потому, что мой костюм слишком устрашающий, а потому, что я выбрала самый уродливый костюм из всех возможных. И думаю, больше всего она раздражена тем, что не может сделать мне прическу.

— Серьезно, — говорит она, сморщив носик, пока Эйми сбрызгивает лаком мои дико начесанные и специально спутанные волосы. — Это какой-то странный вид защитного механизма?

Эйми начинает постепенно привыкать к прямолинейности Полли. Это приятно видеть. Она не вздрагивает от этих слов, просто продолжает разбрызгивать лак. Похоже, в ближайшие две недели мне придется держаться подальше от открытого огня.

— Нет, — отвечаю я. — Это то, что было у меня под рукой.

— По крайней мере, она не зомби-черлидер, — замечает Эйми.

— Спасибо, — благодарю я. Если есть какая-то иерархия в костюмах зомби, тогда, вероятно, я на самом ее дне. Умные и креативные люди одевают костюмы зомби-пиратов или зомби-медсестер. Я просто облажалась. Вполне вероятно, что кто-нибудь подумает, что я нарядилась в бомжа.

— Мы еще недостаточно опоздали? — спрашивает Эйми. Я думаю, что она нервничает. Ее костюм не предусматривает маску, так что другие черлидеры, скорее всего, узнают ее.

— Мы пойдем, как только закончим мой макияж, — говорю я ей.

Я выбираю зеленый и коричневый цвета и наношу их на свою забеленную кожу.

— Может, тебе лучше пойти в костюме Медузы, — предлагает Полли. — Я смогла бы сделать соответствующую прическу.

— Представь, какой интересной могла бы быть твоя жизнь, если бы ты могла видеть свой собственный затылок, — говорю я ей.

— Я подумаю об этом, — парирует она. Она одета в костюм Королевы Червей, не в костюм принцессы, а с огромной короной и в бальном платье, переделанном из платья, в котором ее мама принимала участие на каком-то официальном приеме. Она накрахмалила воротничок и добавила кринолин для объема. Она выглядит поразительно, и каждый раз, когда Эйми смотрит на нее, она краснеет. К счастью, на танцах будет темно. А у Полли будет молоточек для игры в крокет.

Эйми терпеливо сидит на кровати. Полли отклонила костюм кота, который та привезла из Миссиссоги, и вместо него Эйми оделась в костюм вампира, традиционного вампира с клыками и накидкой, а не в сияющего вампира, где требуется слишком много блесток для тела. Ее волосы завиты намного лучше, чем у меня, что немного успокоило Полли, и уложены в таком радикальном стиле, что я опасаясь, что они не переживут такой тряски и жары сегодняшнего вечера.

— Ты уверена насчет этого? — спрашивает Эйми. — Я имею в виду, ты реально хороша в прессинге, но я, на самом деле, нет. Что, если кто-то все поймет по моей вине? Я совершенно готова остаться здесь, если ты не против.

Я чувствую себя очень, очень навязчивой, но Полли садится рядом с Эйми и берет ее за руку, будто они находятся одни в этой комнате.

— Я этого не боюсь, — уверяет она. Это абсолютно точно самая милая вещь, которую я когда-либо видела в своей жизни, не считая щенят. — И я, правда, хочу пойти потанцевать.

— Гермиона? — спрашивает Эйми, подняв на меня взгляд. — Ты в порядке?

— В полном, — отвечаю я. — Я вроде как тоже соскучилась по танцам, и если я запаникую, я хочу, чтобы рядом со мной были люди, которым я доверяю. Это Полли и ты.

— Спасибо, — благодарит она.

— И если кто-то узнает о нас и пойдут слухи, мы просто разберемся с этим, — говорит Полли. — Что не убивает тебя, то делает тебя сильнее, и все такое дерьмо.

— Ты когда-нибудь мечтала о дне, когда твоя жизнь, пусть ненадолго, станет похожей на песню Келли Кларксон? — спрашиваю я. (*Примеч. Келли Брианн Кларксон (англ. Kelly Brianne Clarkson), род. 24 апреля 1982 года, Форт-Уэрт, Техас, США) — американская певица и актриса. Кларксон обрела известность после участия в телешоу «Американский идол» в 2002 году.*)

— Постоянно, — отвечает Полли. — Пойдемте. Мы опоздали достаточно, чтобы избежать неловкости на открытии. Надеюсь, там сейчас достаточно людей, чтобы не чувствовать себя совершенно нелепо.

Это весьма нелепо. Танцы проходят в спортивном зале, потому что потолок кафетерия недостаточно высокий, чтобы можно было повесить прожекторы для вечеринки. Спортзал слишком большой, как для успешных декораций, так и для большого количества пришедших детей. Они выключают свет и позволяют компании по прокату позаботиться обо всем, так что, по крайней мере, спортзал не похож на продуктовый магазин. До сих пор довольно сложно игнорировать баскетбольную сетку и ленты на полу, которыми Кэлдон выделяла наши позиции в танце.

Несмотря на это, нам весело. Обычно танцы на Хэллоуин собирают достаточно много народа, потому что у детей нашего возраста не так много возможностей одеваться как-то необычно. Фойе задекорировано крепированной бумагой черных и оранжевых цветов, а вокруг двери в спортзал вывешены тыквенные головы, потому что отец Мэлори всегда счастлив пожертвовать подобное дерьмо для школы. Мэлори ждет нас в фойе вместе с Карен и Брендой. Если бы Челси не поехала на выходные к своему отцу, то была бы здесь тоже. Когда они видят Эйми, то буквально окружают ее, выкрикивая приветствия (и этим, вероятно, привлекая внимание каждой собаки в радиусе десяти километров) и время от времени стискивая ее в объятиях.

— Эй! — говорит Полли. — Поаккуратней с волосами!

— Все в порядке! Все в порядке! — говорит Карен. — Я бы мало чего смогла добиться в жизни, если бы не знала, как обнимать человека с высокой прической.

Бренда соединяет свою руку с моей, что позволяет всему этому выглядеть более естественно, когда Полли соединяет свою руку с рукой Эйми, и мы все вместе идем на танцы. Здесь типичная толпа прыгающих в центре зала десятиклассников, а большая часть парней тусуется по углам спортзала, прислонившись к трибунам. Кэлдон и часть других учителей патрулируют этаж, хотя я совершенно уверена, что Кэлдон больше волнуется о том, что люди на танцполе слишком близки к ее ленточным разметкам и могут их повредить.

Мэлори, конечно, пытается сделать перерыв, чтобы иметь возможность наблюдать и делать вид, что подсчитывает, кто здесь есть, или типа выполняет задание от студенческого совета, но Полли к этому готова и хватает ее за руку.

— О! Ты не сделаешь этого! — говорит Полли, перекрикивая музыкальные басы.

Мэлори, несмотря ни на что, ухмыляется, и я полностью расслабляюсь. Я нервничала, но такой была моя жизнь раньше, и я скучала по этому. Хорошо снова вернуться. Я позволяю

Бренде вытянуть себя на танцпол, и мы вшестером танцуем так, будто никто на нас не смотрит.

В течение четырех треков парни ломаются, маскируясь и тщательно избегая меня. Только они присоединяются к кругу, начинается медленная песня. Я нахожу быструю дорогу к чаше с пуншем, но Эйми повезло меньше. Тиг ловит ее, и она, улыбаясь, достаточно быстро соглашается потанцевать с ним. Я кидаю взгляд в сторону Полли, но она тоже смеется. Полли всегда, когда дело доходит до общения с Тигом, старается смеяться последней, и мне приходится участвовать в этом до тех пор, пока все это не станет менее реальным.

Полли соглашается на танец с Эриком, который слишком смелый, либо потому что в маске, либо потому что уже выпил. Я замечаю Лео, который также идет в направлении стола с напитками и пытается сменить свое направление, но затем Мэлори удивляет меня, делая это для команды, и хватает его за руку. Он выглядит удивленным, но, тем не менее, идет танцевать с ней. Между ними бездна, и это не выглядит так, будто каждому из них весело, но, по крайней мере, я могу спокойно взять свой напиток. Мгновение я колеблюсь, пока черпаю для себя напиток в стакан. Это не похоже на разбавленный пунш на школьных дискотеках. Но миссис Абернагги караулит тут, сколько я себя помню, с начала времен, так что я просто беру напиток, доверяя ее работе. Я представляю, что по этому поводу здесь тоже было собрано совещание. «Гермиона Винтерс будет на танцах», — говорили они, — «так что вы должны убедиться, чтобы никто не смог ничего подмешать в этот пунш!» или, возможно, там больше говорилось о том, как учителям любыми средствами помешать учащимся заполучить выпивку на территории школы. В любом случае, пунш холодный, именно такой, как и раньше, и я приношу стаканчик для Мэлори в знак благодарности, когда завершается песня, и она улыбается мне.

Снова возвращаются биты музыки, громкие и пульсирующие звуки, от которых нарушается покой в моем желудке, и я чувствую себя некомфортно. Я не могу сразу же узнать песню, что для меня необычно. Эрик держит нас всех в курсе, что нового и танцевального появляется в музыкальной сфере. Я делаю глоток своего напитка, пластиковый стакан царапает мое чересчур накрашенное лицо, и меня словно громом поражает. Не желая этого, я роняю стакан, но в нем не так уж много пунша, так что это не приводит к большому переполоху, когда он падает на пол. Полли, фальшиво флиртующая с Дионом, замечает меня, и ее лицо мрачнеет. Я иду в обратном направлении, стараясь выбраться наружу, но внезапно повсюду меня окружает множество людей.

Тиг поскальзывается на пунше и кричит. Он, однозначно, пьян, потому что обычно этого было бы недостаточно, чтобы свалить его с ног, но он тяжело падает на пол спортзала. На танцполе разворачивается куча-мала, когда Полли пытается пробраться ко мне, но Тиг рукой хватается за юбку, очевидно, там было намного больше пунша, чем я думала изначально, потому что внезапно все люди вокруг начинают скользить. Мое дыхание учащается, а затем я начинаю переживать о том, что это все вообще не остановится.

Чьи-то руки обвивают мои плечи, и я начинаю паниковать. Я в наносекунде от крика, когда узнаю Диона. Он поднимает меня над толпой, унося в угол спортзала, и когда он опускает меня на ноги, я более-менее прихожу в себя.

— Ты в порядке? — кричит он. Он наклоняет свое лицо прямо к моему уху, и он чересчур близко, но если бы он стоял дальше, я бы не смогла его услышать.

— Это все песня, — кричу я в ответ. От него пахнет потом и дешевой косметикой. Не

сосной. И в пунше ничего не было. Я в безопасности.

— Гермиона! — Полли врзается в меня. Эйми сразу за ней. Они тащат меня прочь от Диона, в сторону коридора, где будет тише, и я смогу скрыться от звуков музыки, пока не закончится песня. Слишком шумно, чтобы я смогла сказать им, что я в порядке. Что я чувствовала себя в безопасности рядом с Дионом. Я думаю, они нуждаются в том, чтобы спасти меня. Так что я позволяю им сделать это.

Эйми взяла с собой свой матрас, но когда мы вернулись домой после танцев, мы смыли свой макияж и в изнеможении свалились на мою кровать, как будто нам не по семнадцать, а по семь. Я оказалась между ними двумя, но когда попыталась перелечь, Полли схватила меня за плечо.

— Все нормально, — сказала она. — Ты в порядке? Ты мало что сказала в фойе, и я думаю, это впервые, когда мы ушли со школьных танцев так рано.

Она не ошиблась. Я не чувствую себя так, как сказала, потому что не была уверена, что именно должна была сказать, и когда Эйми предложила нам уйти, я ухватилась за этот шанс. Я танцевала до тех пор, пока они не выдернули меня за дверь.

— Я в порядке, — отвечаю ей. — Просто было реально шумно, и песня, которую поставили, это была та песня, которая играла, когда я выпила пунш с подмешенной дрянью в лагере.

Полли тут же становится обеспокоенной, а глаза Эйми округляются.

— Ты что-нибудь вспомнила? — спрашивает Полли.

— Только песню, — говорю я. — До этого момента, полагаю, я никогда не задумывалась о чем-то таком, но я не помнила, какая музыка тогда играла. Я не вспомнила о том моменте, или чем-то подобном. Только о песне.

— Хочешь послушать ее еще раз и посмотреть, что из этого выйдет? — предлагает Эйми. — Ты можешь послушать, а мы будем здесь, рядом с тобой, если понадобится.

Это заманчиво. Это бы значило, что я больше не окажусь на краю. Я разрываюсь между тем, чтобы стоять на краю утеса или оставаться в безопасности в своем гнездышке, в котором пряталась так много раз за последние несколько недель, что у меня появилось головокружение.

— Нет, — говорю я. — Я думаю, что дождусь следующей встречи с доктором Хаттом. Он будет знать, какие вопросы задать, чтобы помочь мне.

Полли кивает и падает обратно на подушку. Я задумываюсь: мы реально собираемся так спать, уложенные, как сардины?

— Я проголодалась.

— Ты знаешь, где лежат закуски, — говорю я. — Я истощена и не хочу снова спускаться по лестнице.

На самом деле, я подразумеваю, что не хочу снова разговаривать со своими родителями. Когда мы пришли домой, они ждали нас на кухне, снова проявляя заботу. Они не допрашивали нас слишком жестко, но я, правда, не хочу возвращаться и отвечать на еще большее количество вопросов, бессмысленных или, наоборот, слишком осмысленных.

— Вниз и вниз, — выкрикивает Полли. — Я скажу им, что ты распутываешь ту катастрофу, которую называешь прической. Пойдем, Эйми, ты позаботишься о кружках.

Они направляются обратно к лестнице, снова начав хихикать. Я делаю все возможное, чтобы не думать о песне или музыке, или о том, как от этого я себя чувствую, и в результате вместо этого начинаю думать о Дионе. Мы с Лео не совсем придерживались модели подросткового целомудрия, хотя у нас и было негласное соглашение, что один из нас остается в штанах. Я бы не стала заходить так далеко, сказав, что с Лео я чувствовала себя некомфортно, по крайней мере, не до того момента, когда начались эти дикие вещи с

ревностью в Manitowabing, но между нами всегда присутствовали некоторые элементы запрета, когда мы развлекались. Дион дотронулся до меня всего на десять секунд, и, возможно, я одна так на это отреагировала, потому что была эмоционально уязвима, но он ощущался таким безопасным.

Мне стало интересно, было ли это его целью. Если он смог как-то распознать мою панику и решил прийти мне на помощь. Кроме того, он танцевал с Полли. Вероятнее, что она наблюдала за мной, и когда увидела, что я начала паниковать, то сказала об этом ему. Его костюм был менее громоздким, чем ее, так что он мог пересечь танцпол с большей скоростью. Да, в этом есть смысл. В этом не было ничего особенного. Это просто было очень... мило.

Я слышу приближающихся к лестнице Полли и Эйми и делаю все возможное, чтобы прогнать эти мысли из своей головы. Начнем с того, что я точно уверена, что не буду ни с кем встречаться до тех пор, пока не закончу школу. В школе все ведут себя со мной, как с жертвой, но я не думаю, что мои одноклассники будут знать, что делать, если я снова начну вести себя, как обычный человек, или, по крайней мере, как человек, которым была раньше. Что более важно, Дион в одиннадцатом классе. Так просто нельзя.

— Земля вызывает Гермину! — говорит Полли, запрыгивая с ногами на кровать. Я слышу глухой звук и шорох, будто под одеялом хранится дюжина пластиковых коробок и бутылок с газировкой. — Ты выглядела так, будто что-то вывихнула.

— Очень смешно, — отвечаю я, садясь. Я бросаю взгляд на то, что они принесли. — Боже правый, вы оставили что-нибудь на завтрак?

Полли и Эйми, по-видимому, принесли понемногу каждого блюда, что были на кухне, и сложили это все на моей кровати. Мои родители, должно быть, очень рады, что у меня снова есть друзья.

— Твой отец просто передал мне все это, — говорит Эйми, извиняясь.

— Все в порядке, — заверяю я ее, разглядывая чипсы, газировку и леденцы с Хэллоуина, которые засоряют мою кровать. — Спасибо, Господи, за ваше быстрое отступление. Спасибо, Господи, что мама раздала все яблочные леденцы.

— Это так здорово, что вы, ребята, можете раздавать домашние леденцы, — говорит Эйми. — Если бы мы попробовали это сделать в Миссиссоге, то, вероятно, приехала бы полиция, чтобы убедиться, что мы не скользим по лезвию ножа.

— У маленьких городов свои преимущества, — замечает Полли. — Даже если наша ночная жизнь в высшей степени спокойная.

— Ты хотя бы хорошо провела время? — спрашиваю я у Эйми. Вероятно, наши танцы, где играла песня «She Thinks My Tractor's Sexy», она посчитала забавными.

— О, ага, — говорит она. — Было весело никого не знать. Это все, своего рода, надежда черлидеров Святого Игнатия. Вы, ребята, просто смешались с толпой.

— Ну, в этом году все вещи чуточку другие, — говорю я. — Команда стала самостоятельной, в хорошем плане, в основном начиная с момента нападения на меня.

— Это довольно круто, — говорит Эйми. Я ощетиливаюсь, и она быстро продолжает. — Я имею в виду, отстойно, что это произошло благодаря тебе, но если бы что-то подобное случилось со мной, скажем так, я бы, вероятно, перевелась в другую школу. Или перешла на домашнее обучение.

— Я об этом не задумывалась, — говорю я. — Первые недели было достаточно тяжело, но стало лучше.

— Полли держала меня в курсе, — признается Эйми.

— Хорошо, прежде чем мы превратимся в сумасшедших плакс, что, черт возьми, произошло между Лео и Мэлори? — спрашивает Полли. — Полагаю, я что-то пропустила, но она практически бросилась на него!

— Мы с ним в одно и то же время направились к столу с пуншем, — объясняю я. — Мэлори вела себя, как герой.

— Это объясняет, почему эти танцы были самыми странными из всех, — кивает Полли. — Прости, что не смогла спасти тебя от Тига, Эйми.

— Все нормально, — уверяет Эйми. — Он весьма неплохой танцор.

— Еще одна неловкость иметь тесно связанную команду, — говорю я. — Обычно парень с трудом может танцевать.

— Говоря об этом, — оживляется Полли. — Я думаю, должна предупредить тебя, что Дион провел все время, пока мы танцевали, наблюдая за тобой как ястреб.

— Я думала о том, как он так быстро смог оказаться рядом со мной, — признаюсь я. — Обычно ты всегда одна из первых.

— Ну... — выдавливает Полли. — Там было что-то разлито.

— Ничего там не было разлито, — вру я, чертовски надеясь, что не покрылась яркими пятнами. — Он отвел меня в сторону и спросил, в порядке ли я. А затем появились вы, ребята.

— Он был чертовски близко к тебе, — Эйми вроде бы подкалывает меня, но, скорее всего, она думает о том, не собиралась ли я ударить его в пах и убежать прочь.

— Там было действительно шумно, — говорю я. — Я его практически не слышала. Я даже вас не слышала, пока мы не вышли в фойе.

Полли выбирает этот момент, чтобы свернуть пакетик из-под чипсов, и частички жареной картошки от хлопка разлетаются по всей моей кровати. Это эффективно помогает сменить тему.

— Итак, — говорит Эйми, когда мы убрали практически весь беспорядок и вытряхнули одеяло. — Надувной матрас?

— Я устала, — зевает Полли. — Давайте просто ляжем спать здесь.

— Ты не против этого? — спрашивает меня Эйми. Не могу сказать, она переживает о том, что нам будет тесно, или о том, чтобы не быть «третьим колесом», что довольно справедливо, потому что я больше ни в чем не уверена.

— Если и ты не возражаешь, — отвечаю я. — Но я сплю с краю, и я не буду делить одеяло с Полли. Она пинается.

— Гермiona! — протестует Полли. — Ты обещала!

— Ты обсыпала мою кровать совсем не нужным крахмалом, — отстреливаюсь я.

Пока мы заканчиваем приготовления ко сну, все сопровождается смехом. Эйми и Полли достигают негласного решения держать свои руки по большей части при себе. Я понимаю, что они провели не так много вечеров, имея возможность дотрагиваться друг до друга, и выходные с проявлением своих чувств друг к другу были чисто метафорическими. Возможно, мне надо было настоять, чтобы они спали дома у Полли, вместо того чтобы приглашать их после танцев к себе.

Конечно, если бы я так поступила, то осталась бы одна в постели, без закуски и остального, но со странными мыслями о Дионе, плавающими в моей голове. Я практически счастлива этому. Что я все еще могу чувствовать это без желания умереть или без

появляющихся плохих воспоминаний. Если я все еще могу чувствовать, то, возможно, в один день я смогу заняться сексом с тем, кто мне будет нравиться, и это не станет проблемой. Но, в то же время, есть Дион. Он не вещь, он — человек. И я использую его мысленно в разных комбинациях, в качестве эксперимента, чтобы понять, являюсь ли я все еще обычной девушкой.

Я концентрируюсь на воображаемой черно-белой стене, заставляя себя делать вдохи и выдохи в определенном ритме. Доктор Хатт предложил мне этот метод, если у меня будут панические атаки, но я забыла об этом, пока чуть раньше не взревела та музыка. Сейчас я достаточно уставшая, чтобы относительно легко очистить свой разум. Я забываю о Лео и Дионе, о своем уродливом костюме зомби, и о своих опасениях насчет пунша. Я останавливаю себя от представления о том, что скажет мне Дион, когда я увижусь с ним в понедельник утром. Я заставляю себя перестать думать о том, что буду делать, говорить или о чем буду думать, когда увижу его. Рядом со мной очень тихо шепчутся Полли и Эйми. Это звучит так, будто ветер колышет деревья. Будто волны на озере бьются о берег. Я отпускаю и это. А затем я проваливаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь, вспоминаю, где я нахожусь, но не помню, что произошло. На несколько великолепных секунд вокруг царит мир. Полли на своей стороне, ее руки лежат на лице, пока она спит, и это похоже на любую другую ночевку из тех, что у нас были. Я всегда просыпаюсь раньше нее, неважно, в моем мы доме или в ее. Около плеча Полли лежит Эйми. И затем я вспоминаю обо всем, что произошло, и мирное утро рушится. Снова.

На улице снегопад, поэтому я остаюсь под одеялом и жду, пока они проснутся. Я чувствую себя так, будто мешаю им — для них это должно быть важно, но это моя кровать, и я не хочу подниматься. Я решаю отвернуться, и этого движения становится достаточно, чтобы разбудить Полли, которая начинает трясти Эйми с угрозами, что та пропустит панкейки, если еще хоть ненадолго останется в постели. Это что-то новенькое. В любом случае, мои подъемы вместе с Полли по утрам подходят к концу, но это такие изменения в моей жизни, которые, на самом деле, мне нравятся.

* * *

В воскресенье днем Эйми уезжает домой, к этому моменту первый снегопад заканчивается, и, к счастью, после того, как все избавляются от своей внезапной забывчивости, как правильно водить машину по заснеженной дороге. В понедельник утром снег больше не идет, но уже не потеплеет.

Команда черлидеров переходит в режим регулярных тренировок зимнего сезона, что означает, что мы концентрируемся на хореографии и невысоких лифтах до тех пор, пока не станет достаточно тепло и сухо, чтобы мы могли вернуться на улицу для высоких бросков. Это также означает, что мы начинаем фокусироваться на двух специальных номерах. Первый номер, который мы делаем для баскетбольной игры выпускников, что пройдет где-то между Рождеством и Новым годом, а второй номер мы готовим для начальной школы в рамках программы нашей последней вербовки.

На самом деле, это своего рода бессмысленно. Время от времени все слышали об этом от нас еще со времен третьего класса или около того, и если ученики восьмого класса на самом деле хотят в команду, они, вероятно, должны были начать тренироваться с того возраста, который подходит для специального летнего лагеря Кэлдон для начинающих. Но мне нравится показывать шоу, или, по крайней мере, нравилось, так что я не возражаю. Два этих маленьких номера без высоких бросков и без разработки трюков позволяют нам не слишком концентрироваться на эффектных частях черлидинга. Здесь много тяжелой основополагающей работы, танцы, синхронность движений и все такое. Это не только твои крепкие руки и подбрасывание в воздух крошечных блондинок.

Доктор Хатт не понимает ничего в этом. Он никогда не стесняется, высказывая своего рода оскорбительные комментарии в адрес черлидинга. Обычно, это что-то типа: «Знаешь, я впечатлен! Я никогда не ожидал, что черлидеры так хороши в математике». Это немного бесит, но, к сожалению, в этом нет ничего нового. По-видимому, не имеет значения, как сильно ты стараешься. До тех пор, пока ты остаешься черлидером, ты никогда не будешь настоящим атлетом.

Хотя он мгновенно заинтересовывается, когда я рассказываю ему о своей реакции на песню на танцах. Мы пропустили первые две недели ноября, потому что ему нужно было быть на какой-то конференции, так что это первый раз, когда он слышит о моем прогрессе. После танцев на Хэллоуин я купила эту песню на «Айтюнс», хотя до сих пор так и не слушала ее. Я не напугана, вернее, не совсем, но я веду себя чересчур осторожно. К тому же, это не одна из великих песен, которую я была бы рада послушать, не взбесившись при этом. Когда он просит меня об этом, я включаю песню и сажусь на свое кресло, закрыв глаза.

— Ну? — спрашивает он, когда первый раз заканчивается песня. Я скинула ее в отдельный плейлист, поэтому другой трек не играет, когда эта мелодия заканчивается.

— Ничего, — говорю я. — Может, это слишком быстро.

Доктор Хатт поднимается и добавляет звук. Одновременно он ставит песню на повтор.

— Думай о танцах, — велит он.

— О каких именно? — спрашиваю я.

— Это не важно, — отвечает он. — Просто сделай все возможное, чтобы думать о звуках, о том, как там было темно, как много людей тебя окружали.

— Я думала, вы сказали, что не доверяете методу когнитивного интервью, — замечаю я, но сама уже застряла в мыслях об этом.

— Ты когда-нибудь читала справочные материалы без какого-либо поощрения? — спрашивает он. — Отлично. Это типично тяжело для черлидера.

И еще одно очко в его пользу на сегодняшний день.

— Спасибо, — говорю я.

— Дальше без разговоров, — распоряжается он и нажимает пуск.

В этот момент я могу ощутить музыку даже своими костями. Это не тот же уровень басов, по большей части потому, что моим родителям нравятся их соседи, но это намного больше похоже на звуки с танцев. С закрытыми глазами я практически могу представить, что нахожусь в спортзале, в окружении остальных людей, и танцую. Песня начинается снова, и я открываю глаза.

— Держи свои глаза закрытыми, — говорит доктор Хатт. Ну, он практически прокричал это.

Даже сквозь музыку я могу слышать скрип дивана. Он поднимается. Потребность открыть глаза переполняет меня, но я держу их закрытыми. Я ощущаю движение половиц под его ногами и понимаю, что он идет через комнату к тому месту, где оставил свою сумку, когда заходил в гостиную. Хоть я и не могу услышать, что он там делает.

Я двигаюсь еще до того момента, как осознаю это, откидываюсь назад на спинку кресла. К счастью, оно большое и не опрокидывается. Мои глаза открыты, и время от времени нога стучит по полу, и я замечаю в руках у доктора Хатта баллончик, как я понимаю, очистителя мебели с запахом сосны, хотя только одному Богу известно, откуда он его взял. Мое дыхание ускоряется, сердце колотится, и я не могу найти пути выхода из этой комнаты, потому что этой комнате положено быть безопасной, а доктор Хатт просто стоит там, глядя на меня.

— Выключите это, — кричу я. Я не уверена, имею ли я в виду убрать музыку, что вполне возможно сделать, или запах, а вот этого сделать нельзя. — Выключите это!

Он делает это, Слава Богу, и без музыки запах ощущается не так плохо.

— Ну, — говорит он до абсурда спокойно, когда садится обратно на диван. — Ничего с того времени?

Я обхожу кресло и снова сажусь, зажав голову между колен, пока мое сердцебиение не восстанавливается.

— Я думаю, что ненавижу вас, — говорю я.

— Даже после всей той помощи с математикой, которую я оказал тебе? — спрашивает он. Его тон мягкий и нейтральный, но я вполне уверена, что если попытаюсь ударить его в лицо, он будет готов остановить меня.

— Заткнитесь, — говорю я. — И нет, я ничего не вспомнила.

— Это была довольно бурная реакция для того, кто ничего не вспомнил, — замечает он.

Я мечтаю о том, чтобы открыть окно и прогнать этот запах, но до тех пор, пока за окном зима, я не могу этого сделать.

— Я не вспомнила ничего полезного. Просто ощущения.

— Расскажи мне, — просит он. — А я решу, полезны ли они.

— Это типа тех ощущений, что и на танцах, — объясняю я. — Я вспомнила, что это была та песня, что играла в лагере. Я вспомнила, что воздух пах сосновыми деревьями. Я только не могу вспомнить, с кем я тогда была.

— Итак, ты не можешь вспомнить о том, что произошло, но начинаешь вспоминать о том, что все это произошло на самом деле? — предполагает он, и я осознаю, что это именно то, что и происходит.

— Это шаг вперед, правильно? — спрашиваю я. — Я имею в виду, хороший шаг.

— Да, — говорит он. — При условии, что ты хочешь вспомнить.

— На самом деле, нет, — говорю я. — Я имею в виду, я могу прожить без знания всех деталей, но это, по крайней мере, может помочь мне со страхами о потерянном времени и с ежедневными подъемами.

— Я думаю, это поможет, — говорит он. — Хочешь попробовать еще раз?

— Нет, — возражаю я. — Думаю, на сегодня этого достаточно.

— Тогда мы просто оставим это на потом, — говорит он. А затем смотрит непосредственно на меня. — Итак, не считая возвращения памяти, как в целом прошли твои танцы?

— Эйми и Полли, судя по всему, неплохо поработали над этим, — говорю я. — Все было замечательно. И Мэлори повела себя как герой и танцевала с Лео, так что нам не пришлось стоять вдвоем в одно время около столика с пуншем.

— Ты с кем-нибудь танцевала? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. — Ну, не медленные танцы. Я была с группой танцующих, пока песня не спровоцировала мою память. После этого мы сразу ушли.

— Но было весело? — допытывается он. — Без неловкостей или чего-то такого?

— Иисус, — вздыхаю я. — Я даже от мамы никогда не получала таких вопросов.

— Твоя мама не получала такую обширную подготовку в области того, какие именно вопросы нужно задавать, — замечает доктор Хатт. — Слушай, я понимаю, эта песня будто отворачивает тебя от амурных дел, но факт в том, что ты можешь продолжать близкую дружбу без ее полного пересмотра, с этой точки зрения все, что произошло, это хорошо. Я хочу быть уверенным, что ты будешь держаться этого курса.

— Значит, нас таких двое, — признаюсь я.

— Хорошо, — говорит он. — Итак, расскажи мне, что еще произошло на танцах.

Черт, откуда он всегда все знает?

— Когда я свихнулась, — говорю я, и он кривится, поэтому я поправляюсь, — когда у

меня началась паническая атака, один из парней моей команды, Дион, подошел к тому месту, где я находилась. Там была толпа, и я не могла выбраться из нее, и я повсюду разлила свой пунш, а он просто поднял меня и перенес к трибунам.

— И это заставило тебя еще больше паниковать? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. — Наоборот. Это произошло, и я понимала, что это все дурацкая песня, но это было мило. Не страшно. Не волнующе. Просто... мило.

— Люди теперь не так часто касаются тебя, да? Я имею в виду, помимо тренировок с твоей маленькой командой поддержки.

Второе очко. Вероятно, он составляет эти фразы как компенсацию упущенной возможности обижать меня во время рождественских каникул.

— Нет, — говорю я. Я замечала это и прежде, но это впервые, когда я услышала эти слова. До того, как меня изнасиловали, всегда были руки на моих плечах и внезапные объятия. Были легкие заигрывания в коридорах. Сейчас это происходит только во время тренировок, всегда профессионально, за исключением танцев, и смотрите, к чему это привело. — Я имею в виду, Полли, и мои мама и папа снова стали регулярно обнимать меня, но не так, как раньше.

— Выглядит так, будто ты скучаешь по этому, — замечает доктор Хатт. — Даже если и боишься этого. В обоих случаях, это нормально. Когда Дион поднял тебя, ты просто внутренне боролась собой и поэтому победила. Это превосходная новость, когда ты задумаешься над этим.

Я думала об этом, несмотря на то, что после танцев велела себе этого не делать. Доктор Хатт намного более объективен, чем я, что одновременно и хорошо, и плохо. Я имею в виду, что хочу, чтобы мои чувства были настоящими, но также я не хочу, чтобы эти чувства у меня были на первом месте.

— Вы думаете, я должна? — спрашиваю я.

— Подумать об этом? — спрашивает он. — Дотрагиваться до людей? Снова начать встречаться с кем-нибудь? Будь более конкретной.

— Я... — начинаю я, но затем проваливаюсь. Я не знаю.

— Послушай, Гермiona, — говорит он, вздохнув. — На самом деле, я не советчик в плане свиданий. Ты должна сначала спросить об этом у себя, а затем я помогу тебе со всеми последствиями на твоём пути. Я также не могу сказать всем людям, окружающим тебя, как правильно им вести себя рядом с тобой. Но совершенно точно, что ты должна об этом подумать, потому что ты уже начала это делать. Просто дай мне знать, что ты решила, и я буду готов добавить это в твоё досье.

— Вы собираетесь однажды написать обо мне книгу? — подозрительно спрашиваю я.

— Черт, нет, — говорит он. — Когда мы с тобой закончим, я отправлюсь рыбачить в Маскоку, и, вероятно, никогда не вернусь назад.

— Спасибо, — говорю я. Он смеется, и я чувствую, что должна пояснить. — На самом деле, нет. Я не это имела в виду. Я рада, что не являюсь тем особенным случаем, который продвинет вашу карьеру. Меня реально тошнит от мысли об этом.

— Я знаю, Гермiona, — говорит он. — Это одна из причин, почему уровень моей работы такой низкий.

— Какие-нибудь планы на Рождество? — спрашиваю я.

— Не совсем, — говорит он. — Семья и все такое. У тебя?

— Черлидинг, — отвечаю я. — Это никогда не прекратится.

— Если ты так говоришь, — соглашается он. — Но, в любом случае, я вернусь в январе, а ты должна быть готова к сдаче итогового теста по математике. Конечно, это означает, что нам придется найти что-то, о чем мы сможем говорить на протяжении твоего второго семестра.

— Не переживайте, — успокаиваю его я. — Я притягиваю драмы. Вы сможете помочь мне пробежаться по тексту или типа того.

Впервые я думаю, что расстроила его. Но это того стоило.

Прежде чем я осознаю это, наступает февраль. Спасибо Рождеству и итоговым экзаменам, потому что оба события настолько заняли всех, что ко мне перестали относиться как к особенной, или чужой, или новичку. Был только один короткий момент неловкости на игре выпускников перед Новым годом, когда я подслушала, как один из баскетболистов спрашивал, какая из черлидерш та «изнасилованная девушка». Мэлори посчастливилось стоять достаточно близко, и ее выражение лица меня выдало. Часть игры люди наблюдали за мной, но, не считая этого, все в порядке. Сейчас мы тренируемся для школьного турнира, а затем настанет время увеличить обороты для провинциального, и, если все пойдет по плану, то и для национального турнира.

Я стала больше общаться со своими родителями, особенно после того, как поймала своего отца, исследовавшего программы дистанционного обучения на своем ноутбуке по вечерам.

— Ты хочешь, чтобы я получила университетский диплом, сидя в своей комнате? — огрызнулась я, и тут же сменила свой резкий тон на извиняющийся. Я подкинула своим родителям замечательную маленькую мысль, что им должен понравиться десятичасовой перелет от дома в Европу, но, увидев выражение боли на лице отца, я взяла в расчет то, что он чувствует себя виноватым за все случившееся.

Так что мы поговорили о поступлении в университет, и я объяснила, что мои планы и мечты не изменились. Мы сопоставили расстояние и репутацию и выбрали университет с тремя лучшими программами. Я сделала все возможное, чтобы объяснить, что я не инвалид. Я знаю, что они меня поняли, потому что отец стал чаще посещать церковь по воскресеньям, а мама перестала подавлять свои веселые яркие улыбки, когда спрашивала меня о том, как прошел мой день в школе. Отец снова молится о чем-то оптимистичном, а мама знает, что я не просто делаю вид, что все хорошо. Они спрашивают о своей обновленной дочери не больше, чем я прошу относиться ко мне по-новому, но мы работаем над этим, и в процессе этого мы понимаем, что ни одна из самых важных вещей в нашей жизни не изменилась, несмотря на все бедствия.

Я стала проводить больше времени с Мэлори и другими черлидерами двенадцатого класса, и меньше времени непосредственно с Полли. Я думаю, это хорошо для нас обеих. Я знаю, что она всегда будет моей лучшей подругой, как и я для нее, но мы, определенно, собираемся в разные университеты, так что ее отношения с Эйми — это практически тренировка перед тем, как мы больше не будем жить в одном районе. Эйми скрупулезно относится к тому, чтобы проведать меня, когда приезжает в город, и я никогда не чувствую себя неловко или «третьим колесом». Но когда Полли едет к ее родителям, меня рядом нет. Это немного ранит, но я знаю, как бывает хорошо сделать что-то в одиночку, так что не держу обиду. Она все еще звонит мне практически каждый вечер перед сном, и она все еще является первым человеком, которая встанет на мою защиту, если я буду в этом нуждаться. На данном этапе мы просто учимся быть самостоятельными. Еще до изнасилования, я понимала, что этот год станет концом чего-то. Я просто думала, что буду в состоянии контролировать этот конец.

Я не имею ни малейшего представления, что делать с Дионом. Я не могу избегать его, потому что он в команде. Во время тренировок он ведет себя полностью профессионально.

Он выполняет подъемы и поддержки без задержек. Но за пределами тренировок я замечаю изменения. Непонятно как, но он всегда рядом, улыбается и никогда не подходит достаточно близко, чтобы коснуться меня. Я думаю, что смогла бы справиться с этим, если бы он пригласил меня в кино или еще куда-нибудь. Если бы он положил свою руку мне на плечо в кафетерии. Я представляю, как бы отреагировали на это остальные. Полли вполне смогла бы убить его на месте. Лео бы глазел, но он всегда так делал, когда кто-нибудь был милым со мной. Тиг бы рассмеялся и сказал какую-нибудь неуместную непристойность о похищении из кровати, а Мэлори делала бы все возможное, чтобы вести себя так, будто ничего не произошло.

За неделю до Зимнего Бала после тренировки я убираю на места маты. Сейчас я делаю это для себя, потому что у меня впервые свободное утро. Я могу пойти в душ последней, даже если придется ждать появления горячей воды, это не будет иметь значения. Когда Дион подходит, чтобы помочь мне, я уже знаю, как именно все будет происходить, несмотря на то, что не уверена, как вести себя, когда мы к этому придем. Полагаю, мне нужно привыкать к таким ощущениям.

— Гермиона, — говорит Дион. По крайней мере, он спокоен. Если бы он нервничал, я бы, вероятно, убежала прочь. Я могу справиться с этим так долго, пока один из нас остается уравновешенным.

— Привет, Дион, — мой голос не скрипит. Превосходно.

Я вижу, как он раздумывает, рассматривая свои варианты. Будем ли мы говорить о хоккее или о номере, который только что отработывали? Или о погоде? Выражение его лица меняется, и я понимаю, что он решил покончить со всем и просто сделать это.

— На следующей неделе Зимний Бал. Не хочешь пойти на него со мной? — он произносит это спокойно, чтобы снять напряжение, если я буду удивлена, но я не удивлена. Хотя я все еще не знаю, что собираюсь ответить, так что притворяюсь, что борюсь с раскладкой матов. Конечно, это приводит к обратным результатам, потому что Дион — джентльмен, и он подходит, чтобы помочь мне.

— С радостью, — отвечаю я. Я сжимаюсь в ожидании волны паники от возможности выхода из зоны комфорта, но ничего не происходит. В конце концов, я хочу пойти на танцы. У меня есть платье и все необходимое.

— Круто, — говорит он и улыбается. Я вижу небольшую нервозность в его улыбке, но он счастлив. Я не могу сгладить неловкость или просто избежать сцены; но могу сделать его по-настоящему счастливым. Не знаю, когда последний раз делала это. — Какого цвета твое платье?

— Темно-фиолетовое, — быстро говорю я, думая о том, что это также сделает счастливой и мою маму. — Но не цвета баклажана.

Дион кивает. Это значит, что он будет делать так постоянно. Он заедет за мной, потом, вероятно, будут цветы и фотографирование.

Он все еще не прикасается ко мне. Он делает все это, все еще не будучи уверенным, что я буду танцевать с ним. В конце концов, я ни с кем не танцевала на Хэллоуин, и, помимо черлидинга, я ни с кем не танцевала со времен лагеря.

— Хорошо, — говорит он. — Я достану билеты. Могу я заехать за тобой в восемь?

Танцы начинаются в восемь. Мы опоздаем, и поэтому не сможем эффектно появиться. Меня это устраивает. Я вздыхаю, все еще неуверенная, нужно ли мне вернуться обратно к укладке матов. Я делаю его счастливым. И он не ломает меня. Это может сработать.

Именно в тот момент я понимаю, что это не сработает. Или сработает неизбежно. Я бросаю последний мат в стопку и поворачиваюсь к Диону лицом.

— Дион, подожди, — зову я.

Он встречается со мной взглядом, и я могу сказать, что он уже знает. Вероятно, наши отношения могут стать самыми быстрыми отношениями во всем мире. Я ужаснейший человек.

— Я не могу, — говорю я ему. — Я имею в виду, я могу. И хочу этого. Но по неправильной причине. Мне не нужен бойфренд, и, безусловно, прямо сейчас я не на той стадии, где могу быть чьей-то подружкой. Я просто... я просто хочу...

— Ты хочешь просто посмотреть, сможешь ли зайти в темную комнату с парнем, — отвечает он. — Я понимаю это. Я думаю, это нормально. Или, по крайней мере, полезно.

— Я не хочу использовать тебя, — говорю я. — Это было бы нечестно.

— Спасибо, — говорит он. — За честность. Рад знать, что не пугаю тебя. Это было бы отстойно.

— Извини, — отвечаю я. Наверно, я собираюсь произнести это слово еще миллион раз.

— Все в порядке, — говорит он снова. — Ты хотя бы потанцуешь со мной?

— Я танцую с тобой постоянно, — шучу я, но мы оба знаем, что я имею в виду.

Дион стоит близко. Очень близко. Я могу чувствовать его дыхание в своих волосах, около моего уха. И у меня нет панической атаки. Это хорошо. Конечно, именно поэтому мне приходится сказать «нет». Я не могу быть настолько беспристрастной. Это нечестно. Но он не двигается с места.

— Только один танец, — шепчет он, и это звучит как вопрос. Выбор, который я принимаю. Я немного люблю его, совсем немного, за то, что дает мне право выбора. И это тот момент, когда я понимаю, чего именно боюсь. Я не боюсь, что использую его. Я боюсь, что влюблюсь в первого человека, который со мной мил, только потому, что он мил. Слава Богу, что я не во вкусе Полли. — Только один.

— Хорошо, — шепчу я в ответ. Я дрожу. Я не хочу пугать его, но не могу остановиться. Хотя, я думаю, что он тоже дрожит, потому что он не замечает этого.

Он целует меня. Не так, будто я сломаюсь, но и не слишком решительно. У него теплые губы, и он раньше уже целовался, потому что он небезнадежен. Одна его рука на моем бедре, а другая на моей шее, запутавшись в моих волосах. Он после душа, а я все еще пахну тренировкой, но, очевидно, его это не волнует. Он не целует меня так, будто я девушка, которую он не хочет напугать, или девушка, которую он хочет впечатлить. Это просто честно. Просто. С отсутствием вспышек. Проклятье, почему это должно быть таким милым?

Когда он отклоняется, я дышу чуть тяжелее, чем должна. Поцелуй был почти беззвучным, и я не паниковала, но я могу чувствовать волны, пробегающие по моей спине.

— Мне нужно, чтобы ты меня понял, — говорю я. — Что бы ни случилось, это не связано с тобой.

Мне действительно нужно, чтобы он меня понял. Потому что однажды я могу захотеть, чтобы он снова меня так поцеловал.

— Я понимаю, — отвечает он. — Нормально и полезно, помнишь?

— Отлично, — соглашаюсь я.

Затем я разворачиваюсь и бегу в женскую раздевалку. Все остальные уже ушли, потому что прозвенел звонок. Я захожу в душ и остаюсь здесь намного дольше положенных пяти минут, которые нам выделяют на использование школьного душа. Вода становится все

холоднее и холоднее, но я не выхожу. Я не оцепенела. Я могу чувствовать каждую каплю, каждую сосульку, попадающую в мои волосы и стекающую на мою кожу. Вместе с ними смывается и пот от тренировки, и пыль от матов, и боль от удерживания Полли на своих плечах, пока мы репетировали поддержки. Вода не забирает воспоминания, или ощущения, или мысли. Я стою в душе, и единственное, что уходит в водосток, это вода.

Он меня поцеловал. Я просто стояла там, но позволила ему поцеловать себя. И я не сломалась. И не сошла с ума, ну, не слишком. Я не плачу, и меня не тошнит, и я не использую номер телефона доктора Хатта, который он мне дал на чрезвычайный случай или если появятся воспоминания.

Дион поцеловал меня, и я могу чувствовать воду. Я чувствую себя живой.

— Итак, Гермiona, — спрашивает репортер газеты. — Что является самым лучшим в черлидинге в школе Палермо?

— Конечно, моя команда, — отвечаю я, глубокомысленно кивая, будто совершенно точно уверена в том, о чем говорю. Каждый год, прямо перед финалом Провинциальных соревнований, в нашей местной газете появляется обзор о черлидинге, и как со-капитан я даю интервью. Это похоже на речь перед костром, только менее искреннюю, потому что репортер уже решила, о чем именно будет писать. Если бы мы хотели чего-то нового, нам бы пришлось над этим поработать, а мы с Полли решили, что это на самом деле того не стоит. Кроме того, мы отвечаем именно на те вопросы, которых и ожидали. — По большому счету, черлидинг — это коллективная работа, фактически, ты доверяешь кому-то поймать тебя, когда падаешь, и я не могла бы представить лучшей команды, чем наша.

Полли делает тот трюк с закатыванием глаз, практически не шевелясь, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Ее поддельный настрой работает во всю мощь, но так как репортер не очень хорошо ее знает, она не может знать, что все происходящее лишь шоу.

— Что насчет тебя, Полли? — принужденно спрашивает репортер. — Какая твоя самая любимая часть?

— Понимание того, что школа так близка ко мне, а я практически за ее пределами, — говорит она. Ее неискренность невыносима, но это заметно, только если ты знаешь, что искать в ее словах.

— Хорошо, хорошо, — бормочет репортер, записывая это все в свой блокнот. Затем она поднимает голову и смотрит прямо на меня. — Гермiona, после того нападения в конце прошлого лета, есть ли у тебя какие-нибудь советы другим девушкам, как быть достаточно умной, чтобы с ними не случились такие ужасные вещи?

— Ч-что? — заикаюсь я. Позади меня задорный настрой Полли плавится и капает на пол. Этого нет в сценарии.

— Возможно, какие-нибудь предупреждения, которые вы бы сами хотели когда-то получить, — поясняет репортер. — Или что-то, о чем бы вам хотелось узнать до того, как вы отправились в лагерь Manitouwabing?

— Я думала, вы здесь, чтобы взять интервью о черлидинге, — говорю я, отчаянно увиливая от ответа. Я знаю, без сомнения, каким бы ни был мой ответ, он будет дословно напечатан в газете, и это слегка выводит меня из себя, потому что это застает меня врасплох, и я должна была это предвидеть. Я могу чувствовать, как Полли начинает закипать, но все-таки пока сдерживается. Она заставляет меня взять инициативу в свои руки. Мне придется быстренько что-нибудь придумать.

— Лагерь Manitouwabing не закрыли, — комментирует репортер, не обращая внимания на резкое изменение нашего настроения. — Это означает, что другие черлидеры из этой школы поедут туда вновь. Вы не думаете, что должны что-то сделать, чтобы предотвратить такие ужасные вещи?

От злости мой разум пустеет. Даже несмотря на то, что мне есть, что сказать мудрого и полезного, а также, возможно, слегка саркастичного, я говорю первое, что приходит мне в голову.

— Если бы я была парнем, спросили бы вы меня об этом?

— Ну, нет, — отвечает репортер. — Конечно, нет.

— Итак, давайте разберемся, — говорит Полли, ее голос обманчиво спокойный. — Вы считаете нормальным, спрашивать девушку, которая была одета в красивое платье, у которой была милая прическа, которая пошла на танцы со своими друзьями по хижине, выпила немного пунша, как и все остальные... Вы считаете нормальным спрашивать об этом эту девушку, которая допустила ошибку, и вам в голову не приходит спросить парня о том, как ему избежать чьего-то изнасилования?

Репортер делает шаг назад, будто Полли ударила ее, и выглядит так, словно не может подобрать правильные слова.

— Стала бы эта история лучше, если бы Гермiona знала, что именно она пила? Если бы ее юбка была на два сантиметра короче? Если бы ее рост был ниже среднего?

Сейчас от Полли исходит как огонь, так и холод. Я никогда в своей жизни не видела такой взрослой отдачи. Это дарит мне баланс, будто Полли ловит меня и снова ставит на ноги.

— Ага, я не уверена, что хочу отвечать на вопрос, — говорю я. — Поскольку он недостаточно правильный. И единственный человек, который во всем виноват, это мой насильник. Никак не лагерь, и уж точно не я.

— Я не пыталась этого предположить, — начинает она, отчаянно записывая все в блокнот, но я прерываю ее.

— Мне все равно. Лучше бы в вашей статье не появилось никаких цитат, кроме наших слов о черлидинге. Я могу развернуть такую кампанию, которую вы даже представить не можете.

— И у нее это здорово получится, — добавляет Полли, скалясь. — А сейчас нам надо идти в школу. Спасибо за интервью.

— Удачи на Провинциальных соревнованиях, — произносит репортер. Это абсолютно механическое прощание.

Полли берет мою руку, и мы вместе покидаем спортзал так, будто это наш личный дом. И на самом деле, вроде как так и есть. По пути мы минуем Лео, который, как неофициальный лидер мужской части команды, дал интервью прямо перед нами. Он не хочет встречаться со мной взглядом, но я знаю, что он все слышал.

Мы добираемся до раздевалки, и Полли начинает переодеваться в школьную одежду. Сегодня мы были одеты полностью в свою форму, частично для съемок, а частично потому, что хорошо время от времени практиковаться в юбках, чтобы понять свои ограничения. Тем не менее, я медлю. Прошло много времени, все синяки поблекли. Единственное реальное повреждение — эмоциональное, ну, это и когда я сделала аборт.

Полли смотрит на меня.

— На самом деле, я не думала об этом, — говорю я.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, натягивая через голову юбку и собираясь поправить прическу и макияж.

— Я знаю, что это не было моей виной, — отвечаю я. — И никто не говорит об этом вслух, но это именно то, о чем все думают.

— Я так не думаю, — заверяет меня Полли. — Даже в глубине души.

— Ты — это не все, — говорю я. — Ты — Полли. Я имею в виду остальных.

— Наверняка, Лео думает именно так, — говорит Полли. — И так считает телевидение. Я больше не могу смотреть *CSI*, ты знаешь. (Примеч. «*C.S.I.: Место преступления*» (англ.

CSI: Crime Scene Investigation) — американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса, Премьера которого состоялась 6 октября 2000 года на канале CBS). Я от этого очень злюсь.

— Извини, — говорю я, ухмыляясь так, чтобы она поняла, что на самом деле я не имела этого в виду. — Я знаю, что ты обожала эти шоу.

— Заткнись, — огрызается она. — Я серьезно.

— Я ценю это, — уверяю ее я. — Это просто сбило меня сегодня, когда она задала этот вопрос. Я никогда не слышала, чтобы кто-то говорил об этом так громко.

— Люди всегда будут тупыми, — говорит Полли. — Я думаю, что мы напугали ее настолько, чтобы она не пустила в печать ничего из этого.

— Что есть, то есть, — говорю я.

— Поторапливайся, — подгоняет она. — Я хочу поговорить с Кэлдон до того, как начнутся занятия. Она должна была выяснить, куда нас назначат на Провинциальных.

Так как Онтарио самая большая провинция, соревнования разделили на два уровня. Два победителя из обоих объединений плюс следующие достижения по количеству набранных очков. Это вроде как разыграть удачу, но объединения завершаются перевесом в одну или другую сторону. Если мы попадем в легкое объединение, нам удастся немного расслабиться. Если попадем в сложное объединение, вероятно, нам придется отказаться от социальной жизни вплоть до следующей весны. Возможно, Кэлдон вообще не выпустит нас из спортзала.

Я переодеваюсь в свою одежду и поправляю волосы. На мне нет косметики, и когда я разворачиваюсь, Полли стоит прямо передо мной с помадой в руках. Я слегка приоткрываю рот, чтобы она смогла накрасить мне губы, и не вовремя вспоминаю о том, как перед Зимним Балом меня поцеловал Дион.

— Эээ, Дион поцеловал меня перед Зимним Балом, — говорю я, правда только после того, как она отворачивается от меня, чтобы не остаться с полосой от помады на лице.

— Не может этого быть! — обалдевает она. — Ты позволила какому-то парнишке из одиннадцатого класса поцеловать себя? Господи, Гермiona, где твоя гордость?

Я так сильно смеюсь, что мне приходится присесть, и когда Полли тянет меня вверх, чтобы я встала на ноги, а потом ведет на выход, она тоже смеется. Дойдя до кабинета Кэлдон, мы все еще продолжаем хихикать. Технически, она делит его с тремя другими учителями физкультуры, но с тех пор, как они преподают также и математику, то большую часть времени проводят на ступеньках кафедры математики.

— Я не хочу знать, — говорит Кэлдон, махнув рукой и приглашая нас войти. Годы, проведенные со взвинченными старшеклассниками-черлидерами научили Кэлдон достаточно неплохому подходу к нашим проделкам, но она выглядит немного серьезней, чем обычно, слишком серьезной, даже если мы и попали в сложное объединение. — И я не узнала о распределении.

— И? — спрашивает Полли, сразу перейдя к делу.

— Ну, команда Святого Игнатия в другом объединении, — сообщает Кэлдон. У нее абсолютно каменное лицо, и Полли, надо отдать ей должное, смогла сдержать ровное выражение лица. Она не распространяется об этом в школе по большей части потому, что ей нет дела ни до кого-либо, но Эйми часто приезжает к нам, и совсем не потому, что является частью моей группы поддержки.

— Это очень кстати, — говорю я. — Что-нибудь еще?

— Наше объединение выглядит довольно неплохо, — говорит она. — С нами обе школы

Сарнии (*Примеч: Sarnia — город в Онтарио*), и они очень сильны, но мы сможем с этим справиться. Я переживаю о школе Сир Адам Бэк, недалеко от Лондона. Думаю, на этом все.

— Здорово! — отвечает Полли. — Итак, мы едем на Национальные. Что вы нам не договариваете?

За последние несколько месяцев я стала так хороша в прочтении людей, что и забыла о том, как трудно прочесть Кэлдон. Я лучше присматриваюсь к ней и понимаю, что Полли права. Она знает что-то, что ей не нравится, и она пока не может решить, как лучше сказать нам об этом.

— Обычно некоторые школы Торонто принимают гостей, когда соревнования проходят в Онтарио, — говорит она. — Но в этом году большинство заявок поступило с северных школ, и они решили объединить всех.

— Выглядит честно, — говорит Полли. — Даже если они не подготовятся, у них все еще будет много других мест, и мы сможем справиться с долгой поездкой на автобусе, если нам придется ехать в Тандер Бэй или еще куда-то.

— Не в Тандер Бэй, — говорит Кэлдон. — Условием было выбрать место не севернее Садбери, даже несмотря на то, что по правилам место должно быть достаточно большим, чтобы вместить всех людей, приехавших на Национальный Чемпионат.

— И что же они будут делать? — спрашиваю я.

Кэлдон колеблется, а затем наклоняется вперед.

— Они арендовали место, которое достаточно большое, — говорит она. — Там будет место для проживания и приема пищи. Настоящее соревнование развернется снаружи, что будет бесить каждого с запада, но с нами все будет в порядке, поэтому, мне все равно.

— Кэлдон, — говорит Полли тоном учителя, который я никогда раньше от нее не слышала. Но я все поняла. Это именно тот вид бюрократического кошмара, который всегда случается, когда бы западный Онтарио не выиграл право на проведение каких-либо соревнований. Я кладу свою руку на руку Полли, потому что знаю, что как только Кэлдон скажет это, Полли взорвется. Слава Богу, мы не узнали об этом до встречи с репортером. Голова Полли, вероятно, взорвалась бы.

— Они арендовали лагерь, — говорит Кэлдон. — Национальный чемпионат в этом году пройдет в лагере Manitouwabing.

Я делаю все возможное, чтобы не думать о Национальных соревнованиях вплоть до того момента, пока мы не пройдем Провинциальные. В обоих случаях мы делаем одно и то же, так что, обычно, нет никаких трудностей. В этот раз все немного сложнее из-за того, что я знаю, где именно будет проходить финальный чемпионат, но я справляюсь. Кэлдон усердно работает с нами вплоть до последней недели, а потом ненадолго тренировки прекращаются, чтобы никто ничего не переломал себе, так как все либо уставшие, либо напряженные. Наша сильная сторона — хореография; мы максимально используем время в паузах между музыкальными композициями. В целом, у нас есть десять минут, и мы должны провести семь с половиной минут из них с активными кричалками. Часы начнут свой отсчет в тот момент, когда я, как со-капитан, дотронуся до мата, и в этот момент наступит черед Полли. Штрафуют за повышения или понижения, или резкость движений, но у нас достаточно практики, чтобы наша точность была на высшем уровне.

Автобус быстро доезжает до Лондона, и я могу видеть, как каждый в своей голове считает шаги и прокручивает слова композиции, под которую мы будем выступать. Мы проезжаем три дома, пока не достигаем места назначения, и незамедлительно принимаемся за очень серьезные дела типа прически и макияжа. Понятия не имею, чем занимаются парни помимо того, что сидят здесь и еще больше нервничают, но это тот самый момент, когда девушки наконец-то просыпаются и начинают вести себя как чрезмерно энергичные девчонки, но я привыкла справляться с этим.

— Дженни, подойди и сядь здесь, — говорит Левша, это прозвище после сегодняшнего голосования мы дали Саре с темными волосами. Добром это не кончится.

Дженни подходит и садится, и Сара начинает вплетать золотистые ленточки в ее косички. У каждой из нас настолько крепкие прически, насколько это вообще возможно в наше время. Это необходимо, чтобы минимизировать вероятность возникновения катастрофы, что означает «рыбий хвост» или французские косы у тех из нас, у кого длинные волосы, и миллион заколок у светловолосой Сары, чьи волосы длиной до подбородка не поддаются даже парикмахерским навыкам Полли.

— Все будет хорошо, — заверяет Карен, когда светловолосая Сара поднимает руку, ощупывая свою голову.

— Мне, правда, очень жаль, — говорит она. — Я не думала, что так получится, когда подстригала их. Я вечность не ходила с такими короткими волосами. Но я обещаю, что они быстро отрастут. Я справлюсь с...

Она останавливает сама себя. Не думать о Национальных соревнованиях. Я заставлю ее выйти из комнаты и сплунуть, если она скажет это, и она знает, что я так и сделаю.

— Пляжным сезоном, — поправляет она себя, несмотря на то, что в этой фразе нет ни малейшего смысла.

— Гермiona, твоя очередь, — говорит Полли, и я сижу, пока она прикрепляет ленту к моим волосам. Все парни брюнеты, так что они одеты во вторую часть расцветки нашей школы. Кроме того, черные ленты, определенно, намного дороже, так что мы приберегли их на особый случай. Полли практически пихает меня, когда заканчивает с моими волосами, и прежде чем успеваю понять это, я уже среди подготовленной толпы.

— Все встаем! — команду я, и они выстраиваются для проверки. Звучит глупо, но

намного, намного лучше решить все проблемы с одеждой в раздевалке, чем на сцене. Я прохожусь взглядом вверх и вниз, проверяя футболки и залакированные волосы, пока не дохожу до конца шеренги. Я смотрю на Полли, она ухмыляется и кивает.

— Ладно, давайте разыщем ребят, — говорит Полли. Она так счастлива и взволнована, что фальшивая поддержка звучит намного реальнее, чем когда-либо.

Парни, увидев нас, кричат и мяукают, — честно говоря, я должна была заметить, что оценивающие взгляды между Камероном и Алексис взаимны, — и провожают нас взглядами, повернув головы, когда мы проходим мимо них. Это часть нашего ритуала перед выступлением, и это та часть, которую я больше всего люблю. Ты не сможешь одержать победу без выступления, но можешь ее почувствовать, и прямо сейчас я чувствую, что все возможно.

— Ладно, давайте обнимемся, — говорю я, и все восемнадцать человек сжимают друг друга в объятиях. — Я знаю, что это был странный год, но я бы не хотела пройти через это ни с кем другим, кроме вас.

Это точно не та воодушевляющая речь, которую я планировала произнести. Брови всех приподнимаются. Лео смотрит в пол, а я продолжаю.

— Вы меня вдохновляете, именно вы, ребята, — продолжаю я. — Вы вдохновляете меня, и в этом и есть смысл черлидинга. Вы заставляете людей, команду, думать, что они смогут все, потому что вы верите в них. Вы поверили в меня, когда я сама в себя не верила. И сейчас я верю в вас. Мы — «Боевые Золотые Медведи», и мы собираемся победить.

Они кричат вокруг меня, и даже Лео улыбается. Я знаю, что наши крики слышны и снаружи, где нас ждут Кэлдон и Флори. Мои родители и большинство других родителей приехали сюда вместе, и будут болеть за нас, когда объявят наш выход. Я приглашала доктора Хатта, но все, что он ответил, это: «Я думаю, что болеть за черлидеров, это, на мой взгляд, слегка экзистенциально», и удалился чертить линии на Макбете.

— Леди и джентльмены! — я слышу голос диктора, и выкидываю из головы мысли обо всем, кроме нашего номера. — «Боевые Золотые Медведи» из средней школы Палермо!

Мы выбегаем наружу, сверкая улыбками и лентами, и когда включается музыка, мы идеальны. Мы выполняем весь номер, который снова и снова репетировали на тренировках, но в этот момент все по-настоящему. Этот момент — главный. И когда мы заканчиваем, толпа ликует, а когда судьи выставляют за наше выступление самые высокие оценки за этот соревновательный день, крики становятся еще громче.

Автобус увозит домой все, кроме тишины, и я когда захожу в дом, я все еще в приподнятом настроении. Вечеринка проходит у Мэлори, потому что ее родители не против того, чтобы восемнадцать подростков сильно шумели у них в амбаре. Кэлдон угрожает смертью любому, кто выпьет, но ей не стоит беспокоиться — даже Тиг боится матери Мэлори, и большое спасибо ей за лед, который она приготовила для нас еще с обеда. Мы слишком долго задерживаемся, уже становится темно, все еще немного прохладно для уличной вечеринки, и пока Полли везет меня домой, я не могу перестать смеяться и улыбаться, и говорить ей о том, какие мы крутые.

Мои родители на кухне, ждут меня, и как только я захожу в дверь, я уже знаю причину этому. В первый раз с прошлого сентября мои родители усаживают меня для серьезного-серьезного разговора.

— Это не потому, что мы не хотим, чтобы ты ехала, — сразу переходит к делу папа. — И это не потому, что мы считаем это опасным. Просто... ты добила такого прогресса. Ты

настолько далеко продвинулась, чтобы не оглядываться назад. Ты уверена, что хочешь это сделать сейчас?

Мне интересно, будет ли у меня такой же разговор с доктором Хаттом в четверг? По всей вероятности, они уже сами позвонили ему. Я не могу винить своих родителей за то, что они отошли в сторону и позволили разбираться со мной специалисту. Я уж точно никогда не думала об этом в таком ключе. Несколько месяцев назад я сказала маме, что мне нужно, чтобы она оставалась для меня мамой, и по сегодняшний день так и есть. Мне кажется, я готова, чтобы мои родители снова заняли главную роль.

— Я знаю, что тебе трудно найти слова, чтобы это объяснить, — говорит мама. — И это нормально. Нам не нужно это понимать. Мы просто хотим, чтобы ты сказала это вслух.

У них определенно был разговор с доктором Хаттом. Полагаю, в этом есть смысл.

— Хорошо, — отвечаю я. — Была не была.

Папа улыбается и перестает рвать на кусочки салфетку в подставке, которая стоит прямо перед ним.

— Вещи, которые на самом деле помогли мне прорваться сквозь трудности всего этого года, и не только через последствия от нападения на меня, а через все, что происходило с нормальными выпускниками в их последний год в средней школе, связаны с черлидингом, — говорю я. — И я очень его люблю, о чем вы оба хорошо знаете. Так что, даже несмотря на то, что это будет означать, что мне придется быть на публике, именно поэтому я буду держаться за черлидинг. Это то, что я люблю.

Мама кивает и возвращается обратно в свое кресло. Она ничего не записывает, но у нее превосходная память.

— Знаете, как действуют персонажи в тех банальных фильмах «Если мы не сделаем этого, террористы победят»? — спрашиваю я.

— Да, — кивает папа. — Обычно это происходит перед взрывом.

— Ну, не стоит преувеличивать, но примерно так я себя чувствую, решив вернуться в Manitouwabing для черлидинга, — говорю я. — Если я сейчас откажусь, или отступлю только из-за расположения места для соревнований, я не выиграю. А я, правда-правда, хочу победить.

— Звучит хорошо, — одобряет мама. — Если ты снова наткнешься на репортеров, так им и скажи.

В газетной статье ничего не написали из того нашего разговора, но на всякий случай я рассказала своим родителям о тех нелепых вопросах, которые мне тогда задавали. Мама намного превосходит меня в написании петиций.

— Естественно, мы приедем посмотреть, — уверяет папа. — Ну, я приеду.

Мама использовала свой отпуск за год, взяв его, чтобы присматривать за мной в прошлом сентябре. Она могла бы разыграть карту «моя дочь — жертва насилия», но я рада, что она не стала этого делать, даже несмотря на то, что будет отстойно, что она пропустит мой Национальный чемпионат. В конце концов, я планирую надрать несколько серьезных задниц.

— Ну, для этого Бог и изобрел телефоны с камерами, — говорит мама.

— Я не уверена, что Бог изобрел телефоны с камерами, — возражаю я ей.

— Вероятно, он с этим помог, — говорит она. — Ты ела у Мэлори? Полагаю, нет. Что ты хочешь на ужин?

Технически, у меня подготовка, и поэтому должна питаться здоровой пищей. Но я все

еще чувствую, как растворяюсь в этом моменте, поэтому мы садимся за свой воскресный ужин с мороженым.

— Никогда никому не говори, что я позволила тебе это, — предупреждает мама.

— Не переживай так сильно, милая, — успокаивает ее папа. — У нее уже есть превосходный психотерапевт.

И так я понимаю, что с нами все будет хорошо.

Часть 4

Настала весна, сорняки пустили свои корни.

Между Провинциальными и Национальными соревнованиями целый месяц мая. Я получаю приглашения от каждого университета, в которые подавала документы, то же самое и у Полли. В первую субботу месяца она приходит ко мне, и мы обсуждаем, какой университет выбрать.

— Теперь нам на самом деле надо сделать выбор, — говорит она. Мы сидим на моей кровати с брошюрами из всех шести университетов, которые раскиданы вокруг нас. Это немного сложно.

— Ты, по крайней мере, претендуешь на некоторые программы в трех разных университетах, — говорю я ей.

— Это было очень умно с моей стороны, — допускает она.

Черлидинг не квалифицируется как вид спорта, даже в девятой поправке, никому из нас не получить атлетическую стипендию нигде в пределах южной границы. Множество людей думают, что мы получаем их, во многом потому, что время от времени черлидеры из Палермо получают стипендии гимнастов в Штатах, что отнюдь не является нашей квалификацией. Когда мы с Полли учились в десятом классе, один из выпускников как раз это и сделал, и отправился в университет Флориды, но большинство из нас отправятся в учебные заведения Канады за свои собственные деньги, или за счет любой стипендии, которую только сможем себе отхватить.

— В Гамильтоне реально ужасное качество воздуха, — говорю я ей, кидая брошюру McMaster к ее ногам.

— Ага, но кампус великолепен, — замечает она. — И это величайший учебный госпиталь. Кроме того, мы живем будущим! Они, наверно, накрывают себя чем-то на подобии воздушного пузыря, и это, определенно, должно быть весело.

— Угу, — соглашаюсь я. Я перетасовываю свои три брошюры. Я была идиоткой, остановившись на трех разных программах. Мне просто нужно было выбрать одну. — У программы исследования древности и археологии в Карлетоне есть вариант годичного обучения за рубежом в университете Эдинбурга.

— И тонна предложенных денег для тебя, — замечает Полли. — Кто знал, что у такой крошечной блондинки есть мозг?

— Заткнись, — говорю я. — Ты хуже доктора Хатта. Он утверждает, что это благодаря его репетиторству.

— Знаешь, возможно, он не так уж и не прав, — размышляет Полли. — В этом году ты была слишком заиклена на этом и черлидинге.

— Пожалуйста, не напоминай мне, — прошу я. — Не позволяй мне выбрать университет только из-за того, что он далеко отсюда.

— Ты всегда собиралась уехать отсюда подальше, — напоминает мне Полли, что является правдой. — Но также ты собиралась и вернуться назад.

— Если я поеду в Карлетон, то смогу приезжать домой только на праздники, — говорю я. — Не на выходные.

— Но тебе придется ехать на поезде, — говорит она. — Плюс, ты будешь жить в столице, где происходит наибольшее колебание температур.

— Серьезно? — спрашиваю я.

— Холоднее только на Улан-Баторе, — усугубляет она.

— Я не уверена, что это весомый аргумент, — спорю я.

— Эй, скажи это Королеве Виктории, — говорит она. — Я думаю, тебе больше нравятся исследования древности, чем обычная история культуры кельтов, разве я не права? Плюс, ты всегда сможешь выбрать себе уроки кельтского. Если ты уедешь в Карлетон, то сможешь увидеть все еще до того, как станешь специалистом.

— Вот это хороший аргумент, — признаю я и хмуро смотрю на письмо из Карлетона. Полли права. Они предлагают мне хрену кучу денег и обещание обучения по обмену в Шотландии, в добавок ко всему прочему, Департамент сделал все так, что очень сложно от этого отказаться. — Никаких глубоких мыслей насчет Брока?

— Это был твой безопасный вариант, и мы обе об этом знаем, — говорит она, пренебрежительно махнув рукой.

— Эй, они заслуживают большего, — возражаю я.

— Неважно, — она возвращается обратно на подушку, и я прислоняюсь к ней.

— Значит, Карлетон и McMaster, — говорю я. — Мы сошлись во мнении не идти в университет, в названии которого содержится имя.

— Несомненно, — подтверждает она. — К тому же, Гамильтон и Оттава — оба на одном железнодорожном маршруте, так что это будет не так плохо.

— Все никогда уже не будет прежним, — говорю я, глядя в потолок. Я чувствую дыхание Полли на своей щеке и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

— Нет, — шепчет она. — Не будет. Никогда уже. Тебе бы хотелось остаться в этом навечно?

— Боже правый, нет, — возражаю я. — Я думаю, мы уже достаточно выпотрошили потенциал кафетерия нашей школы. Я готова к общественным столовым залам.

— Ты абсолютно нелепа, — она вздыхает. — Давай позовем остальных девчонок, и мы сможем вместе отправить наши ходатайства на вид на жительство.

«Мы живем будущим», — сказала она. Я думаю, что снова к этому готова.

* * *

Бренда работает, но Челси и Карен появляются спустя пять минут после того, как мы позвонили им. Мэлори потребовалось больше времени, потому что она возвращалась с города, и также потому, что плохая погода. Когда она заходит в мою комнату, то сообщает, что папа хочет знать, планируем ли мы заказать пиццу или собираемся попозже организовать рейд на кухню.

— А потом он сказал что-то о Наполеоне и России, но на самом деле я не заострила на этом внимание, потому что читала сообщение от Кларенса, — говорит Мэлори.

Я выхожу за дверь и кричу так громко с лестницы, как только могу:

— Делай, что хочешь, Россия! Мы справимся!

— Что хотел Кларенс? — спрашивает Карен. Она скинула все свои вещи, касающиеся университета, на пол, потому что на кровати не оставалось места.

— Он получил приглашение со школы бизнеса Лорье, но также повторное с экономической школы Ватерлоо, — говорит Мэлори. — И почему-то, он решил, что я в состоянии ему помочь.

Мэлори собирается стать медсестрой, что, как она сказала, гораздо менее захватывающе в отличие от того, чем каждый из нас собрался заниматься, а я сказала, что это, вероятно, означает то, что она получит работу намного быстрее.

— Люди доверяют тебе, на этом все, — говорит Полли. — Что весьма кстати для врача.

— Спасибо, — благодарит Мэлори и подмигивает.

— Мы с Полли определились, — сообщаю я. — Я еду в Карлетон.

— А я еду в Мак, — добавляет Полли.

— Технически, я тоже еду в Мак, — говорит Мэлори. — Но это скомбинировано с Conestoga, так что я поеду жить в Kitchener.

— Наркоманка! — заявляет Челси, и мы втроем впадаем в мгновенное замешательство.

— Почему из всех слов ты выбрала именно это? — спрашивает Карен, бросив в нее подушкой. — С тем же успехом ты могла бы уехать жить на Луну.

Существует множество шуток на тему продолжительности бушующего сезона и сохраняющейся значимости Канадской Защищенности, но, на самом деле, я не особо заостряю на этом внимание. Мысли о будущем, как эта, как мысли о поцелуе с Дионом — это что-то, о чем я рада знать, что могу сделать, но в данный момент не воспринимаю в серьез.

— Мы можем никогда больше не увидеть друг друга, — говорит Мэлори. — В этом вся суть. Всегда есть такая вероятность.

— На этом хватит, — говорю я. — Мы здесь, чтобы убедиться, что никто не будет слишком грубым в своем ходатайстве на вид на жительство, а не для того, чтобы говорить о том, какими несчастными мы будем в сентябре из-за разлуки друг с другом.

— Это пропускаем, — командует Полли, и мы все возвращаемся к нашим анкетам. Полли мгновенно перетасовывает их, а затем передает мне, держа лицевой стороной вниз. Я закрываю глаза и вытягиваю одну наугад.

— Мэлори! — провозглашаю я, и Полли протягивает мне ручку. — Однокомнатная или двухкомнатная?

— Однокомнатная, — говорит Мэлори в тот момент, как все остальные кричат, — двухкомнатная!

Я внимательнее присматриваюсь к брошюре.

— У тебя все еще будет своя собственная спальня. Вы будете делить только кухню. Также, это намного дешевле.

— Хорошо, — говорит Мэлори, — но если мне понадобится помощь в спасении, я призову всех вас к ответственности.

— Конечно, — говорит Полли.

Мы заполняем те части анкеты, где говорим о том, какой одержимой чистюлей и тихоней является Мэлори, несмотря на то, что на самом деле она своего рода грязнуля. Карен говорит, что всегда лучше соврать о подобных вещах, так есть шанс, что тебе не попадется какой-нибудь сумасшедший.

— Если все врут, не попадется ли мне в любом случае кто-нибудь сумасшедший? — спрашивает Мэлори.

— Без разницы, кто следующий? — спрашиваю я и передаю Мэлори ее заполненную анкету, а она проверяет ее.

Следующей мы заполняем анкету Полли, также вынуждая ее выбрать двухкомнатный вариант жилья, хотя мы и не преувеличиваем ее любовь к чистоте. Карен будет жить со

своей тетей, так что мы не заполняем ее анкету вообще, и справляемся с анкетой Челси, не комментируя слишком много ее выбор жить в Тандер Бей.

— И, Гермiona, — говорит Полли, переворачивая мою анкету и забрав у меня ручку.

— Делай свое грязное дело, — говорю я.

Полли заполняет анкету, принимая советы ото всех остальных, и это не сильно отличается от того, как я бы сделала это сама. Они бы могли позволить мне выбрать однокомнатную квартиру, если бы я надавила, но комнаты в Карлетоне достаточно приличных размеров, и я не против их делить. Как единственный ребенок в семье, я никогда не делала этого прежде, и я представляю это, как получение хороших жизненных навыков.

Хотя, по большей части, это относится к тому, чтобы быть окруженной людьми, которые хорошо меня знают.

Наше будущее решено, и я спускаюсь на первый этаж. Папа что-то готовит, и как следствие этого все поверхности кухни заставлены, так что я решаю попозже заказать пиццу или две.

— Я говорил тебе! — кричит он, когда я поднимаюсь наверх с телефоном.

— Говорил! — кричу я в ответ. Я закрываю дверь за своей спиной и спрашиваю у всех, кто какую начинку предпочитает. Вы думаете, что их выбор я должна знать назубок, но Карен становится экспериментатором, когда дело касается начинки для пиццы, и обычно между ней и Мэлори проходят достаточно сложные переговоры, прежде чем мы сможем сделать звонок, так как Мэлори предпочитает исключительно сырную начинку.

На данном этапе большинство девушек, вероятно, врубили бы музыку и красили друг другу ногти, но с тех пор, как мы стали профессионально заниматься, вместо всего этого мы предпочитаем скучковать на кровати и смотреть фильмы. Так очень тесно, но мы справляемся до тех пор, пока Полли не начинает злиться от предсказуемости заговора в фильме и садится, размахивая руками и крича на вымышленных персонажей.

— Кларенс собирается ехать в Лорье, — докладывает Мэлори приблизительно на трети фильма. Мы останавливали фильм так много раз, прерываясь на пиццу, попкорн и походы в туалет, что я едва могу вспомнить о том, что происходило в самом его начале. Хотя сейчас все приближается к развязке, к одному из этих счастливых концов, которые может обеспечить только Голливуд. Плохой парень будет пойман, и после этого все будут жить счастливо.

Сейчас у мамы проблемы с фильмами. Она не может смотреть, как арестовывают людей, потому что это убивает ее. Теперь она практически не читает фантастику. Она не знает, что я это заметила, что еще хуже, потому что это означает, что мы не можем поговорить об этом. Я хочу сказать ей, что это нормально, что я не переживаю, что плохого парня не поймали. Она сделала себе установку на мою долгую счастливую жизнь, и, по ее мнению, для этого должно случиться правосудие, но я уже сделала свой выбор.

Я собираюсь отправиться в Карлетон, где буду дышать свежим воздухом зимой и горячим воздухом летом. Я отправлюсь по обмену в Шотландию и выясню, на что, черт возьми, похож на вкус хаггис. Я сяду на поезд, а потом проеду восьмичасовой путь на машине. Я заведу новых друзей и, в конце концов, перестану быть черлидером. Я не знаю, что со мной будет, когда это произойдет, но я не боюсь. И я сделаю все эти вещи независимо от того, поймал ли плохого парня или нет, потому что мой план всегда был таким. Я думаю, что могу остановиться на своем собственном плане. Я думала, что моя речь у костра означала, что я изменила традиции школы Палермо и переписала будущее. Я думала о

стольких вещах.

— Куда собирается ехать Лео? — спрашивает Челси, и я признательна, что моя реакция не намного хуже, чем косой взгляд от Полли.

Моя жизнь не будет долгой и счастливой в традиционном смысле, но я сыта по горло традициями маленького городка.

Мне нравилось здесь расти, и это место навсегда останется моим домом, откуда я родом, но это заканчивается. Мы впятером больше никогда не будем проводить время вместе вот так. Когда-нибудь я проведу целые недели, не видя Полли. И это будет жизнь, которую я выбрала сама. Можете не сомневаться, я собираюсь жить счастливо.

— Эй, — говорит Полли, нежно толкая меня, пока остальные встают и потягиваются. — Слишком серьезное лицо для конца такого фильма.

Появляются титры. Я забыла о том, что произошел грандиозный эпизод. Но все в порядке. Я буду жить.

В тот момент, когда я вхожу в школьный автобус, я понимаю, что допустила ошибку. Мне следовало приехать вместе с отцом завтра утром, пропустить всю эту шумиху перед соревнованиями и избежать каждой лишней секунды нахождения в лагере Manitouswabin. Я не думала, что все будет так плохо. Я не думала, что буду так остро чувствовать запах деревьев. В конце концов, сейчас другое время года — весна, а тогда было лето, — и я думала, этой разницы будет достаточно. Ветрено, поэтому волны на озере грохочут об скалы на побережье, вместо того чтобы слегка задевать их, как было прошлым летом. Я закрываю глаза и понимаю, что намного ближе к панической атаке, чем была на протяжении всех прошедших месяцев.

— Гермиона! — кричит Тиг, а Полли хватается меня за плечо. Она несильно трясет меня, но этого достаточно, чтобы успокоить меня.

— Извини, — говорю я. — Я не была готова к этому.

— Просто оставайся сосредоточенной, — советует Полли. И она не имеет в виду победу на Национальных соревнованиях.

В отличие от того времени, когда мы были здесь в лагере, сейчас все двенадцать девушек Палермо разместились в одной хижине. Это единственное, чего не было летом, и Полли с радостью напоминала об этом всю дорогу, пока автобус тащился к лагерю. Мы с ней застолбили себе двухъярусную кровать напротив входа. Как со-капитанам, нам следовало занять кровати ближе к центру хижины, но мы уступили их Дженни и Алексис, которые вероятнее всего будут выбраны вместо нас на будущий год. Ночью здесь точно будет прохладно, но мы все привезли с собой спальные мешки и фланелевые пижамы.

Полли достает из чемодана свой купальник и кладет его на кровать. Я уже готова выдать саркастический комментарий по поводу загара, когда замечаю, что и все остальные девушки выуживают купальники с сумок.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — спрашиваю я.

К моему удивлению, мне отвечает не Полли, а Мэлори.

— Мы хотим сделать что-нибудь сумасшедшее всей командой, — говорит она. — На озере будет реально холодно, поэтому мы только окунемся, но мы не хотим, чтобы ты расстраивалась из-за этого. Мы не захотим попасть в контрольный список или еще куда-то до тех пор, пока ты сама этого не захочешь.

— Хотя мы все равно поставим ее в затруднительное положение, — подхватывает Дженни. С тех пор, как она непреднамеренно пустила слухи обо мне, она крайне аккуратна в словах, которые говорит мне.

— Нет, — говорю я. — Нет, это великолепная идея. За исключением того, что у меня нет купальника.

Мой купальник пролетает через все помещение хижины от Полли ко мне и бьет меня по лицу. Все хихикают.

— Спасибо, — благодарю я. — Надо полагать, парни снаружи?

— Готовы и ждут, — кивает Астрид. Она снова подросла, и Полли пришлось в автобусе перешивать подол ее юбки, потому что она забыла об этом. Швы получились немного кривые, потому что в каждом школьном автобусе дорога ощущается очень уж ухабистой, но они не слишком заметны. Хотели мы этого или нет, в этом году все подросли.

— Тогда ладно, — говорю я, и вскоре дюжина девушек уже в купальниках и с полотенцами.

— Нам позволено плавать? — спрашивает Мэлори. — Я об этом как-то никогда не задумывалась.

— Я узнавала, — говорит Карен. — Кэлдон сказала, что мы можем ходить на озеро, когда захотим, если мы настолько глупые, чтобы сделать это.

— Давайте сделаем это до того, как я передумаю, — просит Полли и бросается вперед, чтобы открыть дверь хижины.

Парни стоят и ждут нас, они в майках, плавательных шортах и с полотенцами на плечах.

— Будет не так уж и плохо! — говорит Кларенс. — Я плавал у коттеджа в мае, было прохладно, но нормально.

— В твоём коттедже горячая ванна, — замечает Мэлори.

— Мы можем прижаться друг к другу, чтобы согреться, — говорит Тиг.

— Я быстрее поцелую вуки, — парирует Полли. (*Примеч. Вуки (англ. Wookiee), в буквальном переводе — «народ деревьев», раса волосатых двуногих гуманоидов, которые жили на планете Кашиик. Героисаги «Звездные войны»*).

Мы все направляемся к пристани. Уже прибыли несколько других команд, пропустивших распределение, но когда мы сами по себе маршируем мимо них к озеру, никто не высказывает в наш адрес серьезных возражений.

— Несколько правил! — объявляет Тиг. — Ладно, на самом деле правила только два. Все прыгают с края пристани. Как только вы оказываетесь в воде, то остаетесь на месте, пока не спрыгнет вся команда. Если по какой-то причине вы не прыгните и оставите всех нас тонуть, мы вернемся с креативной идеей мести.

— Это глупая игра, — говорит Полли, поглядывая на меня, но я уже далеко.

Они нашли меня там, где деревья вырастают прямо из озера, прежде чем вытягиваются вверх к облакам. Там я лежала без сознания и наполовину погруженная в озеро, где плоские серые скалы и розовые камни гранита. И теперь я снова собираюсь туда прыгнуть.

На середине пристани останавливаются бок о бок Лео с Тигом, Эрик прямо за ними. Кажется, они обсуждают порядок прыжков, и наконец-то Эрик просто скидывает полотенце и бежит к краю. Когда прыгает, он кричит, коротко и резко, и замолкает, прежде чем достигает воды с громким всплеском. Тиг и Лео следуют прямо за ним, а затем обе Сары и Астрид.

— Как вода? — спрашивает Дион, когда они выныривают на поверхность и перестают плескаться друг на друга.

— Освежает, — говорит Эрик. Его зубы практически не стучат, но тем не менее. — Вам определенно лучше как можно быстрее присоединиться к нам.

Один за другим мы прыгаем. Озеро заполняется всплесками, дрожащими друзьями, и вдруг здесь больше не страшно. Это просто озеро. И я люблю плавать.

— Пойдем, Гермiona, — кричит Кларенс. — Здесь чертовски холодно!

Я смеюсь и притворяюсь, что озеро может слышать меня. Я представляю, что оно понимает: я не боюсь его. Мы оба оказались в неудачном месте. Но это не причина, чтобы мы избегали друг друга. Я делаю глубокий вдох, вытягиваю руки над головой и отдаюсь этому ощущению. Я аккуратно прорезаю воду, которая шокирующе холодная, и выныриваю рядом с Дионом, который барахтается в воде. Я ложусь на спину, и слабый июньский закат согревает мое тело. Один долгий момент я плыву, ощущая вокруг себя воду, а затем рядом со

мною всплывает Полли и утягивает меня под воду.

Я всплываю на поверхность, отфыркиваясь, а она смеется. Дион тоже смеется, а я понимаю, что мне нравится видеть его улыбку. Неподалеку барахтаются в воде Лео и Тиг, и впервые за долгое время Лео улыбается мне. Возможно, он начинает понимать. Хотя, на самом деле, мне все равно. Я не хочу быть ни для кого образцом, чтобы быть лучшим человеком.

— Мы уже можем выходить? — спрашивает Камерон. Его лицо слегка посинело.

— Думаю, это великолепная идея, — соглашается Тиг и плывет к лестнице.

Несколько девушек пытаются выбраться наружу. Это возможно, но босиком неудобно из-за угрожающего нашествия полосатых моллюсков. Большинство из нас просто ждут своей очереди к лестнице. Справедливости ради, я решаю, что раз я была последней прыгнувшей, то и выходить из воды тоже должна последней. Я барахтаюсь в воде около лестницы, но не близко, чтобы пресекать людям путь.

— Ты выглядишь счастливой, — говорит Дион, тяжело дыша недалеко от меня. Он может бегать и танцевать вечно, но судя по всему плавать ему тяжело. На самом деле, я не удивлена. Парни не всегда легко плавают.

— Так и есть, — говорю я. — Я не была уверена, что буду, но так и есть.

— Это хорошо, — вздыхает он. — Чем будешь заниматься летом?

— Вероятно, работать, — говорю я. — Пока не знаю, где именно. В прошлом сентябре мои родители собирались помочь мне найти работу, но потом передумали.

Мне комфортнее не договаривать. Это не избегание или отрицание. Это просто естественное течение разговора.

— Я работаю на отца Мэлори, — говорит он. Мы плывем ближе к лестнице, когда толпа редет. — Рано утром, но зато это означает, что мне не надо работать, когда слишком жарко, и я могу провести это время на пляже.

— Звучит хорошо, — отвечаю я. — Хотя, лично я надеюсь на работу в магазине с кондиционером.

— Каждому свое, — говорит он. — Но если ты когда-нибудь захочешь потусоваться со мной после обеда, я буду более чем счастлив.

Я вспоминаю наш поцелуй, и хотя мне не должно быть тепло в холодной июньской воде, это напоминает мне о том, что я могу быть нежной. Мне нравится быть нежной.

— Было бы здорово, — говорю я, и мы улыбаемся друг другу как идиоты.

— Гермiona, пойдем! — зовет Полли. — Я хочу принять горячий душ перед ужином!

Дион поднимается по лестнице, а я следом за ним.

— Увидимся на ужине, — говорит он и направляется в сторону хижины парней.

— Ты позволила ему снова себя поцеловать? — спрашивает Полли, наклоняясь ближе ко мне, так, чтобы больше никто не смог услышать, но мне все равно, кто может услышать.

— Нет, — отвечаю я. — Но в будущем я не исключаю такой возможности.

— Ты невероятна, — говорит Полли, шлепнув меня своим полотенцем.

— Что? Он перестанет быть одиннадцатиклассником, — я танцую вне зоны ее досягаемости.

— Ага, но ты будешь студенткой, которая собирается уехать осенью в Оттаву, — Полли обворачивает полотенце вокруг себя. Безусловно, слишком холодно, чтобы проводить свободное время снаружи.

— Я пересеку этот мост, когда доберусь до него, — говорю я. — Не все мы можем

выбрать один и тот же университет, как и наши половинки.

— Это было совпадение, — протестует Полли. Я рада тому, что этот факт является правдой, но это все еще меня поражает.

— Как скажешь, — говорю я, и поднимаюсь по деревянным ступенькам. — Когда приезжает Святой Игнатий?

— Эйми написала мне прямо перед тем, как я потеряла сигнал, — говорит она. — Они только выезжали.

— Ух, им придется провести три часа на четырехсотом шоссе, — говорю я.

— А также они будут ужинать в «Макдональдсе» вместо здешней столовой, — замечает Полли. — Звучит как выгодная сделка.

— Кстати, об этом, — говорю я, придерживая для нее дверь хижины. — Мама упаковала мне армейские запасы еды, и я готова поспорить, что ваши с Мэлори отцы сделали то же самое. У нас определенно будет настоящий пикник.

— И не будем говорить об этом Тигу, — соглашается Полли.

Когда автобус Святого Игнатия приехал, парни уже вернулись с ужина и рассказали, что у нас в меню. Эйми видит нас сквозь окно и машет нам. Лицо Полли слегка розовеет, но никто не замечает. Эйми подходит к нам, и когда ее лицо начинает светиться, вы практически верите, что это потому, что мы оставили ей картофельный салат.

В воскресенье в шесть тридцать утра нас будит Кэлдон. Вокруг разносится слабое ворчание, потому что списки показательных выступлений были вывешены еще вчера вечером перед ужином, и Палермо Хейтс будут выступать предпоследними. Что означает, нам не добраться до сцены примерно до двух часов, если все пойдет по графику. Но все никогда не идет по графику. Первыми выступает школа Святого Игнатия, в десять часов утра. Мне интересно, они только проснулись, или их тренер разбудил их еще раньше?

— Я не хочу этого слышать, — говорит Кэлдон, пока Астрид ворочается на своей кровати. — Вы все знали, на что подписывались. Через пятнадцать минут я хочу видеть всех вас на завтраке.

— Я не смогу собраться за пятнадцать минут, — протестует блондинка Сара.

— Без одежды, без одежды, — говорит Полли, скидывая руки вверх и собирая свои волосы в простой конский хвостик. — На это у нас есть целый день.

— Я все еще не понимаю, зачем нам вставать так рано, — стонет Алексис.

— Как и я, — отвечаю я. — Но когда Кэлдон говорит прыгать, я даже не спрашиваю, насколько высоко. Особенно сегодня.

Потому что согласно расписанию завтрак состоит исключительно из шведского стола. У родителей Дженни в Палермо свой собственный продуктовый магазин, и они пожертвовали большое количество умеренно здоровой пищи. Это поможет нам продержаться до вечера. Выступление в два часа дня означает, что нам надо перекусить чем-то легким за ланчем. Я делаю все возможное, чтобы не думать об ужине. К тому времени мы или победим, или проиграем, и гадать об этом бессмысленно.

— Гермiona, передай сок, — просит Тиг. Его кофейная зависимость в такие дни, как этот, особенно тяжелая, но, похоже, он с этим хорошо справляется. Возможно, он достал таблетки с кофеином. Они все еще легальны.

— Зачем мы поднялись? — стонет Лео.

— Потому что мы будем соревноваться снаружи, — отвечает Кэлдон. — Вы никогда не делали этого раньше. В этом случае вы сможете понаблюдать, как первые команды выполняют свои номера, прощупать почву и все еще иметь массу времени, чтобы подготовиться.

— Хорошая идея, тренер, — говорит Тиг. — Я просто надеялся, что для этого вы выберете тот день, когда у меня будет кофе.

— Оставайся сильным, Эндрю, — иронично отвечает Кэлдон. — Это твой последний день сильного черлидера Палермо Хейтс. Сделай его самым лучшим.

— Мы избранные, мы избранные счастливики! — восклицает Тиг, хватаясь за сердце так, будто его подстрелили из арбалета.

— Вот это другое дело, — одобрительно говорит Кэлдон, пока Флори передает ей молоко.

К десяти часам мы все уже заплетены и наши прически украшены лентами, а парни даже успели вздремнуть. Мы вместе сидим на трибуне, ближе к выходу, в уголке, так чтобы мы смогли уйти, как только Святой Игнатий закончит выступление. Приехало больше родителей, чем я прогнозировала. Они также все украсили себя цветами своих школ, но по факту я могу сказать, что существует немало детей среди зрителей, так что Кэлдон не

единственный тренер, кто хочет, чтобы ее команда была вне конкуренции.

Поле было ровным и гладким. Каждый камень заботливо убран, а каждый бугорок вдавлен в землю. Пока мы занимали свои места, спортивные координаторы стелили маты, перепроверяя друг за другом, чтобы быть уверенными, что все крепежи на липучках держатся, и ничто не соскользнет. Земля сухая — этот май не влажный — но выглядит упругой. Наверное, она будет мягче, чем крытый корт, который используем мы. Поскольку поле снаружи, правила слегка изменили, чтобы дать командам пять минут подготовиться на поле, прежде чем начнется отсчет десяти минут до начала конкурсных выступлений. Святой Игнатий, как первая команда этого дня, получает семь минут. Я не совсем уверена в том, что Эйми сможет сделать с этими дополнительными двумя минутами, но в данный момент она, вероятно, рада получить их.

— Смешанные чувства? — шучу я над Полли, когда, зажужжав, оживает звукоустановка позади нас, а ведущий тестирует микрофон.

— Черт, нет, — отвечает она. — В любви и на войне все средства хороши.

— Хорошо, — отвечаю ей. — Я бы не хотела, чтобы ты делала мне сейчас поблажки.

Она ухмыляется, ее белоснежные зубы буквально сверкают, а команда Святого Игнатия выходит на поле на свои семь минут. Представив их, ведущий переключает музыку, и прежде, чем я успеваю понять, что происходит, знакомая музыка наполняет мои уши.

Это было утро, солнечное утро июня, еще две секунды назад, но сейчас темнота последнего летнего вечера августа. Мы не выбираем сами музыку для разминки. Они просто включают что-то популярное и веселое. Естественно, они выбрали это. Басы гудят в земле подо мной, а в воздухе витает запах сосны. Из-за музыки я не могу услышать звуки озера, но я не могла слышать их и тогда. Я не знала об этом, пока они не рассказали мне. Но это не они рассказали мне. Это что-то, что я сама помню.

— Гермиона! — Полли шипит мне прямо в ухо. — Дион, помоги мне!

Они спускают меня вниз с трибуны, вне поля зрения присутствующих. Хотя я все еще могу слышать это, почувствовать этот запах. Дион сжимает меня в объятиях, подхватив под колени и обвив рукой мою талию, и он слишком близко, слишком близко.

— Ради всего святого, опусти ее вниз, — говорит Полли. — Просто опусти ее на землю.

— Ее отец еще не приехал? — спрашивает Дион. Он опускает меня вниз, но не отпускает. Не уверена, что могу стоять. Он никогда снова не поцелует меня. Почему, черт побери, кому-то вообще захочется меня целовать? Я даже не могу нормально дышать.

— Нет, — отвечает Полли. — Но я думаю, мы в порядке.

— Я не думаю, что все в порядке, — говорит Дион, вероятно, потому, что полностью удерживает мой вес, но Полли поворачивается ко мне и игнорирует его.

— Гермиона, или ты что-нибудь скажешь, или я дам тебе пощечину, — угрожает она.

Я хочу сказать ей, что я в порядке. Я хочу быть в порядке. Я хочу, чтобы Дион перестал смотреть на меня так, будто я развалюсь на части. Хочу танцевать перед зрителями, слышать их подбадривания, взлететь и быть пойманной людьми, которым я доверяю. Но я не могу сделать ничего из этого. Больше не могу.

— Гермиона, я не шучу, — Полли на самом деле звучит испуганно. Великолепно. Я и ее сломала. Сейчас мне нужно дышать. Нужно дышать.

— Я здесь, — наконец говорю я. Полли расслабляется, и каким-то образом солнце становится ярче. — Не бей меня.

— Где твой телефон? — спрашивает она. Мне нужно, чтобы музыка остановилась.

Слышать это, вспоминать об этом — тяжело, и я не могу делать что-то еще.

— В хижине, — говорю я. — Он не работает, помнишь?

— Пойдем, — командует она, потянув меня и поставив на ноги. К моему удивлению, мои колени не дрожат, и я не падаю. Хотя Дион все еще удерживает меня. На всякий случай.

Полли тянет меня в сторону хижины, а Дион идет следом, окончательно сбитый с толку.

— Мне приходилось, — говорит она строго, красиво и с полной решимостью, — иметь дело с черлидингом последние десять лет моей жизни, так что ты не имеешь права развалиться на куски в последнюю минуту.

Это правда. Полли в черлидинге потому, что она хочет победить. Я должна извиниться, что была последний год плохим другом, в то время как весь этот год Полли поддерживала мой эгоизм. Мы не ссоримся, не по-настоящему, просто она хочет напомнить мне, почему она позволила мне уговорить себя на это, когда мы были в пятом классе.

Полли врывается в хижину и оставляет нас с Дионом неловко стоять в шаге друг от друга. Он не смотрит мне в глаза. Я хочу поцеловать его, и все вокруг снова начинает вращаться.

— Ты можешь вернуться назад, если хочешь, — предлагаю я.

— Нет, — отказывается он. — Я в порядке, если и ты в порядке.

— Я, правда, хочу быть в порядке, — говорю я. Меня пугает то, как сильно я этого хочу.

— Я знаю, — отвечает он.

Полли возвращается с моим телефоном, выглядя при этом весьма триумфально.

— Забавная история, — говорит она. — На самом деле, в лагере неплохой прием сети. Внутри хижины дерево блокирует сигнал, но хижина сотрудников на холме, и в ясный день можно получить одно или два деления.

— Правда? — спрашивает Дион. Я следую за ними на холм к хижине сотрудников.

— Кому я буду звонить? — интересуюсь я.

— Ты позвонишь доктору Хатту, — говорит Полли, не пытаясь скрыть, что закатывает глаза от моей недогадливости. — А он пнет тебя под зад, в каком бы гольф-клубе он ни находился, а затем мы вернемся назад.

— Он, правда, не очень понимает черлидинг, — говорю ей, набирая номер.

— Он понимает тебя. Пойдем, Дион, — она марширует с ним вниз с холма, пока я нажимаю кнопку «позвонить», и через несколько минут раздаются гудки.

— Гермиона! — приветствует он, отвечая на звонок. — Я думал, сегодня у тебя большой слет черлидеров.

— Национальные соревнования, — поправляю я. — И да, я здесь.

— Тогда, почему, черт побери, ты звонишь мне? — спрашивает он.

— У меня случился своего рода срыв, который, как вы мне говорили, у меня мог произойти, — признаюсь я намного тише, чем ожидала. Сейчас, когда мне пришлось сказать это, сейчас, когда мы далеко от музыки, все снова приходит в норму, хотя края и потрепаны, и я чувствую, что могу взорваться в любой момент. — Они включили мою песню.

— Гермиона Винтерс. Я хочу, чтобы ты внимательно меня послушала, — говорит он. На самом деле, у меня не так много других вариантов, поэтому я слушаю. — Вокруг всегда будут спусковые крючки. Ты услышишь эту песню по радио, будешь регулярно проходить мимо сосен большую часть своей жизни. У тебя будут обрывочные воспоминания о той ночи, когда тебя изнасиловали, и совершенно ясные воспоминания, связанные с твоим абортом. Вокруг будут люди, которым ты просто не сможешь доверять, и люди, которым ты

доверишь свою жизнь. Не многим своим пациентам я могу сказать эти вещи, но я могу сказать это тебе. Ты смогла адаптироваться, и ты храбрая. Так что, приспособься, иди и выиграй на этих глупых танцевальных соревнованиях, чтобы мне не пришлось консультировать тебя по вопросам развития комплекса неполноценности.

— Не хочу вас оскорбить, — говорю я, — но я все еще считаю вас самым худшим психиатром.

— Я знаю, милая. Поэтому это и срabатывает.

Я никогда не задумывалась, почему доктор Хатт согласился лечить меня. Он говорил, что хотел взяться за еще одно дело, прежде чем выйдет на пенсию, и я поверила ему, но думаю, здесь что-то большее. Он знал, что вокруг меня будут люди типа офицера Плуммер или Лео Маккена, люди, которые смогут увидеть в нападении на меня переломный момент в их собственных жизнях. Он знал, что другие психиатры попытаются построить свою карьеру на моем случае, с газетными статьями и, возможно, изданными книгами, если бы судебное разбирательство было особенно сочным. Доктор Хатт не хочет ничего из этого. Он просто хочет заново собрать меня воедино и спокойно отправиться рыбачить.

А я хочу победить.

— Спасибо, — говорю я.

— Всегда пожалуйста, Гермiona!

А затем, что становится для меня откровенной неожиданностью, он добавляет:

— Удачи.

Я отключаю телефон, не попрощавшись, и спускаюсь вниз к Полли и Диону. Это заняло больше пятнадцати минут. Мы пропустили особое выступление Эйми. Теперь я могу извиниться за все произошедшее, а Полли не скажет мне в ответ, что все нормально. Мы это пропустим. Мы оставим это позади, вместе.

— Извини, что заставила пропустить выступление Эйми, — говорю я.

— Я посмотрю запись, — говорит она, но я знаю, что она поняла меня. — Давайте возвращаться. Я хочу увидеть, как выйдет следующая группа, а потом, наверно, нам следует поправить твою прическу.

— И мою, — добавляет Дион. — Я думаю, что она сместилась на целый сантиметр, когда я поймал тебя.

— Мое сердце кровоточит, — говорю я ему. Полли закатывает глаза, но улыбается, когда берет меня за руку.

Когда мы возвращаемся на трибуны, зрители болеют не за нас. Но я притворяюсь, что это так.

Большую часть утра мы проводим, сидя на полу в хижине девочек и притворяясь, что не умираем от волнения. Технически, лагерь Manitouwabing, не говоря уже о нашем тренере, придерживается строгой политики, когда дело касается хижин для мальчиков и хижин для девочек, но поскольку мы на конкурсе и наша школа подписала отказ от претензий, политика лагеря стала немного мягче. Поэтому мы перетащили матрасы со всех верхних коек на пол, разложив их рядышком, и это выглядело как самая странная студенческая ночевка в мире. У нас было целых пять минут, чтобы привыкнуть к земле на площадке, прежде чем они объявят нас, и сейчас мы решаем, как правильно их использовать.

— Левая сторона выглядит неплохо, — говорит Тиг. Он сидит на моем матрасе и играет с замком на моем спальном мешке. Перед ним макет поля, сделанный из карандашей, ручек, и нескольких моих шпилек, которые не поместились в моих волосах. — Но вот склон на правой стороне они не исправили.

— Справа от нас или от сцены? — спрашивает Дженни. Я рада, что она об этом спросила, так мне не приходится этого делать. Нам с Полли не удалось понаблюдать за второй командой, но они были не особо смелыми в использовании пространства, так что мы бы и не увидели ничего из того, что хотели. — Я имею в виду зрителей.

— От сцены, — говорит Тиг, указывая на карандаш. — На этой стороне можно было увидеть всех подготавливающихся, и их гимнасты практически растерялись.

— Так что на практике нужно, прежде всего, выполнить акробатику, — говорю я. Мы с Полли сидим бок о бок, прислонившись к каркасу кровати, в то время как Мэлори и Карен выглядывают из-за наших плеч. Все сидят очень аккуратно, избегая помять форму или прическу. Выглядит все это немного комично.

— А затем броски, я думаю, — говорит Полли. — Не так, что прямо вверх-вниз, а когда каждый приземляется не в том месте, откуда был подброшен. Зрители, будьте настороже.

— Это не может быть настолько опасно, — замечает Алексис. Она возится с ленточкой, и Камерон отодвигает ее руку в сторону, чтобы она все не испортила. — Или, возможно, они не позволят этому здесь произойти. Плюс в том, что мы все выжили в лагере.

— Веский довод, — замечаю я. — Просвети и меня, ладно?

— Но я пока еще ни разу не уронил тебя, — возражает Тиг, и я ничего не отвечаю, потому что это правда.

Звучит аккуратный стук в дверь, что означает, что это не Кэлдон. Мне интересно, может ли это быть мой отец, неизвестно как предупрежденный о моем обмороке, но когда Карен открывает дверь, за порогом стоит Эйми, все еще в своей форме, хотя ее волосы слегка растрепаны. Там, где были заплетены косички, теперь волны, и она выглядит моложе, чем обычно.

— Позвольте взойти на борт? — спрашивает она. — Я имею в виду, я знаю, что технически я враг, но все же.

Все смотрят на Полли, потому что именно она обычно принимает такие решения, и это застигает ее врасплох.

— Входи, Эйми, — говорит Мэлори, и я вспоминаю, что они с Кларенсом долгое время были лучшими друзьями, в любом случае, подмечать такие вещи очень хорошо.

— Ага, — говорю я. — Не то чтобы ты могла чем-нибудь навредить нам.

Я могу видеть, как замечание зависает прямо на кончике языка Тига, пока Эйми подходит к нам. Команда уважает частную жизнь Полли, что заставляет меня гордиться ими. Но сейчас это практически убивает Тига. Полли смотрит на него с расчетливым выражением на лице, а затем тянет Эйми прямо на свои колени. Эйми вскрикивает от удивления, а потом начинает хихикать.

— Кроме того, мы пропустили твой выход, — говорит Полли. Наверно, Эйми видела, как мы покинули трибуны, но так же, наверное, она слышала и музыку. Она знает, что это означает. — Как все прошло?

— О, нет, — протестует Эйми. — Вы не получите от меня никакой секретной информации.

— Господи, Оливер, — говорит Лео. — Что хорошего в том, чтобы иметь внутренний источник, если ты не можешь вытащить из нее информацию?

Как правило, Лео более милый, чем Тиг. Его обращение со мной и немного странные отклонения Тига — еще один намек на то, что все меняется. Так что, я абсолютно уверена в том, что он не собирался говорить то, что сказал.

Тиг начинает так сильно смеяться, что заваливается на пол. Лео становится таким пунцовым, я не думала, что человек вообще на такое способен. Эйми поворачивает лицо к плечу Полли, но я могу с точностью сказать, что она трясется от смеха. Полли выглядит совершенно шокированной. Вероятно, она провела все это время, придумывая остроумные ответы для Тига, и была застигнута врасплох парнем, которому на протяжении месяцев оказывала холодный прием.

— Лео Маккена! — говорит Бренда.

— Нет, нет, вы поняли, что я имел в виду! — протестует он, но в это время все впадают в истерику. — Мне, правда, жаль, — говорит он Эйми. — Я совсем не это... имел в виду.

— Все в порядке, — Эйми заикается, все еще продолжая смеяться. — Я все еще не могу сказать тебе ничего другого, кроме того, что думаю, у нас все в порядке, и прежде всего я рада, что все закончилось.

— Конкуренция? — спрашивает Полли.

— Нет, — отвечает Эйми. — Средняя школа. Моя команда не такая совершенная, как ваша.

Это довольно эффективно убивает весь смех, но не все погружаются в сентиментальные размышления. Девять из восемнадцати членов команды сегодня в последний раз взойдут на танцевальную площадку. Это самый большой выпуск с тех пор, как я присоединилась к команде в девятом классе. Во многом это конец целой эпохи. Больше, чем что-либо еще, я хочу уйти победителем.

Рядом с подушкой Полли пищит будильник, и она встает, чтобы выключить его.

— Час дня, ребята, — объявляет она. — Парни, на выход. Нам нужно сделать последние приготовления, а потом мы встретимся с вами снаружи.

Эйми провожает парней на улицу, а мы поворачиваемся друг к другу, поправляя ленточки и убирая выбившиеся из причесок волосы. Последняя минута уходит на макияж. Дженни хрустит своей шеей, и Мэлори кричит на нее. Мы готовы настолько, насколько возможно. Присоединяемся к парням снаружи и двигаемся в сторону трибун, как команда.

Кэддон ждет нас, и мы разогреваемся, делая все возможное, чтобы игнорировать музыку и выкрики других команд. Без четверти два она останавливает нас и уходит, чтобы размяться. Она будет наблюдать за нами вместе с Флори и нашими родителями с трибун, но

она провела нас настолько далеко, насколько смогла. Остальное зависит от нас.

— Все сюда, — зову я, и моя команда собирается вокруг меня.

Мы проходили уже это в прошлом году и теперь полны надежды. Мы были хороши, но другие команды были лучше. В этом году, я знаю, у нас есть шанс. Мы просто должны отыскать это и показать на площадке. Я делаю глубокий вдох. В воздухе чувствуется аромат сосны, но он больше не беспокоит меня. Команда, которая только что покинула площадку, приближается к нам. Я могу слышать их шепот, такой же, как ветер среди деревьев.

— Это она, — говорят они. — Она именно та.

Моя команда начинает разрывать круг, чтобы найти источник шепотков и заткнуть их. Это тот момент, когда я делаю выбор. Это будет не в последний раз.

— Слушайте все, — говорю я, и вот так просто они снова со мной. — Это наш день. Нам необязательно было пересекать всю страну или даже пересекать провинцию, потому что это наш день. Мы тренировались для этого, готовились и думали об этом. Тиг перестал пить кофе, и я точно уверена в том, что Дженни перестала есть мороженое с мартовских каникул. Из-за тренировок вы проваливали тесты. У вас были дополнительные задания. Каждый из вас выбрал для себя быть здесь. Несмотря на жесткую конкуренцию, вы все решили попробовать. Вы все выбрали отказаться от возможности когда-либо выспаться, чтобы по утрам тренироваться. Вы выбрали ограничить свою социальную жизнь. Также вы выбрали сделать товарищей по команде своими друзьями. И вы выбрали сегодняшний день.

— В течение этого года, в воздухе и на земле, я обращалась с просьбами к большинству из вас. И я собираюсь просить в последний раз, — теперь я практически шепчу, как ветер и деревья, и моя команда наклоняется ближе, чтобы услышать мою речь. — Выберите выйти вместе со мной, еще один раз. Выберите сделать самое лучшее, что можете. Выберите довериться своей команде. Выберите победить, а я знаю — я точно знаю — мы можем это сделать.

Из горла Тига вырывается рычание. Мне никогда не овладеть таким рыком, мой всегда звучит как рев львенка с несварением желудка, но я вместе с остальными присоединяюсь к нему. Это та вещь, которую мы берегли для национальных, наша козырная карта, чтобы отличиться от остальных команд Онтарио. Мы навсегда «Боевые Золотые Медведи», но ради очень особого случая мы можем копнуть глубже.

— Леди и джентльмены! — произносит комментатор. — Из Палермо, Онтарио, пожалуйста, встречайте «Боевые Золотые Медведи»!

Мы выбегаем наружу, яростные и скалящиеся, и я наблюдаю за тем, как акробаты делают свои трюки, как только начинается отсчет времени. Мы выполняем перекрестные броски, чтобы просто посмотреть, как это будет выглядеть, и Тиг рапортует, что земля в порядке. Все-таки, это не приводит к разрушительному эффекту. Когда мы сделаем это по-настоящему, четверо из нас будут в воздухе, и это будет выглядеть намного круче. На выход у нас сорок пять секунд, и Полли ведет всех на их позиции, как только часы останавливаются. Лео встает на свое место около меня, покручивая плечами от нервов, и адреналин в последний раз пробегает по телу, прежде чем инстинкты берут свое.

— Извини, Винтерс, — говорит он, и это все, что я слышу. Меня никто так не называл месяцами. Я скучаю по нему как по другу.

— Спасибо, — отвечаю я, и это ужасно, потому что мы уже нацепили наши фальшивые пластиковые улыбки. — Скажи мне это еще раз, — говорю я. — После.

— Я буду говорить тебе это так часто, как ты захочешь, — говорит Лео. И вот я

понимаю, что именно это он и имеет в виду. Он больше не собирается ждать момента, чтобы извиниться, этот момент может и не настать. Он вырос как человек, и в течение следующих пяти секунд меня не волнуют причины этого.

Затем включается музыка, и я знаю, что собираюсь взлететь.

Я не замечаю офицера Плуммер в толпе, пока мы не заканчиваем выступление. До того момента, как музыка остановилась, я не видела зрителей. Некоторые парни и девушки смотрят на своих родителей и осторожно кивают головами (Кэлдон запретила махать под страхом множества, множества кругов бега), но я никогда так не делаю. Моя сосредоточенность — это мое лучшее оружие. Как у флаера, по большей части моя судьба в руках разных людей, в прямом смысле, поэтому я делаю все возможное, чтобы быть стабильной, в надежде, что это поможет другим устойчиво держать меня на высоте.

Так что я исполняю свой номер. И он совершенен. Мы попадаем в каждое приземление, мы тянем каждый носок. В своих выпадах Тиг достигает таких высот, каких я никогда не видела, и толпа звереет в тот момент, когда мы делаем крупномасштабную передачу перекрестных выпадов. С самого начала нашего выступления улыбка черлидера у меня на лице наполовину фальшивая, но с того момента, как Дион подбрасывает меня в воздух, и я пролетаю мимо Полли в руки ожидающих поймать меня Кларенса и Камерона, это все — настоящая я. Когда музыка останавливается, и на пять идеальных секунд дольше положенного мы застываем на наших позициях, зрители аплодируют так громко, что вертолет для тушения лесных пожаров может пролететь прямо над моей головой, а я могу даже не услышать его. А затем мы спрыгиваем на маты, плача и целуясь, именно в этот момент таймер показывает по полям.

Рядом со мной прыгает Мэлори, выглядя счастливее, чем я когда-либо видела ее. Она обнимает меня, смеясь, и я думаю, одновременно плача, но здесь так шумно, что я не могу ее нормально слышать. Ее рот рядом с моим ухом, и я разбираю повторяющиеся слова «Мы сделали это! Мы сделали это!», прежде чем Полли и остальные выпускники прорываются к нам, и мы становимся массой рук, вздохов и смеха.

— Заткнитесь! Заткнитесь! — говорит Лео, но он не злится. Он просто говорит нам о том, что они вот-вот объявят наши очки.

Каждая команда набрала менее шестидесяти очков со всеми подкатегориями хореографии, синхронности, креативности, техники, исполнения и стиля. На данный момент, первое место удерживает первая команда Британской Колумбии, у них пятьдесят три очка. Я думаю, мы были лучше, заслужили, по крайней мере, одно идеальное очко, но судьи могут видеть то, что мне не видно, и они не склонны быть предвзятыми к моей школе так, как я.

— Давайте, — шепчет Тиг. Его убивает то, что объявление очков длится так долго. Судьи не испытывают каких-либо драматических чувств, и пока соревнования продолжаются, они склонны затягивать оглашение результатов.

— Леди и джентльмены, команда школы Палермо Хейтс зарабатывает... — провозглашает комментатор, — пятьдесят семь из шестидесяти! И занимает первое место!

Комментатор рассказывает о том, где мы потеряли три очка, но я больше не могу его слушать. Семнадцать людей кричат мне в уши, и я сама кричу довольно громко. Это именно тот момент, когда я, наконец, смотрю на зрителей и вижу своего отца, подпрыгивающего на месте и обнимающего маму Полли, пока Кэлдон и Флори свистят и размахивают руками. Рядом с ними офицер Плуммер, которая искренне аплодирует, хоть и выглядит слегка смущенно. Это наверно ее первое нахождение на соревнованиях по черлидингу.

— Двигаемся, ребята, — говорит Полли. Нам нужно привести себя в порядок после слез и поцелуев, так что следующая команда может проходить на свое выступление.

Я не знаю, как оказалась сбоку от группы. Возможно, я пыталась взять инициативу на себя. Возможно, я шла немного не в ногу с остальными. Я не помню. Что я помню, как подняла голову, когда мы проходили мимо команды из Нью Йорка, третьей команды из Онтарио, которые попали на соревнования потому, что Онтарио была принимающей провинцией. Они были в одном объединении с командой Эйми, поэтому мы не сталкивались с ними на Провинциальных соревнованиях. Я не знаю, лучше они нас или нет, но они не смогли победить команду Святого Игнатия, поэтому я не слишком волнуюсь. Кроме того, их цвета красный и черный, и они все одеты в штаны. Прямо до этой минуты это было всем, что я знала об их школе. Когда они проходили мимо и так быстро, что я даже не уверена, что это произошло, я встретилась взглядом с одним из парней.

Я не узнала его, не совсем, но я узнала выражение на его лице. Это выражение мы надеваем на лицо, когда наши учителя говорят нам: «Вы сделали домашнюю работу?». Это то выражение, которое нацепил бы парень, когда офицер Плуммер сказала бы: «Ты подменил образец ДНК, чтобы избежать получения обвинения в изнасиловании и преступной небрежности?». Или так и будет, в зависимости от того, как я решу поступить дальше.

Он видел меня на танцах. Раньше, в лагере, и теперь прямо здесь. Он должен осознавать, что я реальный человек, не неодушевленный предмет. Может, он думал, что был романтичным, если изнасилование с применением наркотиков в лагере черлидеров вообще могло когда-либо считаться романтичным. Может, он просто придурок. В любом случае, он опоил меня, увел меня от моих друзей, изнасиловал и оставил в озере. Теперь выбор за мной. И он знает об этом. Он должен появиться там с пластиковой улыбкой на лице и быть в восторге от талисмана его школы, а здесь его возвращения, возможно, будет ждать взведенный курок. Он не хочет знать об этом до тех пор, пока все не разрушится. Пока я не сделаю выбор, чтобы все разрушить.

Я рассматриваю свои варианты. Я могла бы прямо сейчас убийственно закричать, но у меня нет доказательств. Я могла бы сказать Полли, черт, я могла бы сказать Мэлори, и она бы убила его для меня. Или, по крайней мере, я могла обвинить его во всем и посмотреть, как он побежит, когда его будут преследовать «Медведи». Но это может привести к нашей дисквалификации. Я хочу, чтобы он заплатил, естественно, но также я хочу победить.

Сейчас вся его команда прошла мимо меня, а я вышла из себя. Впереди меня Полли замечает, что я пропала, и оглядывается через плечо, чтобы посмотреть, где я. Она что-то говорит Карен, а затем идет назад, чтобы встать около меня.

— В чем дело? — спрашивает она. — Ты в порядке?

— Я в порядке, — говорю я ей. Потому что так и есть. Прямо сейчас в моих руках весь его мир, и это ощущается очень, очень хорошо.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Я делаю выбор, — отвечаю я. — Что ты думаешь по поводу мести?

— Кто-то сказал, что это копанье двух могил, — говорит Полли. — Но если ты сможешь сделать это с минимальным побочным ущербом, то я — за. А что?

Я смотрю на нее. Сейчас она в ленточках и короткой юбке, но я знаю, что скрывается под всем этим. Когда Полли рассказывает людям, что собирается в Мак, потому что там лучший учебный госпиталь, большинство людей полагают, что она собирается стать врачом.

Они ошибаются. Полли планирует быть первым человеком, которого увидят новорожденные, только что появившиеся на свет, также она планирует помогать их мамам в этом деле. Вероятно, она смогла бы стать великим врачом, но вместо этого она собирается стать чертовски хорошей акушеркой. Она выглядит абсолютно безобидной, кроме тех моментов, когда обнажает свои зубки. В своем сердце она навсегда останется «медведем».

— Успокойся, — говорю я и переплетаю наши пальцы. Я не \достаточно сильная, чтобы оттянуть ее назад, не совсем, но я смогла бы немного сдержать ее. — Высокий, с каштановыми волосами. Это он.

Полли остается абсолютно неподвижной. Мне приходится дважды проверить, чтобы убедиться, что она дышит. Она не выглядит злой или охваченной мстью, как я думала. Вместо этого, она, как и я, выглядит задумчивой.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает она.

— Я еще не решила, — признаюсь я.

— Ну, помни, что здесь офицер Плуммер, — говорит она. — Если ты нуждаешься в профессионале или еще что.

— У меня нет доказательств, — напоминаю я ей. — Этот парень каким-то образом подменил образец ДНК. Он на самом деле не хочет, чтобы его поймали. Если бы я просто так бросила ему в лицо обвинения, он мог бы просто соскочить.

Мы наблюдаем за тем, как команда Нью Йорка заканчивает свою подготовку. Мне интересно, знают ли они. Мне нравится думать, что девушки сбросят его на задницу, не раздумывая, и я чертовски сильно надеюсь, что парни сделают также, но, может, они так не поступят. Возможно, когда он рассказал им о своем летнем завоевании в лагере, они поздравляли его. Возможно, он упустил крошечные детали, где я не давала своего согласия, и они никогда не соединят все кусочки воедино. Возможно, они все просто придурки.

— Ты должна что-то решить, — говорит Полли.

— Знаю, — отвечаю я. Если быть честной, я с нетерпением жду этого. В прошлый раз он лишил меня возможности сделать выбор, оставил меня только с обрывками воспоминаний. Возможно, сейчас я просто верховожу этим, наслаждаясь ощущениями, пока это длится. Возможно, я позволила всей власти проникнуть в свою голову. Наверно, доктор Хатт гордился бы мной.

Комментатор называет имя команды, и зрители начинают аплодировать. Они выскакивают наружу, черно-красные пятна, и я вижу, как он выбрасывает бутылку из-под воды в мусорный бак.

— Кретин, — замечает Полли. — Вторичная переработка была прямо здесь.

— Полли! — говорю я. — Иди, возьми у Мэлори мешок с застежкой. Большой.

— Зачем? — спрашивает она. Потом понимает зачем, и уходит так, будто я подожгла ей ноги.

Я не уверена в легальности всего этого. Я имею в виду, я знаю, что это сработало в «Законе и Порядке», но это телевидение, тем более американское. Но он выбросил это. Там был его образец ДНК, и он его выбросил. Я стою около мусорного бака, мои глаза выискивают его бутылку, когда включается музыка.

Полли возвращается с пакетом прежде, чем начинается выступление, а вместе с ней и офицер Плуммер.

— Я люблю тебя, — потому что действительно люблю.

— Я знаю, — отвечает Полли, потому что это правда.

— У тебя отлично все получилось, Гермiona, — говорит офицер Плуммер. Я не уверена, о чем именно она говорит, о черлидинге или о той части, где бутылка поможет раскрыть преступление. Она щелкает парой перчаток, несмотря на то, что прямо сейчас она в штатском, и Полли передает ей пакет.

Я наблюдаю за тем, как она удерживает бутылку, аккуратно пломбирует и прикрепляет к пакету ярлычок.

— Я узнаю его имя по записям, — говорит офицер Плуммер. — Мы привлечем его и сделаем новые тесты так скоро, как только возможно.

— Спасибо, офицер, — говорю я еще раз. — Вы потрясающая.

Она выглядит так, будто хочет сказать, что это я потрясающая, но, к счастью, она этого не делает. Вместо этого она машет нам и направляется к своей машине. Возможно, она, наконец, поняла, что я хочу быть потрясающей в чем-то другом.

— Нам лучше идти, — говорит Полли. — У Мэлори миллион вопросов, и если в ближайшее время мы не вернемся, они пошлют поисковую группу.

— Ты просто хочешь перед всеми поцеловать Эйми, когда мы выиграем, — говорю я ей.

— Заткнись, — огрызается она и берет меня за руку. — Сегодня все для нас, если мы этого захотим.

— Да, — соглашаюсь я. — Так и есть.

Я не думаю об университете, или о последующем суде, и даже о соревнованиях по черлидингу. Я не переживаю о людях, которые молились за меня, или о том, что являюсь «изнасилованной девушкой». Я танцевала раньше, и буду танцевать и завтра. Пока я покидаю поле вместе с Полли, я закрываю глаза и представляю малыша, которого никогда не было, и маленькую девочку, которая уже никогда никем не станет. Они будут забыты.

И я тоже.

*** КОНЕЦ ***

Больше книг на сайте - Knigolub.net